

ШАРИПОВ У.З.

ТЕГЕРАН-
ЖИЗНЬ НАКАНУНЕ

МОСКВА 2015

Федеральное агентство научных организаций
Российская Академия Наук
Институт востоковедения

ШАРИПОВ У.З.

ТЕГЕРАН-

ЖИЗНЬ НАКАНУНЕ:

середина 70-х гг. XX-го века

/очерково-аналитические зарисовки/

МОСКВА 2015

Ответственный редактор д.и.н., проф. Хазанов А.М.

Шарипов У.З.

ТЕГЕРАН – ЖИЗНЬ НАКАНУНЕ: середина 70-х гг. XX-го века (очерково-аналитические зарисовки), ИВ РАН, М., 2015, 264 с. (с иллюстрациями)

ISBN - 978-5-89282-649-5

Иран, как государство, в новейшей истории преодолел много «перевалов» в своем развитии от полуколониального и отсталого феодально-монархического состояния до превращения в современную державу с развитой политической, экономической и социальной структурой. Наиболее ярко и диверсифицировано данный процесс наблюдался в его столице – Тегеране.

Настоящая книга освещает его жизнь в заключительные годы существования шахского режима Мухаммада Реза Пехлеви, а именно в середине 70-х годов XX-го века. Хотя её заголовок обозначен обобщенно, как «Тегеран – жизнь накануне», однако она по существу не касается таких важных проблем, как политический, религиозный и военный аспекты, так как каждый из них требует своего специального и ёмкого исследования. Поэтому содержание настоящей книги следует рассматривать скорее как «Тегеран – гражданская жизнь накануне».

Рассматриваемые годы были периодом, когда общественное развитие Ирана велось под ведущими лозунгами величия иранского монархизма и тесного сотрудничества с западной цивилизацией. Исламская революция 1979 года сокрушила такую противоречивую стратегию национальной модернизации. Страна избрала другой путь, оптимально отвечающий духовному настрою иранского народа, – путь развития, опирающийся на национальный суверенитет под руководством исламского шиитского руководства.

ISBN 978-5-89282-649-5

с) Шарипов У.З.

с) ООО «Полиграфдизайн»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

История Тегерана

Архитектурный облик иранской столицы

Архитектурные достопримечательности

Современное строительство

Улицы

Санитарное состояние города

Дачные окрестности Тегерана

Культурная жизнь столицы

Музеи

Археологический музей

Гулистанский музей

Антропологический музей

Музей декоративного искусства

Музей национального искусства

Оружейная палата офицерского института

Полицейский музей криминалистики

Национальная сокровищница Ирана

Мир искусства

Театр

Кабаре

Иранское кино и столичный экран

Миниатюры и современная живопись

Просвещение, пресса и наука Тегерана

Система общественного образования

Вузы

Столичное студенчество

Пресса

Наука

Спорт

Экономическая деятельность

Нефтяное счастье Ирана

Промышленные зоны столичного региона

Промышленные объекты «Малого Тегерана»

Мультимиллионеры делового мира столицы

Народные ремесла

Кустарные ремесла

Ковры Ирана

Рабочие руки Тегерана

Торговля в столице

«Базаре бозорг» («Большой базар»)

«Лалезар»

Банки и иностранный капитал

Иностранцы в Тегеране.

Транспорт Тегерана

Автомобильное наводнение

Коммуникации «Большого Тегерана»

Внешние коммуникации иранской столицы

Заключение.

*Посвящаю моему отцу
Шаринову Зиятудину –
ветерану-востоковеду*

Введение

История каждой страны многолика: меняются правители, системы и структуры государственной власти, национальный и социальный составы, религиозные убеждения и характеры общественной жизни. Как правило, наследующие верховную власть путем переворотов, либо в результате внутриобщественной борьбы новые политические режимы, как правило, враждебно, либо с подчеркнуто ослабленным вниманием относятся к смененному периоду истории своей страны.

Так, к примеру, в Советском Союзе относились к предшествовавшему ему царскому режиму, а в современной России относятся к периоду социалистической власти СССР.

Что касается Ирана, то, как известно, с 1979 года в этой стране в результате исламской революции была установлена власть Исламской Республики. Она свергла прозападный режим династии Пехлеви и ввела в обществе устои национально-шиитского управления. Таким образом, прежде существовавшие в иранском обществе противоречия между контрастно противостоявшими силами: исторического национализма и исламско-шиитского народного мышления, а также бедных и традиционных слоев, с одной стороны, и богатейших кланов, ведших прозападный антиисламский образ жизни на фоне огромной социальной отсталости в жизненных условиях подавляющей массы иранского народа – с другой, были сметены новой народной революцией и

установившейся националистической властью под управлением радикального шиитского духовенства.

Негативные стороны предыдущего исторического периода оказались настолько несостоятельными (а столица страны – Тегеран – прежде всего и демонстрировала наихудшие привнесенные извне черты, противоречившие антинационально и антицивилизационно характеру иранцев), чтобы гарантировать продолжение существования правившего тогда политического режима шаха Мохаммада Реза Пехлеви. Однако и тогда иранское общество обладало определенной сугубо иранской социальной культурной и деловой диверсификацией, то есть не только привнесенными извне атрибутами западной жизнедеятельности, но и наследием исторической национальной цивилизации, а также освоенными иранцами естественным образом формами современного международного сотрудничества.

Поэтому в настоящей книге, на основе путевых заметок и некоторого добавления статистических и других данных по некоторым сторонам функционирования иранской столицы, мы представляем Тегеран 70-х годов XX-го века – то есть накануне начала процесса исламской революции – в его противоречивом социальном и политическом разнообразии. По стилю изложения этот материал представляет собой смесь очерковости и дополнительного страноведческого анализа.

Следует также учитывать, что облик Тегерана и его внутренняя жизнь к настоящему времени претерпела большие изменения, так что материалы в данной книге – это взгляд на его не столь отдаленное прошлое.

ИСТОРИЯ ТЕГЕРАНА

На земном шаре, пожалуй, нет страны, сменившей такое большое количество столиц, как Иран – это Экбатаны, Пасаргады, Персеполис, Ктесифон, Нусай (Ниса), Нишапур, Тебриз, Исфахан, Шираз, и, наконец, история вручила ключи города-премьера Тегерану, который продолжает оставаться таковым и в настоящее время.

То есть период зарождения, развития и возвышения современной иранской столицы был намного моложе сравнительно с историей становления иранского народа.

Почему так случилось? Иран – одна из древнейших стран мира. Эстафета нескольких тысячелетий мировой цивилизации Восток-Запад и Запад-Восток часто непосредственно или краем проходила по его территории. Об этом свидетельствуют обнаруженные остатки материальной культуры Шумера-Аккада и Элама на юго-западе Ирана, величественные каменные руины погибших столиц – Пасаргады и Персеполиса (Тахте Джамшида) и других иранских городов.

О том же напоминают донныне живые, хотя и пониженные в звании, города – Исфахан, Тебриз, Шираз и Нишапур, но тем не менее больше, чем нынешняя столица, сохранившие различные памятники – блистательные осколки своего бывшего могущества, славы и великолепия. Они воспеты в многочисленных стихах поэтов, в повествованиях древних и средневековых авторов. Но гении и мастера пера, какого бы ранга они ни были, не выбирают столицы. Они их только воспевают, а зодчие и строители – формируют и одевают, наводят лоск.

Столицы провозглашают и любовно пестуют, либо разрушают и покидают, властелины и политики: их сила и любовь или слабость и ненависть.

Иран – многонациональная страна, где на протяжении долгого исторического пути вместе сосуществовали две крупнейшие языковые массы – персоязычные и тюркоязычные. Менее значимую роль в ней играли арабы, армяне, иудеи и другие народы.

Иран – это прежде всего родина персов. Пока их сила была ограничена, они поднимали стяг центральной ставки в границах расселения своих племен. Затем, по мере расширения повластной государству территории, столицы переносились в наиболее удобные для правителей и управления народом места. Поэтому многовековая взаимосвязь соседствовавших друг с другом персов и тюрков-шиитов и тюрков-суннитов, во имя уравновешенного расположения их совместной столицы, постепенно сместила её из Фарса-первородины персов, расположенного на юге и примыкающего к Персидскому заливу, на север: в Рей, Исфахан, Тебриз и, наконец, в Тегеран – «золотую середину» равного удаления и от Залива, и от Каспийского моря. Таким стал итог многовекового политического «торга» двух основных этнических групп иранского общества – персов и азербайджанцев. Уравновешена столица была и в отношении двух наиболее важных государственных границ – с Оттоманской империей и Средней Азией. При этом, конечно, нельзя умалять благоприятные климатические условия прилегающего непосредственно к горам Эльбурсского хребта тегеранского района, сравнительно со многими другими, по преимуществу засушливыми, территориями всего Среднего Востока. То есть в любом случае, даже, если выбор столицы вызывался субъективным актом того или иного самодержца, свершавшего его с

целью оторваться от опасных сторон наследия и корней предыдущей династии, создать новый центр страны, или в поисках приятного его сердцу уголка земли, где он желал бы провести свою жизнь и определить очаг своей династии. Вместе с тем, долгосрочность существования избранной столицы зависела также и от её соответствия равновесию господствующих политических и национальных сил страны.

Исторически Тегеран, как сравнительно значимое поселение, не относится к числу наиболее древних. Первое упоминание о нем восходит к 9-му веку как о маленьком селении в 8 километрах севернее города Рея.

Процесс превращения Тегерана из селения в город, а затем в столицу невозможно обозначить без описания процесса эволюции всего местного региона, представлявшего собой более или менее единый жизнеспособный и обладавший возможностями для развития «оазис». Первоначально важное место в его историческом пути занимал город Рей, так как и Рей, и Тегеран являли собой две взаимозависимые, хотя зачастую неравнозначные, части одного регионального целого. Предшествовавший расцвет Рея обеспечивал неплохой стимул Тегерану, выполнявшему, помимо прочего, роль дачного приложения первого из них.

Рей (или иначе Рага) по священной книге зороастрийцев «Авесте» считается двенадцатым городом, основанным Ахура Маздой (Добрый Духом). Первые исторические сведения о нем связаны с Александром Македонским, который, разбив войска ахеменидского царя Дария III в 330 году, перед новым броском на восток, сделал короткую остановку в Рее.

Спустя 30 лет наследник большей части империи Александра Селевк Никатор перестроил Рей и назвал его Европос в честь своего родного города в Македонии.

Однако в следующем году этот город был захвачен парфянами во время их продвижения на Запад и стал летней резиденцией их царя. Затем, в, так называемую, арийскую эпоху, со слов Исидора Каракса, Рей считался крупнейшим городом Мидии. При Сасанидах Рей упоминается только в момент гибели этого государства: здесь в 641 году последний сасанидский царь Иездигерд предпринял последнюю попытку мобилизовать силы страны против наступавших арабов. Старания Иездигерда потерпели крах, он был вынужден бежать, а город Рей разрушен победителями. Однако они вскоре восстановили его. С тех времен к востоку от Рея сохранилась гробница дочери Иездигерда Биби Шахрибану, которая, в соответствии с традицией сохранения голубой крови и развития династийных связей, была выдана замуж за Хусейна – внука пророка Мухаммада, основателя новой религии-ислама. До сих пор сохранилось положение, по которому только женщины, а из мужчин – саиды, потомки пророка, могут посещать эту гробницу.

Рей был любимой резиденцией первых Аббасидских халифов. Здесь в марте 763 года родился прославленный в истории и сказках «Тысячи и одной ночи» халиф Харун ар-Рашид. Несколько позже этот город явился местом рождения великого философа, писателя и медика Абу Бакра Мухаммеда ибн Закария, в мире более известного как ар-Рази или Разес.

По свидетельству очевидцев, Рей того периода был большим густонаселенным центром. После Аббасидов указанный город наследовал могущественный феодальный клан Бувейхидов. Гробницы

Бувейхидов расположены в полутора километрах на юго-восток от современного Рея.

В дальнейшем, пережив краткое подчинение империи Махмуда Газневидского (998-1030 гг.), Рей попал в руки известного тюркского завоевателя Тугрул-бека, основателя Сельджукской династии. Именно в то время в Иране^{x/} обострилась идеологическая борьба в рамках исламской религии. В сути происходящих событий лежал тот факт, что Персия настойчиво искала свою объединенную религиозно-идеологическую платформу, чтобы противопоставить себя арабам и найти соответствующий диалог с тюркскими племенами, соседствовавшими с персами во многих районах страны. Под знаменем антифеодальной борьбы в городах Эльбурса сформировалось прошиитское исмаилитское движение, образовавшее теократическое государство. Хотя его центром являлась крепость Аламут, в горах возникали и росли новые крепости и селения ремесленников и крестьян-сторонников исмаилитов. Об остроте политических коллизий тех лет говорит такой факт. В Рее во второй половине XII столетия прославился как ученый уроженец города Имам Фахр ад-Дин Рази, автор многих коранических толкований, работ по философии, праву, риторике и по другим наукам. Это было время, когда «Орден исмаилитов» был на вершине своей власти и влияния. Фахр ад-Дин же был яростным противником фанатической деятельности исмаилитов. Последние подослали к нему агента-фидаина, который сначала пригрозил ему расправой, а затем вручил испуганному ученому 300 пластин золота, потребовав взамен отказаться от поношения «Ордена». Когда

^{x/} - На протяжении многих веков (и в том числе при Сефевидах и Каджарах) страну называли Персией, и только при Реза-шахе Пехлеви с 1935 года она стала носить новое название – Иран. В данной связи, обозначение названия страны в настоящей работе приводится в соответствии с её названиями в те или иные конкретные периоды.

впоследствии, заметив резкую перемену в его взглядах, друзья спросили у Фахр ад-Дина Рази о том, что с ним произошло, он ответил: «Один не должен обвинять их, у них аргументы также весомы и достойны!»

Деятельность исмаилитов подрывала нормальную жизнь сельджукидского государства и, наконец, разложила его устойчивость. Данное обстоятельство неблагоприятно сказывалось на жизни Рея. В довершении всего в 1220 г. город почти полностью был разрушен монголами. Произошедшее в дальнейшем падение значения Рея как столицы и главного города региона предопределило рост жилых помещений, а также торговых лавок и ритуальных построек в Тегеране. Это – шаг за шагом повышало его ранг в качестве растущего населенного пункта. Дело в том, что к северу от Рея в тегеранском районе были более благоприятные климатические условия, где сразу от него круто вздымались ввысь могучие плечи хребта Эльбурс. С них устремлялись на юг чистые и шумливые горные речки. Всё это в совокупности смягчало огненное дыхание прилегающей с юга пустыни Деште Кевир (Соляной пустыни).

Часто жители Рея, в надежде на прохладу, оглядывались на зеленеющий в далекой дымке север, а в тяжелые моменты засух от отчаяния пятились поближе под сень Эльбурса. Таким образом, пригороды и деревни к северу от Рея принимали переселенцев из этого города, так что постепенно ядро народонаселения региона сместилось выше, сосредоточившись вокруг селения Тегеран. Из ущелья Дарбанд вниз неслась, весело журча в теснине ею же принесенных массы камней, речушка, на берегах которой и устраивались жилища.

Хотя этимология слова Техран (Тегеран) является спорной до сих пор, вместе с тем предполагается, что оно обозначает «теплое место». Как видно, так было названо вытянутое с юга на север селение для его

тогдашнего обозначения в противоположность Шамирану (ставшего через несколько веков северным районом Тегерана) – «холодное место». Такое климатическое сочетание и определило рост возникшего здесь города. Если говорить уточненно, то Тегеран как район стал медленно обживаться, начиная с XIII века, а в следующем столетии считался даже торговым центром. Хамидулла Мустауфи, известный географ и историк, живший в первой половине XIV века, охарактеризовал Тегеран как уже сложившийся город, и, сравнивая его с Реем в климатическом отношении, отдавал предпочтение первому.

Интересно, что в то же время Тегеран посетил первый европеец – дон Руи Гонсалес де Клавихо, посол короля Кастилии Хуана III. В 1404 году, совершая путешествие в столицу грозного завоевателя Тамерлана город Самарканд, он сделал короткую остановку в Тегеране. Характеризуя его, Клавихо отметил, что город не имел стен. В XV веке Тегеран не выходил сравнительно из рамок маленького города, насчитывая всего около трех тысяч домов, и не располагал фортификационными сооружениями.

Сефевидский период (1501-1722 гг.) следует рассматривать как начальный этап превращения Тегерана в сравнительно более крупный город. Сефевидские монархи проявляли интерес к нему, хотя и не рассматривали его в качестве места своей возможной резиденции. В 1553-1554 гг. шах Тахмасп I построил в Тегеране крупную башню и обнес город стеной высотой в шесть метров и рвом глубиной более трех метров. Городская стена, протянувшаяся в окружности почти на пять километров, имела сто четырнадцать башен и десять ворот («дарвазе»), которые были покрыты живописной майоликовой мозаикой. Особую привязанность к Тегерану питал шах Аббас I, который часто приезжал сюда. Однако, как засвидетельствовали хроники, во время

одного из посещений в 1598 году шах тяжело заболел и находился в лежачем состоянии в течение нескольких месяцев. Впоследствии он уже больше не возвращался в этот город. Посетивший Тегеран в 1618 году итальянский путешественник Пьетро делла Валле, писал, что «по площади этот город был намного крупнее Кашана (что находился в 258 км к югу от Тегерана), но его население не было большим, а многочисленные деревья разных пород обеспечивали городу прохладу даже в летнюю жару». Особенно он отмечал «огромные платаны, стволы некоторых из них в окружности достигали пяти метров». В 1628 году в Тегеране в течение трех дней, держа путь во дворец шаха Аббаса I (который временно располагался в Казвине в 150 км на северо-запад от Тегерана), находилась уже английская делегация. Это был королевский посол сэра Додмор Коттон в сопровождении свиты, в состав которой входили Томас Герберт и Роберт Стодарт. В своей книге «Путешествие в Персию» Т. Герберт написал о «Тироэне» (так он назвал Тегеран): «Расположен в центре большого плоскогорья. Дома из белых кирпичей, обожжённых на солнце. Город имеет три тысячи домов, а базар делится надвое: на открытую и подводную части. Речушка двумя рукавами несет свои воды через город, орошая как рощи, так и сады. Примыкающий к жилым кварталам громадный сад правителя, обнесенный высокой глиняной стеной, не уступал по площади городу. Жители приятной наружности, стройные, женщины милы и любознательны. Однако ревность мужчин сдерживает нрав слабого пола».

Его коллега Роберт Стодарт отметил в своем дневнике, что ««Техарон» – прекрасный град, лежащий на равнине и окруженный многочисленными маленькими селениями»».

Если взять на веру число домов Тегерана, приведенное Т. Гербертом, то население его в начале XVII века не превышало тридцати тысяч человек, то есть значительно уступало Исфахану.

В последующие почти сто лет о Тегеране не было написано ничего существенного, представляющего исторический интерес. Дальнейшая более или менее значимая информация начинается только с 1720-1721 годов, когда больной шах Султан-Хусейн (1694-1722 гг.) расположил в Тегеране свой монарший двор. Здесь же он дал аудиенцию хитрому послу турецкого султана Ахмада III Дорри Эфенди, который был послан в Персию для сбора сведений о её внутреннем положении. Дорри Эфенди увидел развал соседней страны, и предсказал падение Сефевидского государства в недалеком будущем. К несчастью для шаха и его народа предсказание Эфенди сбылось менее чем через год: в 1722 году, во время вооруженного нашествия афганцев на Персию Тегеран оказался среди городов, разоренных завоевателями. Когда Надир Кулибек – будущий Надир-шах – стал теснить афганцев, они перед уходом устроили резню многих известных жителей города. От афганцев в Тегеране осталась еще одна память – это построенная ими цитадель. Вскоре город залечил нанесенные раны, а крепость позднее была использована Керим-ханом Зендом как резиденция. В 1759г. он, фактический правитель Персии, но называвшийся только «Вакилем» – регентом от имени Сефевидской династии, построил в Тегеране первый монархический дворец, который по его замыслу должен был соперничать с Сасанидским дворцом в Ктесифоне. Это строение не дожило до наших дней, но место его расположения вблизи нынешнего Гулистанского дворца в Тегеране по-прежнему носит название «Халвате Керим-хан» («Уединенная обитель Керим-хана»). Этот факт указывает на то, что Керим-хан фактически уже вынашивал мысль перенести свою

столицу из Шираза в Тегеран, но не реализовал её. После его смерти в 1779 году наследовавший за ним власть в результате продолжительной борьбы Ага Мухаммад-хан – основатель Каджарской династии – совершил поход в северные провинции Мазендаран и Горган, а в 1781г. после короткой осады взял Тегеран. Но первоначально свой выбор столицы он остановил на городе Сари (в 250 км на северо-восток от Тегерана): здесь он основал место пребывания своего двора, чтобы быть поближе к районам расселения тюркоязычных Каджарских племен.

Однако через несколько лет он снова вернулся на юг, чтобы завершить подчинение Фарса и других районов Ирана своей власти. Именно в связи с этим он решил перевести свою столицу из Сари в место, одновременно близкое к Фарсу и юго-западу Персии, а также хорошо расположенное к Горгану и Мазендерану и далее к Кавказу. После долгих исканий и раздумий он, в конце концов, выбрал небольшой город Тегеран, как наиболее подходивший его намерению, и в 1786 году тот впервые был провозглашен столицей государства. Именно этот год следует считать годом рождения Тегерана как города-премьера.

Вскоре в нём началось строительство «Гулистанского дворца», где должна была разместиться резиденция правителя страны. Здесь же в 1796 году, то есть за год до своего убийства, Ага Мухаммад-хан короновался шахом Персии. Французский натуралист Г. А. Оливье, прибывший в Тегеран в том же году, определил его население цифрой около 15 тысяч жителей.

Развитие Тегерана в большой город фактически началось со времени Фатх Али-шаха (1797-1834 гг.). Хотя этот правитель страны чуть ли не каждый год с весны до осени проживал в долинах Султание вблизи города Зенджана (в 294 километрах на северо-запад от Тегерана),

однако при всем этом он сделал для столицы больше, чем его предшественник – дядя Ага Мухаммад-хан. «Гулистанский дворец», известный еще как каджарский дворец («Касре каджар») был достроен при нем и стал летней шахской резиденцией. В его правление была расширена цитадель «Арк», построены шахская мечеть, а вне городских стен – галерейный дворец «Кегарестан палас». Фатх Али-шах первым из иранских правителей стал практиковать прием иностранных послов в окружении своих 159 сыновей и огромной свиты, сидя на известном троне «Тахте Тавус», называвшегося еще «Солнечным», – копии, как утверждают в Иране, трона, вывезенного Надир-шахом из Дели в 1739 году и исчезнувшего после его смерти. «Тахте Тавус» был создан в начале XIX века. Свое название трон получил по случаю женитьбы Фатх Али-шаха на прекрасной исфаханке Тавус ханум (Тавус в переводе означает павлин – женское имя). В этой свадебной церемонии впервые был использован указанный «Павлинный Трон». Между прочим, шахский гарем насчитывал 158 жен знатного происхождения и свыше 900 наложниц. Многоженство в феодальных верхах Персии имело глубоко политический смысл. В шахском гареме были представлены женщины из знатных семей практически всех районов страны. Через них поддерживалась постоянная связь шахского двора с местными феодалами, племенными вождями и богатыми родами, что играло важную роль в системе государственного управления.

Тегеран периода правления Фатх Али-шаха стали регулярно посещать иностранные делегации. Дело в том, что в конце XVIII-начале XIX веков Персия оказалась вовлеченной в орбиту острых политических и экономических противоречий между тремя европейскими державами: Англией, Францией и Россией. Именно в этот период усилилось англо-французское колониальное соперничество, а также их упорное

противодействие растущему русскому влиянию на Ближнем и Среднем Востоке. Наполеон Бонапарт строил планы совершить через иранскую территорию нападение на британские владения в Индии и тем самым сокрушить британскую колониальную империю. Желая помешать осуществлению данного плана, в Тегеран в 1800 году прибыл капитан Джон Малькольм, представитель английских властей в Индии, который через год подписал с Фатх Али-шахом от имени Великобритании договор о противодействии нападению французов и их союзников на Индию. В 1807 году в Тегеране находился с визитом уже французский посол генерал Журдан, имевший поручение склонить Персию на сторону бонапартистской Франции, и использовать его в антианглийской и антирусской политике Наполеона.^{x/} Журдан оценил население города в 50 тысяч человек. Однако английский дипломат Джеймс Морис (автор книги «Хаджи Баба»), который посетил Тегеран приблизительно в то же время, назвал более низкую цифру. Вероятно, такое расхождение в данных было результатом того, что Морис приезжал летом, когда большинство населения покинуло город и проживало в дачных местах.

Хотя зачатки мануфактуры (кархане) появились в Тегеране ещё при Сефевидах, в начале XIX века этот город стал одним из центров не только ремесленного, но и мануфактурного производства, которое функционировало на типично феодальной принципиальной основе. Ремесленники были объединены строго по специальностям в цеха, а в торговле господствовали купеческие объединения со старейшинами во главе. На тегеранском базаре были представлены более всего товары национального происхождения, но частично и из Индии, арабских стран

^{x/} - Заключенный в том же году Тильзитский русско-французский договор о союзе обрек на неудачу наметившееся франко-иранское сотрудничество.

и Средней Азии. Здесь продавались кашанские и хамаданские ковры и ткани, хорасанская бирюза, тегеранские фаянс и медная посуда, иездские парча и кинжалы, керманские шали, исфаханские пистолеты и атлас, ширазская хна и многое другое.

Английские власти, напуганные начавшейся было французской активностью в Персии, направили в Тегеран в начале 1809 года посольство во главе с сэром Харфордом Джонсом. Посольство заключило с Фатх Али-шахом, так называемый, «Предварительный договор», по которому Персия порывала отношения с Францией, а англичане брали на себя подготовку и обеспечение вооружением иранской армии, финансирование военных операций Персии против России.^{x/} «Окончательный трактат» между Персией и Англией был подписан в Тегеране только в 1814 году посольством Генри Эллиса. Англичане обещали Фатх Али-шаху оказать содействие для пересмотра положений «Гулистанского договора». С этого момента началось экономическое проникновение Англии в Персию.

Стремясь воспрепятствовать вмешательству Великобритании в русско-персидские двусторонние отношения, в Петербурге было решено непосредственно связаться с персидским шахом. Таким образом, первое русское посольство, направленное в Тегеран, состоялось в 1817 году. Его возглавил генерал А. П. Ермолов. Посольству не удалось добиться длительного смягчения напряженности в отношениях между Россией и Персией. Это обстоятельство, а также наличие в Персии с 1810 года постоянной английской дипломатической миссии (с 1811 года её возглавлял Гор Аузли), навело российское правительство на принятие решения об учреждении в Персии русской постоянной дипломатической

^{x/} - Этот акт толкнул Персию на усиление начавшейся еще в 1804 году войны с Россией, которая окончилась для первой поражением. 12 октября 1813 года в Гулистанском дворце шаха был подписан, так называемый, «Гулистанский мирный договор».

миссии. Она должна была добиться реализации положений «Гулистанского договора» и способствовать развитию русско-иранских связей. Главой миссии был назначен С. И. Мазарович, секретарем – А. С. Грибоедов. Первое десятилетие (до 1828 года) миссия пребывала в Тавризе при дворе наследного принца Аббаса-Мирзы, ответственного за внешнюю политику каджарской Персии. До этого, в течение четырех месяцев, миссия пробыла в Тегеране, нанеся ознакомительный визит первому министру шаха – садр-азаму мирзе Шафи. Здесь же было основано русское консульство.

25 апреля 1828 года А. С. Грибоедов был назначен полномочным министром в Иране. По приезде в страну назначения А. С. Грибоедов перевел русскую миссию из Тавриза в Тегеран.

Участие Грибоедова в заключении «Туркманчайского договора», подведшего итоги русско-иранской войны 1826-1828 годов и весьма жесткого по условиям для Персии, а также предоставление этим главой миссии убежища лицам, проживавшим в Персии, но принявшим подданство России, вызывало недовольство тегеранского духовенства и шахского двора. 11 февраля 1829 года (30 января по старому стилю) толпа местных фанатиков, вооруженная саблями, кинжалами и палками, напала на русскую миссию и уничтожила тридцать семь её обитателей, включая и А. С. Грибоедова.^{x/}

^{x/} - Содеянным убийством были напуганы обе стороны. Фатх-Али-шах опасался вспышки новой, третьей, войны с Россией, царь Николай I же не хотел воевать одновременно против Турции и Ирана. Конфликт был исчерпан направлением из Персии в Петербург посольства Хосров-мирзы, седьмого сына наследника шахского престола Аббаса-мирзы. Николай I принял Хосров-мирзу официально 10 августа 1829 года. Персидский принц вручил императору грамоту шаха, а затем в сентябре, по прибытии из Тегерана ожидавшихся даров, торжественно преподнес России дорогие подарки, предназначенные для Николая I и царской семьи. Среди них находился и алмаз-октаэдр «Шах» (массой 88 каратов), ранее вывезенный Надир-шахом Афшаром из Индии, а также 18 рукописей из

В 30-е гг. XIX-го века было образовано постоянное российское посольство в Тавризе, которое вскоре переехало в Тегеран. После А. С. Грибоедова русскими полномочными министрами, а затем посланниками в Персии были Н. А. Долгоруков, И. О. Симонич, А. О. Дюгамель, А. И. Медем, Н. А. Аничков, Н. К. Гирс, А. Ф. Бегер, И. А. Зиновьев, Е. К. Бюцов, К. Э. Аригропуло и т.д.

В годы правления внука и наследника Фатх-Али-шаха Мухаммад-шаха (1834-1848 гг.) Тегеран не претерпел больших архитектурных изменений, за исключением появления дворца «Мухаммадия» в районе Таджриш (в то время северном пригороде столицы), что просуществовал недолго, и нескольких «канатов» (подземных оросительных арыков), которые построил его везирь Ходжи Мирза Агаси. Вместе с тем, Персия стала превращаться в рынок сбыта фабричных изделий Манчестера, Бирмингама, Лиона, Парижа и других промышленных центров Европы. Это губительно сказывалось на благосостоянии тегеранских ремесленников, так как ручное производство потеряло стимул для развития.

При следующем каджарском правителе Насреддин-шахе (1848-1896 гг.) архитектурная внешность столицы подверглась значительным изменениям в лучшую сторону. По утверждению иранских историков, в этом немалую роль сыграли: сначала реформаторская деятельность известного садр-азама (премьер-министра) шаха Мирзы Таги-хана, прозванного Амиром Кабиром (Великим Эмиром), бывшего у власти до

личной библиотеки Фатх-Али-шаха. В ответ на это Николай I сказал: "Я предаю вечному забвению злополучное тегеранское происшествие!" В присутствии царских чиновников подаренный алмаз "Шах" был рассмотрен О. И. Сенковским, известным писателем и востоковедом, который первым среди русских прочитал и дал толкование арабским надписям на алмазе.

ноября 1851 года, а затем поездки Насреддин-шаха за границу (в 1873, 1878 и 1889 гг.). В определенной степени побудительной причиной активизации инициатив персидских властей явились «бабидские восстания» 40-50-х годов и проведение в жизнь «танзимата» в Турции. Они способствовали пересмотру правящими кругами каджарской Персии ряда сторон своей деятельности. Посредством ограниченных реформ они стремились нейтрализовать народное недовольство и укрепить позиции центральной власти.

По инициативе Амира Кабира в Тегеране был восстановлен и расширен арсенал, заложенный в начале XIX века при Аббасе Мирзе, влиятельном и воинственном сыне Фатх Али-шаха. Кроме того, были созданы оружейные мастерские, которые, наряду с ремонтом военной техники, приступили к производству простейших видов оружия: винтовок, пистолетов, ядер и др. Мирза Таги-хан явился основателем первой иранской газеты «Рузнаме-йе вага-йе эттефаки» («Газета случайных происшествий»), первого вуза страны «Дарульфунуна», заложил первую железную дорогу в Персии – Тегеран-Боруджерд и др.

Насреддин-шах посетил многие европейские (Петербург, Берлин, Париж, Вена, Стамбул) и азиатские столицы, откуда и вывез богатые впечатления и многочисленные благие намерения. Конечно, новому градостроительству способствовал и факт начала проникновения в Персию иностранного капитала.

По указаниям Насреддин-шаха, главным образом в 1870-1872 годы, Тегеран был расширен и перестроен во всех направлениях. В первую очередь были реконструированы стены города по модели «фортификационных сооружений Ваубаи» в Париже, возведены новый крепостной вал, ров и двенадцать ворот. Далее было построено много новых зданий, а также фабрики, и проложены улицы. Среди

монументальных строений следует отметить Мечеть Сепаксалара (1880 г.), названную в честь её основателя видного политического деятеля Персии XIX века Хаджи Мирзы Хусейн-хана Сепаксалара^{x/}, с восемью минаретами и куполом, покрытым цветной глазурью. В 70-е гг. XX-го века на базе медресе и библиотеки при этой мечети функционировал теологический факультет Тегеранского университета. Он обладал фондом книг в 11 тысяч томов, в том числе 6 тысяч рукописей.

При Насреддин-шахе в городе появилась конка (трамвай на конной тяге), были построены шоссейные дороги из Тегерана в Кум и Казвин. За несколько лет до его смерти вошла в эксплуатацию железная дорога Тегеран-Рей, чтобы облегчить поездки паломников из столицы к гробнице шаха Абдул-Азима. В первое время фанатичные дервиши саботировали регулярность движения поездов, прибегая к мерам вплоть до разрушения участков полотна дороги. В целом этот путь функционировал до 60-х годов XX века.

В правление Насреддин-шаха был реорганизован центральный государственный аппарат, в результате чего образовались новые министерства: просвещения, почт и телеграфа, внутренних дел и другие. В Тегеране и его окрестностях появились первые промышленные предприятия: газовый завод, основанный в 1879 году Сепаксаларом, прядильная фабрика купца Сани од-Доуле, а также бумажное, посудное, спичечное и другие производства. Столица росла и по численности населения: в 1883 году, по официальной переписи, было зарегистрировано около 170 тысяч жителей, а по данным профессора Тегеранского университета Имами, зачитанным в 1964 году на семинаре по проблемам Тегерана, с 1871 по 1900 год население города выросло со 131 до 200 тысяч человек.

^{x/} - Сепаксалар – главнокомандующий (пер. с перс. яз.).

В те годы Тегеран состоял из шести районов: Базар, Удладжан, Сангеладж, Чалех, Майдан, Аркеш Давлат – что составили центральную часть современного города. Внутри этих районов появились следующие важные строения и достопримечательности: Новые ворота, площади Тупхане (названная по месторасположению артиллерийского арсенала и штаба), Машк (парадов), Давлат (правительственная), Негаране (где били в барабаны через определенные временные интервалы), Базар, постройка Шамс-ол-Эмаре (для шиитских религиозных представлений), электростанция, газоосвещение, телеграф, Дар-уль-Фунун (педагогический институт), издательство шахской газеты, дворцы Бахаристан и Доушантепе, железнодорожная станция. Из примечательных построек в окрестностях города (в границах того периода) следует отметить дворцы Сахб гарание, Ниаваран, Султанабад, государственный госпиталь, а также парки Масун, Амир-Доуле, Атабек и Амирие.

В дальнейшем столица также продолжала расширяться. Однако в результате сложившегося тяжелого экономического положения страны, а шахская казна была фактически почти пустой (вплоть до 30-х годов XX-го века), городское строительство ограничилось преимущественно постройками частных одно и двухэтажных домов. Какая-либо организованная архитектурная система застройки (даже в пределах одной улицы) отсутствовала. Столица застраивалась хаотично, в ряде районов преобладали наспех сооруженные из сырцового кирпича и щебня недолговечные дома барачного типа.

Состоятельные жители приобретали дорогие участки в прохладном и водообеспеченном северном ярусе Тегерана и пригородах того же направления (ближе к горам), где всё более появлялись

обширные благоустроенные усадьбы. Это были районы: Аббасабад, Ванак, Джустан, Рустамабад, Зарганде, Таджриш.

Бедный люд же оседал на южных, сожженных солнцем, бесплодных холмах и низинах, куда летом не достигала прохлада ущелий Эльбурса, а взамен остро чувствовалась горячая близость соседней пустыни. Запад и восток осваивались меньше. Вероятно, главную роль в этом сыграл фактор водообеспеченности. А он до недавнего времени основывался на системе рукавов горной реки Дарбанд, имевшей четкое направление с севера на юг. Поэтому территориально Тегеран вместе с пригородами постепенно приобретал всё более удлинённо вытянутую форму с севера на юг, хотя собственно город в целом напоминал подобие прямоугольника. Таким же образом четко по районам формировалось социальное лицо иранской столицы: север – богатым, юг – бедным, а центр выполнял как-бы функцию буферной зоны.

Феодальная система Каджаров к концу XIX века выродилась. Должности во всех звеньях государственной системы от губернаторов и министров до мелких чиновников распродавались или «наследовались» по родственным каналам. Страна пришла в тяжелое хозяйственное расстройство и оказалась фактически децентрализованной.

Этим воспользовались европейские державы. На рубеже XIX-XX веков для Персии все отчетливее стала вырисовываться перспектива колониального порабощения со стороны Британской и Российской империй. Их концессии глубоко внедрились в местную экономику, а во внешней торговле страна была сильно привязана к российскому рынку. В 1889 году по концессионному договору англичанами в Тегеране был открыт Шахиншахский банк, получивший монопольное право на эмиссию иранских бумажных денег и эксплуатацию минеральных

ресурсов на всей территории Персии. Банк был совершенно независим от центрального правительства. Причем, выпуск медных и серебряных монет был отдан на откуп местному купцу — в 90-е годы XIX века этим делом занимался Хаджи Мухаммад Хусни. В 1880 году русский промышленник Поляков основал Учетно-ссудный банк Персии, действовавший по указаниям правительства царской России. А за 10 лет до этого русскими офицерами была сформирована шахская казачья бригада, открывшая возможность для прямых контактов Петербурга с шахским двором. Она вскоре стала выполнять функции шахской гвардии. Далее Анонимное общество железных дорог и трамваев из Бельгии на правах концессии построило (как уже говорилось выше) в столице конку и узкоколейную железную дорогу Тегеран-Рей. Бельгийцы, кроме того, получили право на производство и продажу вин, учреждение игорных домов и т. д.

Широкое вторжение иностранного капитала препятствовало развитию отечественной промышленности, подчиняло Персию условиям деятельности международного империалистического рынка и, поддерживая сепаратистские движения, подрывало её единство.

Экономическое и политическое закабаление страны вызывало недовольство местного населения. Передовые слои общественности понимали необходимость решительных действий с целью изменения существующего застойного состояния государства. Беспокойство охватывало все большие массы народа. Именно к этому периоду относится зарождение идеологии буржуазного национализма. В конце концов, внутренние волнения – выступления против ряда концессий, крестьянские восстания и так называемые «голодные бунты» – вылились в борьбу за конституцию, продолжавшуюся с 1905 по 1911 гг.. Ведущую роль в этих событиях играл Тегеран, где сходились главные нити

противоречий и непримиримых несоответствий национальным интересам действий абсолютной монархии, впавшей в глубокую зависимость от иностранных держав.

Под давлением противостоявших политических сил престарелый Мозаффар эд-Дин-шах был вынужден согласиться на принятие закона о конституции страны. Его провозгласил первый персидский парламент («меджлис») 30 декабря 1906 года. С этого момента «меджлис» стал функционировать с некоторыми перерывами в здании «Бахаристанского дворца».

В ходе революции (так нередко стали называть борьбу за конституцию) появилась новая для страны форма власти – «энджумены», органы политической активности, объединения на профессиональной и других основах. В Тегеране их было более всего – около 140, затем их число превысило 200. Революционная волна вызвала образование многочисленных периодических изданий, главным образом демократического направления. Газеты, и журналы, четко реагируя на события злобы дня, ясно обозначали состояние главного политического пульса страны. Из 350 газет и журналов, издававшихся в то время в Персии, почти половина была сосредоточена в Тегеране.

В 1909 году был свергнут Мухаммад Али-шах, два года до этого наследовавший трон.^{x/} Однако реакционные силы Персии уже шли с переменным успехом в контрнаступление, ведь Англия и Россия еще в 1907 году подписали секретное соглашение о разделе сфер влияния в этой стране. Казачья дивизия, возглавлявшаяся русскими офицерами, и расквартированная в столице, выступала на стороне реакции.

В декабре 1911 года в Тегеране был совершен контрреволюционный переворот. Меджлис был распущен, а

^{x/} - А на престол вступил его несовершеннолетний сын Ахмед.

«энджумены» и демократические издания – запрещены. Революция потерпела поражение.

В годы Первой мировой войны Персия попала в сферу военных действий между Антантой и прогерманским блоком, так называемым, Тройственным Союзом. Казалось, что дни независимости Персии были сочтены и полуколония неотвратимо должна была впасть в колониальное рабство.

Но в России свершился государственный переворот (так называемая, Великая Октябрьская социалистическая революция). Он открыл для персидского народа новую эру – резко усилила его аргументы во имя борьбы за независимость. В 1919 году тегеранцы в ответ на заключение правительством Восуг од-Доуле кабального соглашения с Великобританией, предполагавшего по существу начало британского протектората над Персией, также как и революционные демократы в Азербайджане и дженгелийцы (люди из леса) в Гиляне, включились в национально-освободительное движение с целью изгнания оккупантов с персидской территории. Меджлис отказался утвердить указанное колониальное соглашение, персидский народ не допустил усиления английского проникновения в общественную жизнь страны.

26 декабря 1921 года в Тегеране был подписан первый равноправный договор Персии с европейской державой – советско-персидский, заложивший прочную основу для развития добрососедских связей между двумя странами, и открывший возможность для персидского государства начать перестройку его отношений с внешним миром и, в первую очередь, с Великобританией.

С 1921 года, в результате острой и сложной внутривосточной борьбы, центр которой находился в Тегеране, фактическая власть

страны сосредоточилась в руках военного министра Реза-хана. В 1925 году он низложил Ахмед-шаха Каджара, а сам был провозглашен шахом Персии, основателем новой династии, названной «Пехлеви» (что идеологически означало связь с древнеиранскими правителями династии Сасанидов). Компромисс между феодальной аристократией, с одной стороны, и торговой буржуазией и высшей чиновной бюрократией – с другой, был достигнут: Реза-шах Пехлеви олицетворял для них централизованную самостоятельную Персию, не затрагивавшую их основных частных интересов.

С укреплением государственной власти стало возрастать значение Тегерана как центра крупного независимого государства. Город получил определенный стимул для дальнейшего развития.

Усилившаяся за счет налогов, доходов от нефти и других поступлений правительственная казна позволила Реза-шаху Пехлеви произвести в 20-30-е годы значительную реконструкцию столичного мегаполиса. Именно в этот период центральная часть города приняла облик, сохранившийся в своей основе до 70-х годов XX-го века. Были возведены здания парламента и многих министерств, Национального банка, оффисов, компаний и фирм, кварталы посольств СССР, Англии, Франции, Турции и других государств, центральный Тегеран стал средоточием учреждений правительства и делового мира страны. Здесь же находился построенный при Реза-шахе Пехлеви и ставший его постоянной резиденцией Мраморный дворец. В те же годы были восстановлены и заново отделаны украшениями Гулистанский (затем ставший музеем) и Ниаваранский дворцы.

Когда в 1938 году было завершено строительство Трансиранской дороги (страна уже сменила название с Персии на Иран), Тегеран превратился в важный железнодорожный узел страны. Трансиранская

магистраль длиной 1440 километров протянулась от столицы к южным портам Хорремшахру, Абадану и Бендер-Шахпуру, а на севере – к порту Бендершах (Энзели) на побережье Каспийского моря. С 1929 года воздушные линии связали Тегеран с крупными городами страны: Мешхедом, Исфаханом, Ширазом, а также вышли за пределы Ирана – в Багдад и Баку.

В 1934 году был основан Тегеранский государственный университет, появились педагогический институт, военная академия, консерватория, ряд лицеев, школы светского образования и среди них высшая политехническая школа, а также учебные заведения с изучением иностранных языков (в том числе и русского). В 1935 году был открыт Фархангестан (Академия языка и литературы), начавший систематическое изучение национальной филологии, культуры и истории. В целях организации централизованных книжных фондов и систематического сбора общественно значимой литературы, а также ознакомления с нею широкой общественности, в 1923 году была основана Библиотека Меджлиса с фондом в 40 тысяч книг и шесть тысяч манускриптов, а в 1937 году – Национальная библиотека с фондом свыше 45 тысяч книг и шести тысяч манускриптов. В 1937 году раскрыли свои двери для публичного посещения Археологический и Антропологический музеи, которые иранцы считают первыми научными музейными центрами страны.

В тот же период берет начало развитие радио и телефона. В 1925 году под Тегераном заработала Центральная иранская радиостанция, оборудование которой было приобретено у СССР.

На окраинах и в пригородах города – Верамине, Кахризаке, Нармаке, Рее и других – выросли предприятия текстильной, табачной, консервной, сахарной и цементной промышленности.

Таким образом, шаг за шагом Тегеран набирал потенциал политического, хозяйственного и просветительского центра, а по масштабам и темпам деловой жизни заметно превзошел другие иранские города. Его население быстро росло. Если в 1923 году оно составляло 210 тысяч человек, то в 1931г. – 300 тыс., в 1934г. – 360 тыс. и в 1939г. – 540 тысяч человек.

Вторая мировая война сильно нарушила внешнеэкономические и торговые связи Ирана. Деятельность национального хозяйства приобрела застойный характер. Тегеран стал испытывать острый недостаток многих насущных импортных и отечественных товаров, резко сократился объем внутренней торговли. Жизненные условия в столице ухудшились. Однако сравнительно с сельской местностью многообразие форм труда в Тегеране создавало у приезжих крестьян иллюзию о больших возможностях трудоустройства в мегаполисе. Приток из провинций увеличивался. Часть его оседала в городе на постоянной основе. В 1942 году численность населения столицы достигла 699 тыс., а в 1946 г. – 880 тысяч человек.

С 28 ноября по 1 декабря 1943 года в Тегеране состоялась историческая конференция глав держав антигитлеровской коалиции – СССР, США и Англии (И.В. Сталина, Ф.Д. Рузвельта, У.Л.С. Черчилля). На данной конференции была принята, наряду с другими документами, «Декларация об Иране», в которую правительства указанных держав внесли пункты о помощи, оказанную Ираном для ведения войны против общего врага – фашистской Германии, и её союзников, а также обещали продолжать экономическую поддержку иранским властям.

В 1948 году в Тегеране начала функционировать больница Союза обществ Красного креста и Красного полумесяца, крупнейшая в Иране. Она продолжила свою благородную деятельность и в последующие

десятилетия. Больница пользовалась большой популярностью у тегеранцев и жителей других иранских городов и деревень. Это крупное многопрофильное лечебное учреждение было оснащено современной аппаратурой. Советские врачи, а их здесь было до 170, работая в тесном контакте с иранскими медиками, сделали тысячи сложнейших операций, подготовили более 220 научно-исследовательских работ по проблемам иранского здравоохранения. В 60-70-е годы ежегодное число пациентов данного учреждения превышало 200 тысяч человек. Всего же за время существования в этом центре получили квалифицированную медицинскую помощь около 4 миллионов человек.

Развивавшееся с начала 40-х годов XX-го века демократическое движение иранского народа, уже через десятилетие приняло такой мощный размах, что оказалось в состоянии смести монопольное господство грабительской «Англо-иранской нефтяной компании» (АИНК), представлявшей интересы империалистической монополии «Бритиш петролеум компани». 28 апреля 1951 года, когда иранское правительство возглавлял непримиримый противник АИНК доктор Мохаммад Мосаддык, Меджлис утвердил закон о национализации нефтяной промышленности страны. Когда же Англия попыталась шантажировать иранцев военными акциями, тегеранцы, а это уже был город с миллионным населением, ответили мощными гневными демонстрациями. Выступления протеста были направлены как против империалистической политики Великобритании, так и США.

После вооруженного переворота, осуществленного 19 августа 1953 года в Тегеране генералом Ф. Захеда, Международному нефтяному консорциуму (МНК), составленному из американских нефтяных акул – «Экссон», «Стандард ойл компани оф Калифорния», «Сокони мобил ойл», «Тексако Инк.», «Галф ойл», а также из английских: «Бритиш

петролеум» и «Ройял Датч-Шелл» и французской «Франсез де петроль», удалось получить доступ к эксплуатации добычи иранской нефти. Однако это было уже на новых условиях: теперь 50% прибыли от экспорта нефти должны были отчисляться иранскому правительству. В дальнейшем Иран вынуждал МНК отдавать ему всё большую долю от «нефтяных прибылей», пока в июле 1973 года не осуществил окончательную национализацию нефтяной промышленности на своей территории.

Существенно увеличивавшиеся из года в год иранские доходы от нефти (в 1955 г. – 100 млн. долл., в 1960 г. – 285 млн., в 1970г. – 1200 млн., в 1973г. – 4100 млн. и в 1976г. – 22000 млн. долларов), а также рост других поступлений в государственный бюджет способствовали значительному расширению возможностей по развитию административного и хозяйственного потенциала, а следовательно, и строительного фонда Тегерана. Так, за два последних десятилетия численность занятых в народном хозяйстве и бюрократическом аппарате столичного района возросла с 450 тысяч до 1,2 млн. человек.

В расширенном обустройстве Тегерана и иранских городов большим подспорьем служили иммигранты из провинций. Поток последних возрастал из года в год в результате аграрного перенаселения, а также естественного устремления молодежи и состоятельных семей в более развитые культурнохозяйственные районы. Основная проблема заключалась в том, что фактически повсеместно в деревне господствовавшая до середины 60-х годов крупнопомещичья собственность подавляла крестьянскую потенциальную возможность для сравнительно более успешного ведения хозяйства, лишала их права обрабатывать пустующие или непроизводительно используемые земли. В сельской местности росла масса безработных рук и периодически

голодающих семей. Крестьяне в поисках лучшей доли отправлялись в города, где спрос на рабочие руки был многократно выше. Этот процесс был постоянен, так как экономический бум в Иране менее всего затронул деревню. Она в своей основе осталась на традиционном патриархальном уровне. Вместе с тем, в условиях индустриального этапа развития страны, вчерашние помещики стали все интенсивнее вливаться в ряды промышленного предпринимательства.

Наибольший наплыв иммигрантов испытывал на себе Тегеран. Его население, составлявшее в 1962 году 1,8 млн. человек, к 1978 году увеличилось до 4,7 миллионов. Причем собственно тегеранцы составляли менее одной четвертой его жителей. В 70-е годы XX-го века ежегодный прирост населения столицы составлял около 200 тысяч человек. Во многом такому увеличению способствовал приток извне: из общего ежегодного прироста городского населения в 6,5%, 4,5% формировали пришельцы. Иранские специалисты причинами такого быстрого увеличения числа жителей столицы называли расширение рынка труда, наличие и рост масштабов её учебных заведений, центров культуры и зон отдыха.

Новоявленные жители Тегерана в своей основе (если не считать притока узкого круга состоятельных лиц, вливавшихся в государственную и частнопредпринимательскую машину, а также учащихся) были в состоянии устраиваться только на самых неквалифицированных и низкооплачивавшихся работах: грузчиками, рабочими на предприятиях и в мастерских, дворниками, швейцарами, слугами в состоятельных семьях, продавцами в магазинах и лавках, и так далее. Однако многим из них и здесь подолгу приходилось пребывать без работы, вести полуголодное существование.

Иммигранты сооружали глинобитные домики и хижины на окраинах столицы, и прежде всего на юге, где такая бедная строительная самодеятельность приводила к появлению и расширению непригодных к нормальному проживанию жилых районов: без канализации, воды, зелени, электричества. Во многом они ничем не отличались от, так называемых, «бидонвилей» многих других больших городов мира. Это были районы социального укора властям, постоянными очагами нищеты, болезней, преступности, источниками социального недовольства. Учитывая данные обстоятельства, правительство и тегеранский муниципалитет в 70-е годы резко усилили меры по обновлению и обустройству на юге города жилого фонда, созданию новых более совершенных систем водоснабжения и канализации. В 1977 году на эти цели в государственном бюджете было выделено 3 миллиарда риалов (около 43 миллионов долларов). Для централизованного управления претворением в жизнь поставленной задачи по коренной реконструкции южного Тегерана в начале того же года начал действовать специальный правительственный комитет с полномочиями на шесть лет. Однако запоздание с организацией единой спланированной общегородской системы водоснабжения и канализации, многократно затрудняло муниципалитету претворение этих деяний. Кроме того, фактически делалось намного меньше, чем рассчитывало столичное руководство и пропагандировали средства государственной информации.

Что касается Тегерана в целом, то в 60-70-е годы проводились планомерные работы по модернизации транспортных артерий и жилых кварталов, главным образом в центре и на севере: был пробит ряд современных широких проспектов – Ванак хайвэй, Джордан хайвэй, Дарьюше бозорг хайвэй и другие, выросли десятки высотных и

монументальных зданий административного, хозяйственного и туристического назначений (министерства энергетики и других ведомств, компаний на бульваре Елизаветты II, отелей «Хилтон», «Коммодор», «Шератон» и т.д.). Старый малоэтажный строительный фонд в центральной части столицы постепенно вытеснялся высотными коробками из бетона, алюминия и стекла. Все шире стали отстраиваться вклинивавшиеся и окружавшие город полукругом возвышенности (отроги Эльбурсского хребта): в районах Хусейнабад, Салтанатабад, что на востоке; Махмудие, Авин, Куи Меканир и Ванак — на западе. На севере произошла усиленная повсеместная застройка, ликвидировавшая пустоты между бывшими пригородами и собственно старым Тегераном. На юге города выросли новые микрорайоны на Хорасанском шоссе и в направлении Мехрабадского аэропорта. Хотя вплоть до последнего времени официальные границы города проходили по районам Амирабад, Юсуфабад, Аббасабад и Хисматие – на севере, реки Фирузабад, бойни и железнодорожного вокзала – на юге, Техране ноу, холмов Доушан и Доулаб – на востоке, и Тарашт, Падеган Джай, Берджанак и Имам-заде Хасан – на западе, фактически они стали намного шире. Ранее бывшие пригородными деревушки и дачные места были поглощены мегаполисом и превратились в его составные части – это Махмудие, Таджриш, Саадабад, Ниаваран, Гульхак, Сулеймания, Техран парс, Фарахабад, Ария шахр, Мехрабад и другие.

По данным иранской газеты «Кейхан», за 1962-1976 годы территория города выросла втрое, то есть с 86 до 250 квадратных километров. В 70-е годы XX-го века Тегеран по численности населения вошел в число пятнадцати крупнейших городов мира. Здесь жили персы, азербайджанцы, армяне, парсы (зороастрийцы), евреи, курды, луры и представители других национальностей, населявших Иран.

До исламской революции 1979 года Иран был конституционной монархией, которую с 1941 года возглавлял шах Мухаммад Реза Пехлеви. Его коронация, а также шахини Фарах Диба состоялась в 1967 году. В 1965 году Мухаммаду Реза-шаху Пехлеви был присвоен титул «Ариамехр» (то есть «любовь арийцев»). Этот титул и последовавшее позже помпезное празднование в честь 2500 летия иранской государственности имели целью ещё более подчеркнуть древность и историческую наследственность династии Пехлеви, начиная её с Ахеменидов. Шах являлся высшей утверждающей инстанцией законов государства и членов правительственного кабинета, верховным главнокомандующим иранскими вооруженными силами; он санкционировал назначение на крупные государственные и общественно важные должности. Наследником престола был определен старший сын шаха Мухаммада Реза Пехлеви – Реза Куруш.

После неудачного покушения на жизнь Мухаммада Реза Пехлеви в 1965 году в Мраморном дворце (который, как уже указывалось, находился в центральной части Тегерана), новой постоянной шахской резиденцией стал Саадабадский дворец, а летней – Ниаваранский. Оба они находились в северном пригороде столицы.

Функции законодательного органа страны с 1906 года исполнял Меджлис – Собрание Национального Совета (Шурои Мели). До 1949 года иранский парламент был однопалатным. После образования Сената, Шурои Мели (Меджлис) стал нижней палатой парламента. В 70-е годы в ней заседали 270 депутатов – представители различных провинций, народов и социальных прослоек Ирана. Верхняя палата-Сенат (Маджлесе Сена) состоял из шестидесяти членов: тридцать из них были выборными (15 депутатов от Тегерана и 15 – от провинций), а тридцать других – назначались шахом.

Сенат обладал полномочиями предварительного утверждения или возвращения в нижнюю палату для повторного обсуждения принятых законов. Сенат избирался на шесть лет, причем каждые три года половина его состава менялась.

Правящие круги Ирана поддерживали тесные и обширные политические и деловые связи как с Западом, так и с восточными державами, и в первую очередь с Соединенными Штатами Америки. В учреждениях и компаниях было много иностранных специалистов и советников: из ФРГ, Франции, Японии. Особенно сильный наплыв наблюдался из США: только их военных специалистов в Иране насчитывалось свыше 40 тысяч человек. Такое огромное количество американцев вызывало настороженность и недовольство среди местного населения. Вероятно, не последнюю роль в нападениях на первых в столице в 70-е годы сыграл и данный фактор.

Хотя водные и земельные ресурсы города подошли к критическому рубежу, а экологические условия жизни резко ухудшились,^{x/} строительство в Тегеране продолжалось высокими темпами. Однако правительство заявило о появлении альтернативного и всеобъемлющего решения градостроительных противоречий иранской столицы. Поэтому, в связи с крупными доходами от нефти и правительственными программами ускоренного общественного развития, у Тегерана сохранялись перспективы дальнейшего переустройства, насыщения капиталами и территориального роста.

^{x/} - По подсчетам специалистов, водных ресурсов из близлежащих к Тегерану районов при их максимальном использовании должно было хватить для обеспечения лишь 5,5 миллионов человек.

Архитектурный облик иранской столицы

В архитектурном отношении Тегеран в целом представлял собой по преимуществу наследие старого стройфонда, однако изменявшегося, в связи с быстрым обогащением аристократических кругов, ростом бюрократического государственного аппарата, развитием торговли, промышленного и другого производства, с большим притоком иммигрантов из провинций, а также ввиду расширения экономических и политических связей Ирана с внешним миром.

Усиленная территориальная экспансия города в северном направлении, настойчиво отвоевывавшая земельные участки один за другим на возвышенностях и пологих склонах, приближаясь вплотную к горным кручам Эльбурсского хребта, усугубила неровность городской арены, образовала плоскости улиц и переулков со значительной наклонностью, или иначе – кварталов «в гору и под». В южном же направлении потянулись глинобитные «джунгли» из жилищ малоимущих пришельцев из провинций, так называвшиеся «бигуле» – трущобы, районы нищеты, болезней и повышенной преступности.

Таким образом, новый север Тегерана оказался намного выше его юга. Если высота района Мехрабадского аэропорта, находившегося в юго-западной части города, составляла 1198 метров над уровнем моря, то устья Дарбандского ущелья, что был на пике севера столицы – 1967 метров, то-есть средний перепад на расстоянии 15-18 километров равнялся 700-800 метрам. Районы южнее столичного железнодорожного вокзала располагались еще ниже – на уровне 1100 метров. А так как общий наклон города к югу оказался довольно значительным, то главные магистрали города с севера на юг, сообразуясь с рельефом, были протянуты преимущественно по течению несущейся из

Дарбандского ущелья реки, поделенной на несколько рукавов. Естественно, пересекающие их улицы были сориентированы перпендикулярно по линиям «запад-восток». Гористый рельеф местности оказал влияние и на характер архитектуры городской застройки.

Архитектурные достопримечательности

Иранское национальное архитектурное творчество уходит корнями в глубины столетий истории народа и является носителем богатых традиций различных школ и течений. Наибольшее выражение оно получило в монументальных постройках государственного, династийного, религиозного и общенационального назначения.

Тегеран, как столица, являлся сравнительно молодым городом этой древней страны. Поэтому в нем из исторических объектов преобладали сооружения последних двух веков. Вместе с тем, в столичном регионе имели место и более ранние постройки, преимущественно религиозного характера (к примеру, XVI-го века и т.д.).

К фонду монументальных зданий относились дворцы, музеи, Сенат, Меджлис, мечети, крупные торговые центры, стадион, университеты, памятники и гробницы. Как известно, для их создания привлекались лучшие зодчие, мастера и материалы; более или менее тщательно и с национальным вкусом готовились проекты, чтобы создать произведение, соответствовавшее его задаче и значению.

В числе таких достопримечательностей следует отметить в первую очередь крупнейшую мечеть Тегерана (а главных мечетей в городе было всего 19) – «Мечеть Сепасалара», представлявшую

интерес одновременно и с архитектурной, и с религиозной точек зрения. Она была расположена к востоку от городского центра на улице Мударис рядом с Меджлисом. Оба эти сооружения выходили также на Площадь Бахаристан. Автором проекта мечети и прилегавших садов был французский архитектор Фальбус Беваталь. С другой стороны Площади Бахаристан находилось еще одно детище этого архитектора — Дворец Зель ус-Султана, который в дальнейшем был отдан под министерство просвещения. Строительство же указанной мечети было начато при мирзе Хусейн-хане Сепаксаларе. После его смерти завершение строительства было поручено его брату Яхье-хану. Однако внутренняя отделка большого центрального зала Шабестан для молитв и 62 келий, предназначавшихся для теологов и их учеников, не была окончена еще до второй половины XX-го века. Общая площадь завершенной мечети составила 3,7 тыс. кв. метров. Зал Шабестан имел 44 колонны. Другой зал, находившийся под куполом, содержал изящные образцы персидских майоликовых фресок, что гармонировало с окружающим прохладным садом, его фонтанами и высокими стройными деревьями.

У Мечети Сепаксалара было шесть невысоких, но массивных минаретов. Покрывают они были изящными стилизованными цветочными орнаментами, вплетенными друг в друга; в верхней части колонн находился обод с тонкой – «стрельчатой» – надписью белым арабским шрифтом по голубому полю. Роспись минаретов изобиловала умело уравновешенным сочетанием золотистых тонов с прохладной бирюзой, так что выглядела как тонкая инкрустированная работа.

С вершины смотровых площадок минаретов, сделанных в виде изящных беседок, открывался обзор всего Тегерана и его окрестностей. Особенностью этих минаретов являлось то, что они имели двойные

спиральные лестницы, и человек, поднимавшийся наверх, не мог видеть «параллельно» спускавшегося люда.

Внешне огромный центральный купол «Мечети Сепасалара» издалека привлекал взор. Сделан он был в виде шлема, покрытого мелкими глазурованными пластинами. На белом фоне купола тонкими голубыми линиями были выписаны большие распустившиеся бутоны стилизованных цветов (роз или лотосов). Они были связаны друг с другом веточками, обрамленными мелкими красными цветами. В верхней части купола лентой была вделана надпись арабским шрифтом белого цвета, но уже – по синему полю. Круг у основания был покрыт изображениями чередовавшихся красных и бирюзовых сердец, а под ними находился обод из геометрических фигур.

В целом весь комплекс выглядел как высокохудожественное архитектурное и орнаментированное сооружение.

Другим культовым объектом была, так называемая, «Шахская мечеть», расположившаяся напротив «Большого Базара». Она была построена в начале XIX века в правление Фатх Али-шаха, отделка обладала богатыми архитектурными элементами и майоликовой мозаикой ранне-каджарского стиля.

Следует отметить, что в Тегеране, кроме мечетей, действовали храмы огнепоклонников {персов-зороастрийцев), сикхов (последователей индуистской секты Гуру Нанак), католический, а также церкви Иисуса Христа, пятидесятников, «святых Николая и Павла»; синагога, различные христианские миссии, часовни и общества. Являясь носителями различных архитектурных стилей, они тоже привлекали внимание – были интересны с точки зрения специфики архитектурного и живописного оформления. В городе имелись

гробницы различных шиитских святых, которые являлись местами паломничества верующих мусульман.

Непосредственно в Тегеране находились гробницы Насер-э-дина – потомка четвертого шиитского Имама (рядом с «Большим базаром» на перекрестке улиц Хайама и Бузарджимехри), Имам-заде Зейда (на Сабзи майдане, у главного входа указанного базара) и Имам-заде Дауда – сына седьмого Имама Резы (на Шамиран-авеню в районе Даудие).

Остальные гробницы находились вне пределов столицы. Причем, многие из них были расположены в близлежащем городе Рее. Среди них следует отметить Гробницу шаха Абдель Азима — потомка Имама Хусейна. Она являлась третьей по значению в Иране шиитской святыней (после таковых в Мешхеде и Куме). Эта гробница была интересна во многих отношениях. Прежде всего она привлекала своими массивными минаретами, так изящно покрытых глазурованными росписями, что казались взятыми из сказок «Тысячи и одной ночи», *а также* внутренними богатыми украшениями, тонкими настенными росписями, решетками из золота.

Недалеко от Гробницы Абдель Азима находился Мавзолей Реза-шаха, отца последнего монарха династии Пехлеви – Мухаммада Резы-шаха. В Рее располагалась также оригинальная гробница конца XV-го века над могилой Имама Яхьи (сына второго Имама Хасана) и Имамзаде Хамзы. Вблизи шоссе Тегеран-Рей издали бросалась богатой глазурованной отделкой гробница Имамзаде Абдуллы), умершего в Рее в 12 веке.

В Юго-западном пригороде Тегерана южнее района Бадеган Джи находился мавзолей Имамзаде Хасана (сына второго Имама Хасана). Это было богато украшенное в традиционном мусульманском стиле

сооружение, куполообразное, покрытое яркой многоцветной майоликовой глазурью с цветочными, геометрическими и каллиграфическими орнаментами. Данная постройка датировалась периодом Сефевидских шахов Исмаила и Аббаса I (начало XV века). В дальнейшем при Надир-шахе Афшаре (XVIII век) и Насреддин-шахе Каджаре (XIX век) гробница подверглась реконструкциям и доделкам. Привлекательным по богатству отделки представлялся Шамс уль-Эмаре – «Солнечный дом», расположившийся напротив центрального входа «Большого базара» на улице Насер Хосрова. Он был построен в период правления Насреддин-шаха Каджара. Здание резко выделялось своими данными среди других построек этого района. Его архитектура — произведение знаменитого Моаир-уль-Малека. «Солнечный дом» использовался Насреддин-шахом для траурных церемоний и для «Та'азие» — траурных мистерий, представлений с плачем о шиитском Иمامе Хусейне (внуке пророка Мухаммада).

На соседней «Площади Арк» находилась бывшая официальная резиденция каджарской династии – Гулистанский дворец. В нём была собрана замечательная коллекция ковров и произведений искусства. Большая часть из них представляла произведения XIX века, которые преимущественно были подарены европейскими монархами каджарским шахам. Самым знаменитым экспонатом Гулистанского дворца был, так называемый, «Трон павлина» («Тахте Тавус»).

В центральном Тегеране рядом с Проспектом Пехлеви среди ухоженного парка возвышалось оригинальное по форме и материалу сооружение – Мраморные дворец, построенный в годы правления Реза-шаха Пехлеви.

Вход во дворец находился со стороны малолюдного перекрестка — площади улиц Ках (Дворцовая) и Пастера. По четыре стороны

площади за высокими оградами были размещены владения (дворцы) членов шахской семьи, а также резиденция премьер-министра. Но самый крупный участок-прямоугольник в данном районе был занят под сам Мраморный дворец и его парк. Этот дворец являлся официальной городской резиденцией Реза-шаха, а также Мухаммад Реза-шаха Пехлеви до 1965 года. Здание было полностью облицовано полуониксом зеленоватого цвета, добытого близ города Йезда в центральном Иране. Причем все внешние и внутренние изогнутые формы, детали, украшения ниш, сводов и окон, сделанные в стиле барокко, были выточены вручную и с большим мастерством.

В целом здание создавало впечатление, что состоит из единого куска оникса, а человеческое вмешательство только обработало его, как ювелир из драгоценного камня-сырца делал отшлифованное и ограненное сокровище. Дворец вершил купол, покрытый глазурью кофейного и бирюзового цветов, который имел сходство с куполом мечети Шейха Лутфуллы в Исфахане, считающуюся в архитектурном и эстетическом отношении самой красивой мечетью мира.

Довольно интересной была и входная арка к комплексу Мраморного дворца, украшенная майоликовыми пластинами (в высоту до 6 метров), воссоздающими картины иранских ковров; воротами, напоминающими крыши инкрустированных перламутром и золотом шкатулки, но только в увеличенных размерах. Сама арка достигала высоты 10 метров. По ее краям на постаментах застыли двухметровые каменные стражи шахского дворца – древнеперсидские воины эпохи Ахеменидов, стоявшие в просторной, но утяжеленной, одежде с копьями наизготовку, луками, перекинутыми через плечо и колчанами стрел за спиной.

С 1971 г., в связи с 2500-летием иранской государственности и в соответствии с шахским указом, Мраморный дворец был открыт для всеобщего посещения. В нем разместился Музей династии Пехлеви с экспозицией по истории Ирана.

Весьма красивым представлялся также комплекс Саадабадского дворца (который находится в северном пригороде Саадабад в 15 км от центра Тегерана). До 1965 года дворец являлся летней резиденцией последнего пехлевийского шаха. Построенный в каджарский период (в XIX-ом веке), он был расширен и заново обустроен при Реза-шахе и Мохаммад-шахе Пехлеви. Дворцовый комплекс был удачно расположен террасами на выходе из Дарбандского ущелья и питался водами местной горной реки. В его пределах на возвышенностях различных уровней раскинулись ухоженные сады и цветники, обрамлявшие изысканные дворцовые постройки. Собственно Саадабадский дворец внутри был богато украшен лепными формами, глазурованными фресками, панно, миниатюрами и другими произведениями искусства и ремесел; с высоких потолков нависали богатые хрустальные люстры.

Соседнее с Мраморным дворцом здание, где функционировал иранский парламент (Меджлис), было построено в 1881 году. Первоначально это был «Бахаристаи палас» («Дворец Весны»), совмещенный с парковым комплексом.

В 1883 году дворец был приобретен шахским правительством для приема важных иностранных гостей. С августа 1906 года в период иранской буржуазной революции во дворце «Бахаристан» собралась первая сессия Национальной консультативной Ассамблеи (Меджлиса), а несколько месяцев спустя престарелый Мозаффар эд-Дин шах передал это здание Меджлису для проведения его заседаний. 23 июня 1908 года, во время вооруженного подавления конституционалистов со стороны

наследовавшего престол Мохаммад Али-шаха, дворец подвергся артиллерийскому обстрелу и последовавшему за ним грабежу ворвавшейся солдатни. В результате он оказался наполовину разрушенным.

В период второй сессии Национальной консультативной Ассамблеи, собравшейся в ноябре 1909 года, были начаты работы по реконструкции здания «Бахаристана». В зале заседаний были установлены скамьи и кафедры.

В марте 1931 года, во время 8-й сессии, в Меджлисе вспыхнул сильный пожар, который полностью уничтожил «Зеркальный зал», а также Зал общих заседаний. Восстановительные работы были начаты сразу же и новый Зеркальный зал предстал более роскошным, чем прежний. Его официально открыл Реза-шах Пехлеви в 1933 году. Старые деревянные ворота Меджлиса в 1934 году были заменены железными, которые являлись копией предыдущих и сделаны в стиле таковых Версаля и Лувра. На мраморных колоннах были установлены «два льва с поднятыми мечами в лапах и солнцем на загривках». На арке под сенью короны была сделана надпись «Адль Мозаффар» («Справедливость превыше всего») с обозначением 1324 лунного года хиджры (соответствовавшего 1906 году современного европейского календаря) – года первой сессии иранского Меджлиса.

Архитектурную противоположность Меджлису представляло собой здание Сената, построенное в западной части центра Тегерана на улице Сепех неподалеку от Мраморного дворца. Такому отличию способствовало сравнительно более позднее возникновение Сената, да и само здание было возведено только в 60-е годы XX-го века, и, естественно, ему был придан современный вид. С фасада это было трехсекционная четырехэтажная серо-мраморная коробка с единым

мощным козырьком, стоящая как бы на постаменте – на возвышенной площадке из розового мрамора. К зданию почти на всю ширину площадки вела лестница из двадцати пяти ступенек. Центральная, самая крупная и выдвинутая вперед, секция представляла собой огромный куб, обрамленный во весь фасад огромной мраморной решеткой. Последняя защищала внутренние помещения от прямых лучей солнца. Боковые секции с зауженными удлиненными окнами были расположены как-бы в глубине единого козырька. По бокам здания в качестве колонн, поддерживавших углы козырька, стояли скульптурные формы, напоминавшие куфическое вытянутое письмо, То-есть общее внешнее впечатление: в комплексе Сената были учтены требования современной архитектурной эстетики.

Внутри здание было отделано дорогими материалами: ониксом, мрамором, мозаикой, оснащено богатыми хрустальными люстрами.

17 октября 1971 года, когда Иран праздновал 2500-летие национальной государственности, на юго-западе Тегерана, на крупном магистральном перекрестке вблизи от Мехрабадского аэропорта, состоялось открытие грандиозного монумента Шахъяд (Шахский мемориал). Монумент был призван олицетворять славное прошлое Ирана и личный вклад Мухаммада Реза-шаха Пехлеви в большие экономические и другие достижения, которых в последние десятилетия его правления добилась страна. Как говорили сами иранцы, монумент Шахъяд подобно Эйфелевой башне в Париже означал для них мемориальный символ молодой столицы древней страны.

«Шахъяд», будучи самым крупным сооружением такого назначения в Азии, весьма оригинален и привлекателен. Прежде всего он был построен на обширной свободной площади; вокруг него разбили сквер с широкими пологими лестницами и фонтанами. Весь этот

комплекс, замкнутый в огромное автомобильное кольцо, хорошо обозревался с разных точек удаления, включая и дальние – за два километра, с выходящих на площадь магистралей. Монумент сочетал в себе ряд стилей персидской архитектуры, но в то же время все его части были подчинены чувству эстетического единства.

Главной в оригинальности его формы была монументальных размеров Арка с расширяющимися книзу четырьмя 21 метровыми опорами типа «клеш». Сооружение напоминало собой царский дворец в Ктесифоне — столице сасанидской державы. Над аркой располагалась башня, покрытая глазурованными майоликовыми плитами и украшенная двумя рядами аркообразных бойниц или смотровых окон, что является отражением архитектурных приемов эпохи сельджукидов и сефевидов. Располагаясь на высоте 45 метров, они открывали круговой обзор иранской столицы. Остов монумента был сделан из железобетона, а его поверхность была покрыта белым известковым туфом – самым распространенным камнем в Иране. Одновременно, для облицовки внешнего вида сооружения были широко использованы майоликовая мозаика и другая иранская декоративная техника. Их сочетание, а также гибкая, экономная конфигурация сооружения в целом сделали монумент Шахъяд легким по виду, но прочно стоящим на своих опорах.

Внутри монумента на этаже, расположенном ниже уровня земли, действовал филиал Музея Пехлеви с постоянной экспозицией, главным образом, в фотографиях, посвященный выдающимся личностям иранской истории; здесь же только в другом крыле находился зал для демонстрации фильмов по истории Ирана.

Автором «Шахъяда» являлся иранский архитектор, чей проект был признан победителем на международном конкурсе на лучший проект монумента, проведенном в Тегеране в 1967 году.

Современное строительство

За последние десятилетия значительно возрос строительный фонд Тегерана. В начале века он едва достигал 100 тысяч *построек*, а в 70-е годы XX-го века уже насчитывал свыше 800 тысяч, в том числе 700 тысяч жилых домов, 505 промышленных предприятий, около 10 тысяч пекарен, 50 тысяч магазинов, лавок, мастерских, ателье и других коммерческих объектов. Остальную часть составляли государственные и частные учреждения, иностранные представительства и объекты других назначений.

Внешний облик строений города 70-х годов был весьма пестрым. На волнистой, поднимающейся плечами и долинами к северу, местности под разными углами и в многочисленных ракурсах представлялась сложная мозаика домов. С высоты птичьего полета большинство районов Тегерана выглядели «лесом» песочного цвета разноразмерных мелких прямоугольников, отштукатуренных кирпичных и глинобитных домов. «Лес» этот с великим множеством узких и извилистых, словно вены, лабиринтов улиц и переулков. Дома были разноплановые, разновысотные и, как правило, от одного до трех этажей. Так, приносившись к рельефу местности, тянулись они лесенками на склонах и «разбегались» сложными разводами в низменных местах.

Зелени в этом глинянно-кирпичном царстве наблюдалось мало, особенно на юге. Однако ее количество возрастало в северном направлении, а у подножья гор она всё чаще составляла отдельные густые массивы. Дома в этой зоне чаще прятались под кронами деревьев или под сенью щупалец хмеля, вьюнов, других ползучих декоративных растений, а также мочаловых и виноградных лоз.

Отличительными признаками основной массы строений Тегерана от европейских городов были: преобладание малоэтажности, плоских крыш (часто глиняных), наличие открытых галерейных веранд (балахане), зауженных дворики. Почти все они были отгорожены от внешнего мира глухими заборами. Если же дом выходил стеной на улицу, то его окна располагались только на стороне, обращенной во двор. Лишь в северном Тегеране можно было встретить ограды с большими просветами на европейский манер.

В центральной деловой части мегаполиса многоэтажность и монументальность ряда здание сочеталась с кварталами традиционных приземистых частных жилых домов и маленьких дворики.

То есть в целом внешний облик иранской столицы представлял собой сложный, в основном стихийно сформировавшийся синтез местного и западного стилей градостроительства со всеми содержащимися в нем архитектурными, социальными и политическими противоречиями.

Здесь откровенно смешались иранская традиционная архитектура с поколениями достижений европейской архитектурной мысли, где, с одной стороны, выступала национальная – глиняная малоимущих слоев и кирпичная с живописно-глазурованными и вензельно-изящными дополнениями аристократии сефевидской и каджарской Персии, а с другой – продукция западных влияний, начиная от древней классики, далее барокко, их ложных форм, и наконец, вплоть до нагой прямоугольной архитектуры второй половины XX века.

До 70-х годов методы строительства в городе в целом мало чем отличались от прошлых времен – те же традиционные стройматериалы и преимущественно ручной труд.

Однако в последние десятилетия облик Тегерана быстро менялся в соответствии с мощным усилением местного капитала, финансового благосостояния государства и «наплывом» иностранной технологии и сервиса. Как и Иран в целом, столица приравнивалась к темпам форсированного прыжка из восточной размеренной неторопливости и традиционно-простой технологии к проевропейской скоростной предприимчивости. В северном и центральном Тегеране всё масштабнее становилось строительство, наступали ультрасовременные промышленные методы в сооружении жилищ, административных зданий и деловых объектов.

В связи с усиленной закупкой иранским правительством в 70-е годы домостроительных комбинатов за границей, было организовано и получило распространение промышленное производство заготовок для сборки домов. Только у СССР было заказано 10 домостроительных комбинатов (ДСК). Сооружение двух из них уже завершалось. Ряд подобных комбинатов уже были либо построены или сооружались в иранских городах с помощью компаний Франции, ФРГ, США и других стран. Причем, при заключении многих двусторонних экономических соглашений с иностранными правительствами иранцы требовали от них обязательства на постройку до 100 тысяч квартир. Такое условие было принято Бельгией, Швецией, Англией. Однако на практике выполнение достигнутых соглашений с ними чрезвычайно затягивалось. Так, к примеру, с Францией контракт на строительство 200 тысяч квартир в Иране был подписан еще в 1975 году, но на середину 1978 года в его исполнение не был заложен даже первый камень.

Тем не менее, за последние годы дефицит жилого фонда в Тегеране имел постоянную тенденцию к снижению: по сообщению исследовательского департамента Тегеранского университета, нехватка

домов в столице за 1971-1977 годы сократилась с 460 тысяч до 217 тысяч.

Вторжение предпринимательства на промышленной основе в жизнь города привело к распространению цемента, металлической арматуры, жженого кирпича; начали усиленно внедряться в качестве горизонтальных межэтажных перекрытий бетонные плиты. Панельные блоки заводского изготовления применялись главным образом в строительстве служебных зданий. Однако пока еще много домов частного пользования строилось «дедовскими» методами и с применением традиционных материалов.

Тегеран, как известно, территориально близок к северным горным лесам Ирана. Кроме того, хребет Эльбурс представляет собой неисчерпаемую кладовую строительного камня. Южными пригородами город выходил к пустыне Даште-Кевир (Соляной пустыне). Поэтому среди его строительных материалов издавна в ходу были дерево, бамбук, глина, песок, кирпич-сырец (который использовался лишь в окраинных районах и при строительстве заборов), камень, известь. Что касается кирпича, то его жженный вариант использовался ограниченно.

Таким образом, традиционный строительный фонд в 70-е годы еще являлся преобладающим в иранской столице. Говоря более или менее подробно о тегеранских домах, невозможно не коснуться истории городского строительства.

Её начало идет от иранской деревни, так как иранские города исторически формировались на основе деревенских строительных традиций и в их русле жили многие века. Сложившаяся традиционная планировка деревень состояла из обязательного центрального круга, в котором располагались сквер, мечеть, торговая площадка или цветник, от которого веером расходились улочки и дома. Исламское воззрение

иранцев на семейную жизнь определило своеобразный внешний облик национальных построек – дома, как уже говорилось, были обращены «спиной» к улице. По вечерам мужская часть сельчан обычно собиралась в центре деревни — либо в кафе, либо под открытым небом, в мечети и, чадая кальянами или просто сигаретами, обменивалась новостями, рассказывала и слушала сказки, стихи, анекдоты, сочиняла рассказы, сеяла кривотолки и т. д.

Деревенская планировка «перекочевала» в столицу, но только в рамках отдельных районов и в несколько трансформированном виде. Ныне почти каждый район или квартал Тегерана также имел свой микроцентр — сквер-цветник, либо площадь, где были сосредоточены кафе и торговые лавки. Неподалеку находилась и мечеть.

Характер каждого жилища определялся климатическими условиями. В состоятельных домах Тегерана был обязателен дворик с цветником, либо садом из нескольких или более деревьев и маленьким фонтаном в середине. Для таких «мирков» действовали на окраинах города базарчики, специализировавшиеся на продаже миниатюрных фонтанчиков (с женскими фигурами, лебедями, морскими раковинами, цветочными розетками), а также других садовых и бытовых принадлежностей. Такие базарчики обычно размещались на пустырях, и уже издали бросались в глаза массой блиставших белизной и голубоватыми тонами гипсовых, алебастровых и мозаично-глазурованных атрибутов этой области комфорта южного быта. Базарчики же по продаже цветов в горшочках, рассады, кустарников и прочей зелени пристраивались, как правило, на затененных площадках рядом с оживленными уличными перекрестками.

Частные дома обычно имели балконы, лоджии или же разновидности козырька для защиты внутренних помещений от

проникновения солнечных лучей. В жару люди прятались в прохладных комнатах, а вечерами и ночью располагались на балконах и садиках. Там же зачастую и спали. Зимой помещения отапливались железными или фаянсовыми переносными печами и каминами, а летом вентилировались куллерами.

Старые тегеранские дома состояли из двух половин: мужской и женской. Иногда имелась общая комната для приема гостей, где также вместе собиралась вся семья. Причем, по обычаю, иранцы лучшие комнаты держали для приезжих родственников и знакомых.

Для районов со старым жилым фондом была характерна сильная скученность построек. Разрыв между многими домами не превышал нескольких метров, а дворики были отделены один от другого глухими стенами строений или заборов. Борьба в этих глиняно-кирпичных «джунглях» велась за каждый метр площади. Естественно, при таких условиях трудно было развернуться даже самой неприхотливой зелени. Потому её мало наблюдалось среди «моря» выцветших на солнце коробок домов. Причем здесь архитектура ограничивалась чрезвычайной простотой – голыми прямоугольниками. Лишь изредка можно было заметить с внутренней стороны двора «балахану» (балкон). Особенно убогими были жилища в окружности и к югу от лабиринтов «Базаре бозорг», где, во многом, в нездоровых условиях и отсутствия элементарной обустроенности ютился бедный люд. Это были районы, где преобладали люди в старой, поношенной одежде, бывали и нищие, а их уклад и внешний вид были патриархальны – мужчины ходили в чалмах, а женщины в чадрах.

В северном же Тегеране постройки выглядели капитальнее, сложнее и богаче, зелени было намного больше. За ажурными, либо глухими кирпичными и каменными оградами под пышными кронами

деревьев и вьющихся растений прятались уютные коттеджи. Вокруг них виднелись обширные садовые и цветочные участки. Это был зажиточный район столицы. Здесь проживала иранская политическая, экономическая и военная элита – в ее руках находились правительственные посты, промышленный, торговый и другой бизнесы; она формировала командный состав иранской армии и полиции.

Если подняться вверх по Шамиран авеню (старому Шамиранскому шоссе) через районы Даудие и Зарганде к Таджришу, а затем, повернув в западном направлении, спуститься по Проспекту Пехлеви до площади Ванак, посетить связующие эти важнейшие городские транспортные вертикали кварталы, то можно было получить представление о внешнем виде вилл богатых слоев Тегерана.

Архитектура многих домов отражала индивидуальные частные вкусы. Другими словами, это была визитная карточка состоятельности и интеллектуального уровня местной знати. К примеру, в кварталах, прилегавших к Саадабадскому дворцу, царила роскошь, причем, иногда, сомнительного вкуса. Архитектурные варианты были многообразны, так что представлялось трудным уловить какую-либо гармонию и согласованность между ними, а также комплексность стилей. Но в целом следует отдать должное – зачастую умело использовался обширный набор строительных материалов. Каждый коттедж имел свое лицо, у строителей чувствовалась хорошо отработанная методика оформления жилых построек. Для облицовки входных частей оград и домов, помимо полированного кирпича, гранита, мрамора и других материалов из камней, применялся даже зеленый полуоникс – самый популярный из отделочных камней на Ближнем и Среднем Востоке.

Вдоль Шамиран авеню и Проспекта Пехлеви тянулись ряды крупных платанов, лип и караагачей (черное дерево, тюрк. яз.) с

развесистыми и густыми кронами. Участками они образовывали практически крытые аллеи. Самые фешенебельные магазины (в том числе торговый центр, так называвшийся, «Сефевидский базар», отели – «Хилтон», «Ария Шератон», рестораны – «Касба», «Чатануга», «Ривьера», «Сорренто», «Барбекю», «Хатам», кафетерии и другие коммерческие заведения сверкали зазывающими витринами. Здесь продавались самые дорогие товары в Тегеране. Публика была преимущественно состоятельная, одетая по новейшей моде. По словам французского журналиста Бернара Пуле, «создается впечатление, что она прибыла из «шестнадцатого округа» (прим. – аристократический района Парижа)».

Здесь же находились владения различных закрытых аристократических клубов, располагавших теннисными кортами, бассейнами, аллеями роз и барами; самыми благоустроенными парками общественного пользования – Парке шахиншахи (на Проспекте Пехлеви) и Детский (на Шамиран авеню).

На фоне пестрой перспективы двух-четырёхэтажного частного стройфонда одиночные высотные коробки отеля «Хилтона» (на Проспекте Пехлеви – творение известной американской отелестроительной компании), сдвоенного здания на противоположных с востока холмах, и ряда других новых суперстроений казались предельно упрощёнными и неорганичными. Однако данная прямолинейная архитектура заокеанских, а вместе с ними и местных, технократов, вкрапленная в таком ограниченном количестве, пока еще не разрушала издавна сложившийся стиль панорамы местных строений, а являла собой лишь дополнительное украшение севера иранской столицы как образец «западной экзотики». Данное впечатление не проходило и внутри отеля «Хилтон», хотя здесь был «вмонтирован»

«персидский сад» и представлено много всякого стилизованного восточного комфорта.

Отметим, что и в модернистском строительстве Тегерана 70-х годов XX-го века использовались традиционные иранские мотивы. Они виднелись в заостренных вершинах арок и окон зданий, в синих мозаичных майоликах с каллиграфической вязью изречений на фасадах и в других архитектурных элементах. В частности, построенный на проспекте Пехлеви торговый центр «Сефевидский базар» был полностью выдержан в стиле таких сооружений средневекового Ирана.

Кстати о «каркасном» стиле и соответствующей технике строительства частных жилых домов в Иране, а таких, как показали приведенные выше цифры, на 70-е годы прошлого века, в иранской столице оказалось подавляющее большинство.

Каркасный метод не был завезен в Иран из других стран. Здесь он бытовал с древнейших времен. Ведь практически весь Иран является сейсмической зоной и дома старались строить с расчетом сократить опасность обвала жилища на головы в нем живущих во время частых землетрясений. Поэтому считалось обязательным сооружать каркас, делавший строения более устойчивыми даже при сильных землетрясениях. Каркас, кроме того, служил для удержания глинобитных стен в жару и дожди от осыпания и размыва. Поэтому солома замешивалась с глиной и предохраняла её от разломов и расчленения. Каркасная технология распространена в Иране как в горах, так и на равнинах, чередуясь с постройками чисто глинобитных строений. Между прочим, она характерна также для большинства частных строений в Средней Азии и практически во всех южных странах.

В последние десятилетия иными стали материалы как для каркасов, так и для стен в целом. Так, как видно из ряда старых строений, среди состоятельных слоев иранской столицы уже с конца XIX века был в ходу жженный кирпич. Причем для орнаментовки внешних и внутренних частей домов использовались резные варианты кирпича и алебаstra. В таких домах сначала устанавливались и сваривались между собой стальные сваи. Их вертикальные и горизонтальные размеры приводили в соответствие с комнатными данными и общим архитектурным остовом. Затем пролеты между сваями заполнялись жженным кирпичом. Зачастую им заделывали и потолки, где применялся напряженный метод кладки дугой, когда сила сжатия при вогнутости потолка вверх превышала силу гравитации. При этом орудия труда нередко были традиционными и простыми: лопаты, кирки, корзины, примитивные подъёмные устройства.

Примечательной была и манера экономии территории под строительные материалы. Особенно трудно приходилось частному жилищному строительству. Дело в том, что при возведении дома частник не имел права выходить за пределы своего участка. В противном случае он выплачивал определенную компенсацию своим соседям. А так как из-за высокой стоимости земли общая площадь участков, как правило, была довольно ограниченной и места для стройматериалов оставалось мало, то, зачастую, на строительство дома привозили цемента, песка и кирпича всего на день-два, а иногда и на полдня работы — буквально приносили чуть ли не в ладонях. Создавалось впечатление очень аккуратного и бережливого строительства. Это, конечно, было не совсем так: встречавшиеся нередко пустыри и ничейные пространства были откровенно завалены мусором.

Ввиду того, что стоимость участков, непосредственно выходящих на улицы, была значительно выше, чем более удаленных, то для Тегерана (кроме его северного района) типичным явлением являлись: узкий парадный фасад и удлиненный в глубину двор, либо – зауженный дом, но в два и более этажей.

Стоимость земли и строений в Тегеране в последние десятилетия росла быстрыми темпами. Если в конце 60-х годов XX-го века цена участка в районе Гайше (западный Тегеран) за квадратный метр составляла 700 туманов, то в середине 70-х гг. – уже от 2,5 до 5,0 тысяч туманов.^{x/} В более дешевых районах южнее железнодорожного вокзала (к примеру, в Фарахабаде и Жале) за тот же период цены выросли с 600 до 1,5-2,0 тысяч туманов соответственно. В аристократическом же районе Таджриш (что был ближе к горам) цена метра участков достигала 20 тысяч туманов. А ведь оплата земли составляла 30-50% от цены построек на них. За те же 5 лет стоимость отдельной квартиры увеличилась в шесть раз. Так, в восточном пригороде – Тегеран Парс – она достигла 4 тысяч туманов за квадратный метр, а во внутригородских районах: Гайше – 5 тысяч туманов, Аббасабаде – 6-7 тысяч, Джурджане – 8-9 тысяч, а в некоторых районах весьма протяженного с севера на юг Проспекта Пехлеви – 10-12 тысяч туманов.

Муниципалитет, обеспокоенный бурно развивавшейся лихорадкой цен на жилье в городе и стремясь снять кризис, связанный с нехваткой земельных участков, принял решение построить в окрестностях Тегерана городков-спутников. Первый из них, как информировала пресса, был предусмотрен в районе деревни Сулейман-

^{x/} - В 70-е годы XX-го века валютный обменный курс составлял: 1 долл. США равнялся 76-80 риалам (7,6-8,0 туманам).

хан по дороге в Кередж. В новом поселении было намечено построить 3200 жилых зданий.

Причем, на городках-спутниках поспешили нагреть руки иностранные компании. Так, по сообщению газеты «Кейхан интернейшнл», японские фирмы предложили в этих целях затратить 1 миллион долларов на сооружение вне Тегерана нового микрорайона с населением в 50 тысяч человек.

В то же самое время муниципалитет, опираясь на поддержку правительства, санкционировал снижение цен на землю в Тегеране и пригрозил применить судебные преследования лиц, нарушавших данное положение. В результате рост цен стал сдерживаться, а в ряде мест они действительно понизились. Так, в районе Ванак (на границе между центром и севером столицы) цены понизились – за квадратный метр с 3,0 до 2,2-2,5 тыс. туманов. С другой стороны, домовладельцы и предприниматели различными путями искали лазейки для увеличения арендной платы и стоимости домов.

Делались некоторые шаги и с целью нейтрализации недовольства низкооплачивавшихся слоев. Правительство премьеры А.А. Ховеиды поставило перед собой задачу, чтобы доля квартплаты не превышала 20% доходов трудящихся. В 1975 г. правительством был принят указ о льготах низкооплачиваемым квартиросъемщикам, что несколько ограничило злоупотребления домовладельцев в отношении бедноты. Однако ряд хозяев в ответ стали препятствовать заселению неимущих съемщиков. Тогда в начале 1976 г. правительство пошло еще на один шаг — был принят закон, по которому пустовавшие в течение 6 месяцев дома облагались тридцати процентным налогом. С другой стороны, для покупки дешевых и «средней руки» домов и квартир иранские банки

стали предоставлять займы в 75% от их стоимости и с рассрочкой платежа на 15-20 лет из 4-8% годовых.

Таким образом, строительный бум, который переживал Тегеран, встречался с сильным социальным противоречием, когда друг другу противостояли, с одной стороны, массы бездомных семей, а с другой – тысячи пустовавших и недоступных жилых помещений, ввиду чрезвычайно высокой квартплаты.

Улицы

Тегеранские улицы по степени значимости и обустройства можно разделить на три группы: «хиабанха» – проспекты; «булеварха» – бульвары; «кучеха» – обычные улицы и переулки.

В XX столетии столичные магистрали неоднократно переименовывались, особенно много изменений произошло в правление шаха Мухаммада Реза Пехлеви. Поэтому в названиях улиц города различались несколько категорий, определенных характером идеологической системы правящей династии Пехлеви и сгруппированных вокруг нее аристократических кругов: 1) члены династии Пехлеви, видные деятели и важные даты правления указанной династии; 2) великие цари и правители истории Ирана; 3) великие поэты, художники и ученые Ирана и мусульманского Востока; 4) наиболее почитаемые в Иране мусульманские святые; 5) некоторые крупные лидеры иностранных держав и личности XX-го столетия, посещавшие Иран; 6) некоторые исторически сложившиеся в Тегеране местные названия.

Первые пять категорий обозначений внутренней территориальной структуры мегаполиса – это были присвоенные шахскими властями наименования. Ими были названы все главные

проспекты, площади и перекрестки города. Правда, тегеранцы, следуя обычной народной привычке, часто использовали их старые, более популярные наименования.

Прежде всего, ряд центральных и важных дорожных артерий, площадей и парков были названы в честь династии Пехлеви и ее представителей – это проспекты и улицы: Пехлеви, Шах Реза (основатель династии Пехлеви), Ариамехр (титул шаха Мухаммада Резы Пехлеви), Фарах (имя третьей жены шаха Мохаммада Резы, коронованная шахиня), Ашраф Пехлеви (сестра-близнец шаха, старое название улицы – Носрат), Шахпур Али-Реза (младший брат шаха), Шамс Пехлеви (младшая сестра шаха), Шахназ (дочь шаха от первого брака, с египетской принцессой Фаузией), Сепакход Захеде (генерал, бывший главой военного переворота 19 августа 1953 года, старое название улицы Фишербад), 25 шахривара (18-19 сентября, день рождения шаха Мухаммада Резы Пехлеви, 6 бахмана (26 января 1963 года, день провозглашенной, так называемой, «революции шаха и народа»), 21 азера (12 декабря 1946 года, бывший праздник освобождения Азербайджана (иранского)); названия парков: шахиня Фарах, Шах, Валиахд (престолонаследник); площади: Шахъяд Ариамехр (мемориал в честь 2500 годовщины основания иранской государственности), 24 эсфанда (14 марта 1975 года, когда была создана партия Раствахиз, старое название было Моджасаме (перс. Скульптура).

Другому ряду магистралей были присвоены имена исторически выдающихся шахов Ирана или важнейших атрибутов их правления: Куруше Кабир (Кир Великий, 550-520 гг. до н.э., основатель первого государства персов-ахеменидов), Дарьюше Кабир (Дарий I, 522-466 гг. до н.э., третий ахеменидский царь, расширил границы государства до Средиземноморья и Средней Азии), Тахте Джемшид (дословно Трон

Джемшида, город Персеполис – столица Ахеменидов), Ардашир Папакан (226-241 гг., шах-основатель Сасанидского государства), Шапур I (241-272 гг., сын Ардашира Папакана, захватил в плен римского императора Валериана), Хосров I Ануширван (531-578гг., сасанидский шах); Аббасабад (в честь шаха Аббаса I Сефевида), Надир-шах и Надери (шах из рода Афшар, правил в 1736-1747 гг., последний великий завоеватель Востока), Тахте тавус (известный драгоценный «Трон «павлина»), Керим-хан Зенд (правитель Персии конца XVIII века, старое название улицы Чехель метри — буквально «сорокаметровая»).

В Иране чрезвычайно чтят поэтов Востока, а величайших из них ставят выше царей. Персия — родина многих поэтов с мировой известностью. Свою любовь к национальным стихотворцам, ученым и художникам иранцы часто подчеркивают в своей личной и общественной жизни. Поэтому не случайно многие столичные магистрали носят их имена: Фирдоуси (930-1020гг., корифей иранской литературы, автор эпической «Шахнаме» («Книги царей»), в которой воспроизведены легенды и история Ирана с древнейших времен); Саади (1184-1291 гг., великий поэт из города Шираза, создатель знаменитого стихотворного сборника «Гулистан» («Цветник»), его стихи знает каждый школьник); Хафиз (1325-1388 гг., величайший лирический поэт Ирана, его сборник стихов «Диван» является одной из вершин средневековой персидской поэзии (прежнее название улицы было Юсуфабад). Проспекты Саади, Фирдоуси и Хафиза были, наряду с Проспектом Пехлеви, тремя крупнейшими проспектами Тегерана, тянувшихся параллельно и по соседству друг с другом с севера на юг. Такое сочетание проспектов символизировало три основных столпа величия иранской поэзии в сочетании с правившей шахской династией.

В названиях тегеранских улиц были отмечены и другие исторические деятели искусств и науки: поэт Рудаки (858-941 гг.); персо-таджикская гордость Ибн-Сина (Авиценна, 980-1037гг., ученый-философ, великий медик, был широко известен в мире его «Канон медицины», оказал сильное влияние на развитие философской мысли средневекового Востока и Запада); Абу Халид аль-Газзали (1058-1111гг., известный философ, идеологический обоснователь суфизма в теологии и юриспруденции); Омар Хайам (1048-1131 гг., персидский поэт, философ, математик, астроном, астролог, прославился своими короткими стихами-рубаятами); Джалал эд-Дин Моулави (Дж. Руми) (1207-1273 гг., известный поэт-мистик, создатель ордена дервишей, популярен его эпикомистический труд в шести томах, ввел в оборот поэзии простонародную речь); Абу Рейхан Бируни (973-1048 гг., энциклопедист и мыслитель, автор многочисленных капитальных трудов по истории); Камаль уль Мульк (1847-1940 гг., знаменитый иранский художник, развил иранские живописные традиции, использовал реалистические достижения европейских школ).

Ряду улиц были присвоены имена известных лидеров современных держав, посещавших Иран и представлявших исторический интерес для этой страны, к примеру: Д. Эйзенхауэра (старое название Кереджское шоссе), Д.Ф. Кеннеди, Королевы Великобритании Елизаветы II (старое название Абе Карадж (вероятно, название связано с близостью речки). Улицы И.В. Сталина, Ф. Д. Рузвельта и У.Л.С. Черчилля появились в районе иностранных посольств в конце 1943 г. после известной Тегеранской конференции лидеров – стран антигитлеровской коалиции.

Что касается исторически сложившихся названий, то они исходили из многих источников. Во-первых, из старых названий

выездных дорог прежнего Тегерана — это улицы: Азербайджан, Казвин, Хорасан, Шуш, Рей, Демавенд, Шамиран. Как правило, указанные улицы находились ближе к окраинам города и были направлены на выезд из него. Часть из них переходила в загородные шоссе, имевшие одноименные обозначения; во-вторых, из прежних наименований районов, деревень или улиц: Лалезар, Истамбул, Нармак, Ванак, Вилла, Зафар, Ханиабад, Азар, Давар, площадь Сехах и другие.

В центральной части города направления дорожных магистралей были в основном параллельно-перпендикулярными относительно друг к другу, но изобиловали многочисленными изгибами, а на окраинах имели своеобразные стихийно образовавшиеся паутины уличных сплетений. Из крупных, часто сквозных через большую часть города, проспектов можно было выделить лишь несколько: с севера на юг: Пехлеви (20-ти километровый самый длинный в Тегеране), Кира Великого, Парквэй, Ванак, Джурдан (с переходом в Бухарест), Амирабад (с переходом в 6-е Бахмана) и ряд других, а с запада на восток имелся единственный проспект Эйзенхаура (переходивший в Шах Реза и далее в Тахте Тавус), а также улица Надери (переходившая в Истамбули).

В целом изгибы линий, протяженность и состыковка дорожных артерий столицы указывали на привязанность их системы к исторически сложившимся, без какого-либо общегородского и даже районного плана, направлениям. Хотя в последние годы власти проводили большие работы по выправлению улиц, по прокладке сквозных широких магистралей, дорожная карта города еще носила в себе сильные пережитки старого беспланового строительства

В деловом центральном квадрате города располагалась сеть современных широких улиц, обеспечивавших пропуск больших потоков автомобилей, намного гуще, чем в северной и других частях столицы.

Он охватывал район между бульваром Елизаветы II, проспектами и улицами Керимхана Зенда, Тахте Джемшида, Шаха-Резы, Эйзенхауэра, Шаха-Надери.

Районы Тегерана, в отличие от улиц, практически полностью сохранили старые наименования, чаще всего образованные от названий деревень или поселений, коими они когда-то были. Причем именные районы, как правило, были расположены в центральном Тегеране. То есть, будучи в прошлом отдельной или автономной от основного города жилой единицей, они остались еще носителями своих старых названий: на севере – Сулеймание, Гульхак, Рустамабад, Зарганде, Тадридж, Джустан, Ниаваран, Эмамзаде Касем, Саадабад; на востоке – Нармак, Техран Парс, Вахидие, Маджид; на западе – Акбарабад, Мехрабад, Тарошт, Амирабад, Юсефабад, Гайше Ванак, Махмудие; на юге – Куштаргах, Назиабад, Фарахабад, Наджефабад, Джавадие.

Санитарное состояние города

В 70-е годы резко ухудшилось санитарное состояние Тегерана по ряду главных направлений. Проблема в целом была весьма масштабная, а кризис общественной санитарии неуклонно нарастал и усугублялся. В пользу улучшения оснащенности соответствующих служб мегаполиса, казалось бы, говорил тот факт, что в последние годы в стране стало намного лучше с финансовыми средствами, однако, одновременно, возросли и злоупотребления во властных структурах, и коррупция среди чиновничества.

Одной из самых беспокоящих проблем жителей столицы стало резкое ухудшение воздушной атмосферы города. В 1976 году группа исследователей Тегеранского университета во главе с доктором Камалетдином Армином провела комплекс исследований по санитарным

условиям столицы и пришла к следующему выводу: количество углекислого газа в атмосфере города в девять раз превышало международный стандарт «нормальности». Причиной этого были: наличие в нем огромного парка автотранспорта, чрезмерная насыщенность жилых домов, промышленных предприятий, теплоцентралей и хлебопекарен, которые являлись интенсивными источниками загрязнения окружающей среды. Особенно тяжелым был воздух в южном Тегеране и по соседству с промышленными объектами. В результате в столице наблюдался высокий процент легочных заболеваний – на них приходилось 40% всех заболеваний Ирана. По мнению иранских ученых, одна треть всех смертей в Тегеране происходила от легочных болезней. В последние годы возрос также процент раковых заболеваний.

В этой связи, иранское правительство начало уделять особое внимание охране окружающей среды. В качестве одной из мер по оздоровлению воздуха оно потребовало от промышленных и других объектов, загрязнявших среду, использовать новую более гигиеничную технологию, либо применять фильтрующие устройства. В противном случае власти угрожали взимать штраф. В столице запретили строительство новых промышленных предприятий и предпринимались шаги к перемещению части действовавших объектов за пределы города, стали расширяться возможности системы уборки улиц и вывоза отходов.

Но в Тегеране общественная санитария выглядела отчетливо социально: на улицах с зажиточным населением было чисто, ухожено и обустроено, в районах же среднего достатка наблюдалось меньше чистоты, а в бедных районах условия были чрезвычайно плохие. Здесь среди глинобитных хижин и землянок не было ни зелени, ни

водопровода, ни электричества. Улочки, если они и были, зачастую оказывались заваленными мусором и камнями, даже сточные канавы считались в этих местах роскошью.

В Тегеране отсутствовала единая общегородская канализация. Каждый собственник земельного участка решал данную проблему по личному усмотрению.

Располагаясь у подножия Эльбурсского хребта, иранская столица имела сравнительно немалый уклон с севера на юг: на протяжении 14 километров территории города он составлял 800 метров. Поэтому вода в арыках, беря начало из реки Дарбандского ущелья и из речушек с соседних склонов, двигалась самотеком через весь город, и, загрязняясь по пути, достигала южных кварталов довольно помутневшей и не только опасной для питья, но и малопригодной для стирки. Особенно неблагоприятная обстановка складывалась весной и осенью, когда мутные потоки местами буквально захлестывали южную часть города. Уже при выходе из северных районов столицы – Гульхак, Ванак и Даудие – вода несла с собою много мусора. Задерживаясь в узких местах, эти наносы временами образовывали запруды, так что вода выливалась на проезжую часть улиц и тротуары, и устремлялась по ним далее вниз. Тогда приходилось делать расчистку труб и русел канав от грязевых пробок. Незастроенные участки, забытые на время по разным причинам их хозяевами, постепенно заваливались отбросами из соседних домов, так что местами бросалась в глаза такая картина: у одного соседа блестел нарядно ухоженный фасад коттеджа, на тротуаре перед ним и внутри садика было полито водой, дворик был посыпан песочком, благоухали цветы и другая благородная зелень; у другого – на пустыре, буквально, в нескольких шагах за забором его участка – была

свалка жестяных банок, разбитых бутылок, ржавого железа, нечистот, и все это открыто разлагалось на солнцепеке и в непогоду.

Не отлаженной была также система уборки улиц города. Если грандпроспекты, такие, как Пехлеви, Куруша, Шаха-Резы, Фирдоуси, Хафеза и некоторые другие, имели штат подметальщиков, вооруженных иногда современной техникой, включая и автомашинами спецназначения, то второстепенные улицы, находившиеся вне центральных кварталов, были уже менее ухоженными: на их транспортных и пешеходных полосах было больше бумаг и пыли. Конечно, жители этих мест обязывались муниципальными властями выполнять работы по соблюдению чистоты и санитарии в пределах своих владений и перед фасадом на улице. Но контроль за исполнением не везде оказывался достаточно бдительным и обыватели злоупотребляли этим. На данной почве нередкими были и столкновения с властями. К примеру, наблюдалась такая сценка: «На одной из таких улиц рассерженный полицейский – участковый (калантар) – распекал нерадивого домовладельца, у ворот которого собралась куча мусора, и валялось множество картонных коробок. Последний сваливал вину на соседей и посторонних, а убирать отказывался. Тогда полицейский своим властным голосом отрубал: «Раз ты здесь хозяин, следи, чтобы другие не захламляли у тебя под носом. Через два часа я вернусь сюда, чтобы было чисто. Не то наложу штраф». Блюститель порядка, не дожидаясь ответа, круто разворачивался и его подтянутая и уверенная фигура, четко ступая по асфальту, удалялась. На этот раз, как было видно, чувствовалось, что домовладельцу придется срочно прибраться, так как полиция в Тегеране пользовалась большой властью, а ставки штрафов были чрезвычайно высокими, и, если она его налагала, то, вряд ли, данный штраф можно было снять даже через суд».

Что касается ликвидации общей загрязненности города, то в дополнение к усилиям штата рабочих, выделявшихся муниципалитетом для очистки улиц, периодически развертывались кампании по «авральной» уборке большого количества улиц. В этих целях нередко использовались школьники, скауты, которые под руководством своих учителей и наставников «стаями» прочесывали близлежащие к школам и их жилью районы, убирая бумаги, окурки, тряпье и другой мусор. То есть это были своеобразные «субботники» иранского происхождения, охватывавшие пока что учащуюся молодежь.

Следует отметить, что в действительности чистота пока относительно соблюдалась в местах торговли: на «Большом базаре», у магазинов и лавок – это был один из элементов добропорядочной марки фирмы, либо «дукана», и торговцы стремились оставить самое благоприятное впечатление у своих клиентов и посетителей.

В переулки же удаленных районов редко заглядывали полиция и чиновники муниципалитета. На пешеходных дорожках и проезжей части не было асфальта, в лучшем случае там имелось гравийное покрытие. Редкие деревья, там, где они были, выглядели одинокими, а пыль, напротив, – обильной, так что заборы, улицы, дома и случайная зелень смотрелись серыми, и по цвету почти сливались друг с другом.

Редкие каналы в таких переулках в жаркое время года в большинстве случаев были сухими. А в тех из них, где все-таки вода появлялась, она была грязная, застойная, либо двигалась слабыми ручейками.

У обочин можно было встретить ржавые останки брошенных автомашин. Для детей, живших здесь, было очень мало простора для игр, но это жизнелюбивое племя приспособлялось в любых условиях, устраивало футбольные мини-поля, площадью в несколько метров,

используя полотно улицы, а иногда довольствуясь даже тротуарами. Пыль во время игры поднималась столбами, а снующие ребяташки, наполняя всю округу восторженными криками, смехом, спортивным азартом, кажется, не замечали убогости своего поля, ведь они были упоены игрой – естественной потребностью своего возраста. Они инстинктивно изыскивали все возможные варианты: любой более или менее ровный пустырь они превращали в футбольное поле, и носились по нему как резвые «жеребята».

Естественно, бедные кварталы Тегерана более всего являлись носителями различных болезней, уголовных столкновений, насилий. Городские власти, обеспокоенные большим контрастом социальных благ между севером и югом столицы, увеличивали государственные ассигнования для запущенных районов. Однако эффекта они приносили пока мало, так как в результате коррупции значительная их часть попадала не по назначению.

В рассматриваемый период все большую тревогу в Тегеране вызывали беспризорные собаки, количество которых за шесть-семь лет увеличилось с 20 до 500 тысяч. По этому показателю столица намного превзошла другие города страны. Правительственная газета «Кейхан», отмечая этот факт, винила слабую службу муниципалитета по борьбе с бродячими собаками и считала, что при сохранении создавшегося положения вещей, число таких животных через год-два могло возрасти до 2-х миллионов. Они несли в себе большую опасность распространения болезней, нечистот и других негативных явлений. «Уже сейчас, – сообщала эта газета, – в Тегеране от бешенства в результате собачьих укусов гибнет 10-12 человек в год». Широкою агитацию за соблюдение санитарных условий вели и средства

общественной пропаганды. Так, иранские СМИ сравнительно часто освещали вопросы борьбы с бродячими собаками.

Бурно развивавшийся Тегеран требовал кардинальной реконструкции и диверсификации коммунального хозяйства на современной технической и эстетической основах, требовал создания единой водопроводной и канализационной системы.

Перед Тегераном стояла ещё одна глобальная опасность – город оказался близким к своему критическому пределу в области водообеспечения. Иранские специалисты пришли к выводу, что водные ресурсы столицы были в состоянии обеспечить лишь 5,5 млн. человек (по их словам, до этого предела осталось добрать менее миллиона человек). При существовавших темпах прироста населения для достижения критической цифры достаточно было 4-5 лет. Поэтому перед властями встала тяжелая альтернатива: либо жестко ограничивать прирост численности жителей Тегерана, либо изыскивать новые и серьезно гарантированные ресурсы по водоснабжению потребностей интенсивно растущего столичного мегаполиса.

Что касается столичной системы здравоохранения, то сам город (включая районы Шамира и Тадриджа) насчитывал более 200 больниц и клиник, а также родильных домов с числом больничных коек в каждом около 22. Из них почти половина были частными. В Тегеране функционировало 800 аптек и магазинов по продаже лекарств (большинство также были частными). Таким образом, в целом число медицинских и фармакологических учреждений столицы составляло около 85% данного потенциала Центрального остана и 35% – страны. В Тегеране работало более 50% всех иранских врачей: терапевтов, хирургов, дантистов и т. д.

Следует отметить тот факт, что, несмотря на более высокое развитие и насыщенность системы здравоохранения в Тегеране сравнительно с другими городами и районами страны, вместе с тем, его уровень в этой области значительно отставал от такового в промышленно развитых странах мира. Так, в 1977 г. в Тегеране одна больничная койка приходилась на 218 жителей, в то время как в странах Западной Европы она, в среднем, – на 80-100 человек.

Дачные окрестности Тегерана

Тегеран расположен на 35,41 градусе северной широты и 51,19 градусе восточной долготы. Лежит он на платформе к югу от хребта Эльбурс. Относительно равнинная в южной части, она поднимается к северу, где в нее вклиниваются крутые отроги указанной горной гряды.

Иранская столица находится в зоне сухого климата. Лето в Тегеране жаркое, особенно в его южной части. В это время над городом неизменно господствует яркое безоблачное небо. Зима же умеренная, а по московским понятиям, мягкая; выпадение снега – явление довольно редкое (однако горные вершины Эльбурса, наблюдаемые из Тегерана, в течение значительной части года остаются покрытыми снегом). Весной выпадают ограниченные осадки. Осень преимущественно сухая. Таким образом, большую часть года составляют солнечные дни. Смена сезонов не отражается особенно на яркости светового дня.

Максимальная летняя температура составляет 42,5 градуса, а зимняя – минус 16,1 градуса по Цельсию. В среднем температура колеблется летом между 21 и 35 градусами, зимой – -1-11, весной – между 14 и 27, осенью – 5 и 17 градусами по Цельсию.

Вместе с тем, иногда случаются температурные и погодные отклонения от средних годовых показателей. Изредка на Тегеран обрушиваются стихийные бедствия: бураны, сели, землетрясения и другие. Так, в апреле 1976 года внезапная свирепая буря, несшаяся со скоростью 110 километров в час, повалила много деревьев, порвала провода, разрушила много глинобитных домов, а в «Мехрабадском аэропорту» опрокинула и столкнула несколько крупных самолетов и вертолетов. Имели место жертвы.

Но более всего докучает тегеранцам летняя жара. Поэтому у них особенно сильно развита потребность в загородном «наприродном» отдыхе.

У Тегерана, большого человеческого муравейника, есть свое обширное полукольцо дачных мест. Горы – носители летней прохлады, а зимой – обилия снега. Поэтому дачный пояс растилается со стороны Эльбурсского хребта.

Места отдыха разные по назначению, климату, температуре и благоустройству . Все эти показатели зависят от того, насколько они удалены от города и углублены в горы.

– Если хотите познакомиться с ярмаркой кафе и с ближайшим иранским сервисом летнего отдыха на лоне природы, – говорят тегеранцы гостям, – поезжайте в Дарбанд.

«Дарбанд», что в переводе с персидского означает «ущелье», – любимая и доступная для многих горожан прохладная и обустроенная для разнообразного общественного отдыха узкая, но длинная, полоска долины вдоль горной реки. Её причисляют к лучшим достопримечательностям северного Тегерана.

Обычно данный район хорошо просматривается по утрам, пока городская дымка не успевает окутать его. На пологом склоне горы

издалека выделяется большое зеленое пятно этого паркового массива. Оно выше даже самых дальних окраин города. Далее, сужаясь, теряется высоко в расщелине.

В ущелье можно попасть, минуя северные районы Тегерана – Таджриш и Сарбанд, которые являются преддверием Дарбанда. Дорога мимо обширного и многотеррасного поместья Саадабадского дворца ведет в узкое ущелье, куда острым углом упирается север столицы. Шоссе круто поднимается вверх, пока не заходит в тупик. Именно здесь начинается Дарбанд. Далее можно двигаться только пешком (либо, частично, по подвесной пассажирской кресельной канатной дороге). Начало ущелья обозначено установленной в клумбе посреди дороги гипсовой статуей альпиниста с заступом. Здесь же находятся маленькие гостиницы и одна – с вывеской «Дарбанд». Это – самая высокая точка Тегерана, далее идут уже горные склоны с «дачным сервисом».

С данного рубежа, разместившись на отрезке длиной километра в полтора, начинается ярмарочное средоточие всевозможных кафе, ресторанчиков, продуктовых лавок, киосков, чайхан и т. д. Все они – частная собственность. Большую часть года в Дарбанде людно, для гостей четко работает отлаженная многоликая индустрия общественного питания и сервиса отдыха. Особенно напряженно она действует со второй половины четверга и всю пятницу, когда ущелье заполняется массой гостей, многие из которых проводят здесь и день, и два своих выходных. Говорят, в такие дни в Дарбанде скапливается до 100 тысяч человек.

Температура воздуха здесь градусов на 8-10 ниже, чем в остальном Тегеране, а это – важно, особенно, в летний зной. По дну ущелья, упорно пробиваясь сквозь скалы и валуны всевозможных цветов (среди них нередки и бирюзовых оттенков), несется довольно резвая и

игривая речка. Может быть, когда-то ущелье само по себе и было заурядным, но ведь из него прямо в город выходит одна из сравнительно полноводных артерий с севера, и это обстоятельство, плюс довольно многоградусный температурный перепад, люди не могли не использовать. По словам тегеранцев, Дарбанд был заселен много веков назад, но «злачно-ярмарочным центром» стал только где-то с 50-х годов XX-го века.

Частные предприниматели, отвоевывая у крутых скал метр за метром площадки, и буквально ювелирно выравнивая их, умело создавали на протяжении почти километра вверх вдоль водной артерии десятки увеселительных и общепитовых заведений. Каждое из них было построено своеобразно и подогнано в соответствии с характером избранного места. Зачастую, на миниатюрно узких участках маленькие чайханы, либо кофейни были жестко прижаты и к речке, и к скалам, и иногда висели над обрывами. Через бурлящие потоки были перекинuty деревянные мостики, настилом которых служили положенные поперек стволы молодых деревьев толщиной до десяти сантиметров и эти оживленные практически необработанным деревом мостики, гармонично вписывались в окружающую природу. То же самое можно сказать и об остальных атрибутах надводного обустройства: настилы, тахты, покрытые коврами и расположенные прямо над шумной речкой, так что брызги долетали до отдыхающих, а иногда встречались места, где воздух был заполнен водяной пылью. Вода несла прохладу через лабиринт ущелья, образуя стремнины, водопадики, изгибы. Её «говорливый» резвый бег благожелательно настраивали глаза и слух человека, а вместе с ними и весь организм, к отдыху. Люди располагались обычно таким образом, чтобы речка оказывалась внизу, а

её рулады на разных уровнях и вариантах звучали кругом по всему ущелью.

У одного из поворотов речки, метрах в двустах вверх, находилась фактически вертикальная каменная стена. С её вершины была спущена вниз веревка, а расположенный у подножья павильончик имел снаряжение и служил для скалолазных целей – своего рода альпинистский аттракцион. На гребне же горы, нависавшей над ущельем, виднелись опоры и тросы ещё одной кресельно-канатной дороги, действовавшей по четвергам и пятницам. Это было рассчитано на любителей (включая и со слабыми мощами) видов с высоты птичьего полета.

С площадок обозрения на склоне горы открывался полный обзор Тегерана, который был виден как на ладони. Хорошо просматривались его длинные проспекты, разноплановость порайонных застроек, а в теряющейся дымке – юг и тамошние пригороды города. Особенно выделялись ближайшие дворцовые ансамбли «Саадабада» и «Ниаварана», а также формы небоскребов проспектов Пехлеви и Елизаветы, оффисов на Реза-шахе.

В лавках Дарбанда предлагался покупателям широкий ассортимент изделий из орехов и теста: миндаля, фисташки, арахиса – в сахаре, посоленные, в кожуре и без; грецкие орехи – целыми ядрами без кожуры в воде, маринаде, меде или сахаре; халва и печенье множества видов и еще много других малознакомых и незнакомых восточных сладостей. Как всегда в иранских лавках, на переднем плане стояли ряды разноцветных «батарей» прохладительных напитков: «Кока-колы», «Пепси-колы», «Канады-драй», «Севен-ап» и другие.

К вечеру в эти места более всего устремлялась молодежь. С наступлением темноты ущелье, начиная с его удаленного конца и

мелких заведений, постепенно замирало: гасли лампы, тонули в ночи голоса и все чище звучал монотонный успокаивающий рокот речки Дарбанд.

. . . В мае месяце, когда приходила жара, многие тегеранские семьи либо в уезжали в свои загородные владения, либо снимали на лето домики и углы в окрестных живописных долинах и ущельях. Самым крупным дачным районом столицы был лежащий в сорока километрах на запад город Кередж и окружающие его деревни (через него проходила одна из основных дорожных артерий – Тегеран-Каспийское море, общей протяженностью чуть более двухсот километров). Но более всего популярной в этом же направлении была вытянутая змеей на 24 километра до основания высотной плотины «Амире Кабир»^{x/} Кереджская долина. На этой узкой полосе между асфальтом шоссе и скалами, а с другой – только горная река Кередж и такие же скалы, не уставая, тянулись почти сплошной лентой вереницы легких белых домиков, уютно спрятавшихся за густыми занавесями пирамидальных тополей и прикрытых в нижней части кустарниками с ягодами и цветами. Людская предприимчивость и разноликий вкус в содружестве с природой создали рациональное оформление этому краю: где местами шуршала тысячелистная ухоженная зеленая одежда шоссе, а его полотно, местами оголенное и раскаленное от зноя, нередко выходило к краям обрыва над зауженным здесь руслом ошалевшей от бешеного бега реки, либо теснилось с обеих сторон высокими и гранеными стенами скалистых гор, а река шумела где-то за отсекающей скалой.

Шоссе, начиная от города Кереджа, все время зигзагами набирало высоту. Затем, выйдя на долинное расширение, крупными виражами круто вздымалось к верхнему горизонту выгнутого скобой

^{x/} - «Амире Кабир» («Великий визирь – Мирза Таги-хан»).

железобетонного щита плотины «Амире Кабир», имевшей высоту 180 метров и длину – в три километра. Поровнявшись с плотиной, шоссе тут же ныряло в темную и сырую каменную пещеру почти четырехкилометрового тоннеля. Здесь крупные мрачные и острые углы нависавшего над дорогой гранитного царства отдавало необычной тяжелой красотой. Местами в тоннеле просачивалась грунтовая вода, а

Где-то в середине под вертикально стекавшим ручейком был сделан микробассейн для её сбора. Иногда у него останавливались автопассажиры, чтобы напиться. За этим тоннелем следовали еще тоннели, а между ними под крутым откосами голубело мелкой рябью в горных объятиях Кереджское водохранилище, достигавшее в длину четырнадцать, а в ширину – четыре километра. Именно отсюда иранская столица получала большую часть воды и электроэнергии для своих нужд. На берегах водохранилища раскинулись павильоны и купальни различных клубов и частных собственников, а воды бороздили глиссеры и катера.

Почти на каждом километре шоссе, на живописных поворотах, а изредка, на скальных выступах, разместились разношерстные придорожные кафетерии, чайханы, шашлычные, «стрелявшие» в посетителей и проезжающих пассажиров своими броскими рекламными щитами и вывесками: «Кока кола», «Джуджа кябаб», яркими на восточный манер рисунками блюд с пловом и фруктами, призывно дымящимися кальянами.

В столице шоссе Тегеран-Каспийское море называют еще «шоссе выходного дня». Оно следует по маршруту Тегеран-Кередж-Пуле Санги-Марзанабад-Чалус и далее в любой район прибрежной Каспийской курортной зоны. То-есть морское побережье находилось в 4-5 часах езды на автомобиле из Тегерана, а его жители в пятницу, как правило,

проводили на море. По утверждению иранских средств информации, в летний сезон за неделю в этот район выезжало до миллиона тегеранцев. Поэтому указанное шоссе с четверга до субботы чрезвычайно загружалось автомашинами. Естественно, из такого «паломничества» большую выгоду извлекал придорожный сервис.

Следует отметить, что на Каспий вела еще одна автомобильная дорога – к востоку от Тегерана: через Родхан, Абе Али, Полур, Абе Аск, Шахзейд Софла, Хараз, Амоль. Эти места тоже относились к столичному зеленому и прохладному поясу. Все расположенные в данном направлении селения, начиная от самых близлежащих Лашкарака, Фашама и других, заполнялись летом, и особенно в выходные дни, отдыхающими. Кроме прочего, они были примечательны тем, что здесь соседствовали высокие горные вершины и уютные долины, над которыми царствовал белоголовый конус овечьей легендами горы Демавенд.

Высота её составляла 5670 метров, она самая высокая в Иране. Особенно впечатляющим её вид был из селения Полур, расположенного в тридцати километрах от нее, откуда открывался полный обзор на эту почитаемую горную вершину страны. Район Демавенда изобилует мягкой прохладной водой, а в Абе Али находились источники, обеспечивавшие столицу широко известной минеральной водой «Абе Али», продававшейся в бутылках.

Горные долины представляли интерес для отдыха столичных горожан не только летом, но и зимой, когда открывался лыжный сезон.

Наиболее популярным в этом отношении являлся район селения Шамшак, расположенного в сорока семи километрах на северо-восток от Тегерана. Здесь был самый длинный лыжный сезон – с ноября по апрель, – но путь туда зависел от настроения погоды: в этот период

часты были заносы, лавины, оползни и прочие природные неприятности. В летний же период таких преград не было.

В данном направлении к Каспию паутина тегеранских улиц выводила на загородное шоссе в северной части города, которое было направлено на восток между Ниавараном и Султанабадом вдоль пустынных склонов Эльбурсского хребта. С юга, на нисходящей возвышенности, виднелись посадки леса. Однако саженцы пока еще выглядели нежными младенцами, что даже не верилось, что через 15-20 лет они могут вырасти в мощные деревья и не будут такими беспомощными и беззащитными под нещадно палящим солнцем летом и в непогоду зимой. По соседству за шлагбаумом и сверкавшими бликами касками охранников располагалось какое-то военное училище.

В километрах в десяти от города на развилке шоссе возвышались холмы, на которых молодежь в выходные дни занималась самостоятельным мотоальпинизмом. Этот вид спорта возник сам только недавно, когда появились мощные мотоциклы и они стали более или менее доступны для молодежи. Как известно, мотоальпинизмом особенно увлекались в Европе и Северной Америке. Видимо, не отставала в этом отношении и иранская молодежь. Суть мотоальпинизма в Тегеранском районе заключалась в том, что владельцы мотоциклов различных марок – «Ямаха», «Хонда», «Июкогама», «Харлей-Дэвидсон» и т. д. – соревновались в скоростных подъемах и спусках на очень крутой возвышенности. Холм, отвечавший соответствующим требованиям, как раз и находился здесь. Его склон был бугристый, а наклон достигал 40-45%. Причем у подножья этот холм почти полностью переходил в высокий, кроме узкого корридора, обрыв с редкими извилистыми тропинками по его стенкам. Мотоцинисты резко срывали с места машины, выжимали все, на что они были способны, и наперекор

закону притяжения земли натужно устремлялись наверх, где, буквально на протяжении всего подъема, часто зияли овраги.

Не всем удавался трюк достать вершину холма – победу приносили мощность и отработанность двигателя, набранная начальная скорость и мастерство водителя. Зрители, друзья соревнующихся и зеваки из множества останавливающихся автомашин, восторженно хлопали удачнику, достигшему вершины холма, или смельчаку, который решался спускаться по узеньким тропкам обрыва, и особенно если на приличной скорости. Но трасса была чрезвычайно трудная и большинство не достигало цели – зачастую, всего в каких-нибудь двух-трех метрах, безнадежно забуксовывали колеса, а это означало конец взлета. Бывало и так: переднее колесо запрокидывалось и мотоцикл вместе с седоком кувыркался по склону вниз. Но неудача не обескураживала мотоциклистов, и юноши повторно и неоднократно рвались покорять свою вершину. Мотоальпинизм пользовался большой популярностью среди столичной молодежи, и поэтому, к этому холму, также как и в районе Кана, расположенного к северо-западу от Тегерана. Каждый погожий «уикенд» любители данного вида спорта устремлялись к «своим холмам», чтобы снова получать наслаждение от сильных ощущений, от испытания силы воли.

Далее «восточное» шоссе к Каспию шоссе сворачивало на север, сужалось и, следуя навстречу извилистому руслу реки Джадже-руд, резко набирало высоту в обступившие его с трех сторон горы. В ушах чувствовался перепад высот, а дорога настойчиво кружила по склонам, уходила в каменные галереи, затем, вынырнув, плотно прижималась к скалам так, что многотонные гранитные глыбы, пронесившись близко за стеклами автомашин, и зачастую нависавшие над узенькой лентой асфальта, весомо напоминали своей вполне осязаемой тяжестью и

вечностью своего материала, что сравнительно с ними человек и его творение автомобиль являются всего лишь букашками и суетой.

Еще один протяженный взлет дороги и на открывающемся взору просторе далеко внизу под солнцем ярко засверкала зелено-желтым переливом своих ярких цветовых достоинств долинная деревушка, где, как в миниатюре, четко просматривались прямоугольники полей, белые пятна домов, ряды стройных тополей и хрустальная живая речушка. «Это – Мейгун, «рай для романтиков»», как утверждали иранцы, и не без основания.

А селение Шамшак – основная зона отдыха горожан – было еще выше. Высота давала неприятные ощущения для наиболее чувствительных пассажиров: подташнивало, ломило в ушах. Наконец, из-за поворота вынурнул виражный спуск – вот это был уже Шамшак. За мостом реки тянулись ряды горизонтальных галерей глинобитных строений, из-за них выглядывали наконечники тополей, букеты крон фруктовых деревьев. Селение выглядело пустынно, жило привычным замедленным темпом под сенью своих духов-исполинских горных вершин, терявшихся высоко в дальней дымке. Окружавшие селение места были благодатны для отдыха во все времена года. В горах водились во множестве куропатки, а также каменные козлы, муфлоны, а на высоких уровнях встречались леопарды. Весной вся долина реки Джаджеруд превращалась в плантации цветов из красных и желтых тюльпанов и роскошных маков.

До моста вправо, начиная с возвышенной площадки, где было установлено большое клетообразное металлическое сооружение, вверх по склонам тянулась карусельно-канатная дорога, действовавшая только зимой. Неподалеку от сооружения, несколько выше, было расположено одноэтажное белоснежное здание – огромный четырехугольник,

опирающийся на усиленный фундамент каменной кладки. К нему вели каменные ступени, протяженностью метров сто. Здание выступало утесом на плече возвышенности, а селение, таким образом, оказывалось ниже и полностью просматривалось.

Белое здание на горе – это была лыжная станция. Зимой в белом доме отдыхали любители горных лыжных прогулок. В другие времена года, когда бесснежные горы выглядели голо, обильно посыпанные мелкой щебенкой, здесь действовал ресторан. На тыльной стороне здания, обращенной в сторону пологой многоголовой горы, на площадке, выложенной в свою очередь тесаным камнем, были расставлены плетеные кресла. Воздух здесь был чист и свеж как родниковая вода. У края площадки под навесом торговали горячим чаем. Своеобразный буфет привлекал своими атрибутами. На прилавке посреди двух маленьких, отделанных в иранском стиле, самоваров были разложены сладости: очищенный грецкий орех в сахаре, подсоленные фисташки, конфеты в целофановых обертках, виноград, яблоки. В глубине навеса находились два других, но уже крупных самовара, ярко сиявших начищенными красномедными корпусами. На выступах дощатых стен красовались тоже самовары, но миниатюрные и своеобразные. Кстати, самовар, будучи в своем первородстве российского происхождения, был в прошлом широко воспринят иранским бытом и даже сохранил свое родное название, без изменения войдя в состав персидского языка. Самовар очень распространен в Иране и следует отдать должное иранцам – они, являясь народом с высокоразвитым эстетическим чувством, возвели этот предмет быта на уровень произведения искусства. И можно сказать, что по разнообразию форм, размеров и украшений самоваров они превзошли родину этих изделий (имеется ввиду советский период, когда в России

присутствовал только ограниченный фабрично-штампованный ассортимент этих изделий). В иранском обиходе встречались самовары круглые, овальные, трапециевидные, грушеподобные, украшенные различными финтифлюшками, а также резьбой, чеканкой, полудрагоценными и даже драгоценными камнями. Когда смотрели на такое, покрытое бисером и бирюзой, творение, то даже не верилось, что оно использовалось не только как бутафория, но и для обыденного чаепития.

Чай здесь, как и во всем Иране, пили из маленьких суженных посередине стаканчиков «армуде». Подавали их на кофейных блюдцах. Сахар-рафинад был необычайно мелкозернистый – почти пудра, а его отдельные кусочки по размерам равнялись чуть ли не трети нашего быстрорастворимого рафинада.

Шамшакский ресторан славился своим фирменным блюдом – «пловом по-шамшакски». Что он из себя представлял? Отдельно приносили рис: нижний слой был белого, а верхний – желтого цветов. Желтую расцветку давал краситель растительного происхождения – шафран, популярный на всем Востоке как приправа и краситель. В Иране его выращивают в основном в Хорасане. На другом блюде к рису было жареное мясо, на третьем – горячая подлива, затем шли зелень, типа кинзы, фруктовый уксус и маленькие лимончики. Своеобразным был напиток, который в СССР не был в ходу, в силу иных климатических условий – это концентрат лимонного сока. В иранских кафе и ресторанах его ставили на стол в бутылке, а рядом в железном кувшине была вода со льдом. Их смешивали по вкусу и пили без добавления сахара. Даже в слабом растворе напиток был горьким, но потрясающе ободряющим, и в жару снимал жажду эффективнее, чем даже зеленый чай.

Еще одной особенностью иранской кухни являлись поджаренные, несколько подгоревшие, рисовые корки из-под плова – одно из любимых яств в этой стране. Когда его предложили в шамшакском ресторане, то казалось, что оно бытует только здесь. Однако и в других местах Ирана тоже обожали такую поджаренную корку. Так, в одном большом кафе города Шираза, где обедали в перерыве трудового дня чиновники и рабочие деловой части города, приходилось наблюдать на прилавке раздаточной части кафе огромный поднос этих столовых творений, и многие посетители предпочитали их другим блюдам.

Шамшакский ресторан был отделан с большим вкусом: в побеленной стене красовался встроенный камин, сложенный из полированного кирпича. Над ним висели замысловатые (смесь традиции и модерна) медные светильники, окна были отделаны вензельной мозаикой, пол выложен цветным камнем. На выходе стояли два стеклянных шкафа – витрины, где демонстрировались изделия фабрики национального ручного производства «Сахте сазмане карханейе мелли»: медные и керамические кувшины, национальная обувь с загнутыми носками и удлиненными задниками, кисеты, свитера ручной вязки, чеканка и инкрустация на блюдах и шкатулках, а также прочее, что могло представить интерес для туристов.

А между тем, Шамшак был известен как деятельный район в области производства. Здесь добывался высококачественный каменный уголь, ткались красочные ковры, паласы, шилась шерстяная одежда своеобразного местного покроя с применением блестков в качестве отделки.

Возвращение в Тегеран из Шамшака, то есть «под гору», было быстрее и легче, без напряжения, приходилось даже сдерживать автомашину, зачастую применяя торможение.

Зимой и в непогоду в другие сезоны года это, наверняка, было сопряжено с большими трудностями: скольжением, заносами и обвалами.

Культурная жизнь столицы

Музеи

В Иране 70-х годов действовали 19 музеев, в том числе девять – в столице.

Тегеранские музеи были следующие: археологический, антропологический, декоративного искусства, национального искусства, Гулистанский, музей Пехлеви^{x/}, оружейная палата офицерского института, музей криминалистики полицейского управления.

Как писал журнал министерства информации Ирана, «в наше время музеи довольно разнообразны и охватывают все стороны жизни. Поэтому они занимают видное и важное место в культурной жизни человека».

Тегеранские музеи, с одной стороны, соответствовали этой характеристике, а с другой – отражали особенности шахской политической власти в Иране.

Археологический музей – Музей-йе Иран бастан

Это – первый и крупнейший научный музей страны. Он экспонировал предметы и памятники многотысячелетней культуры иранского народа, и, с точки зрения ценности и значительности

^{x/} - О музее Пехлеви (что в мраморном дворце и мемориале Шахъяд) уже говорилось выше.

экспонатов, считался одним из крупнейших музеев материальной культуры в мире.

Музей-йе Иран бастан начал функционировать с 1935 года, а в специально построенном для него здании разместился спустя два года. Музей находился в центре Тегерана к западу от площади Сепак на углу улиц Сепак и Рафаэля, и своей строгой, но далеко не упрощенной, архитектурой хорошо вписывался в архаику старостильных строений окружающего района. Это утяжеленное по виду каменное двухэтажное здание, было построено в стиле сассанидского дворца. Крупные каменные блоки были тщательно подогнаны друг к другу и образовывали полированные стены. Те, в свою очередь, были обрамлены встроенными в них тонкими и ребристыми цилиндрическими колоннами, между которыми крупные зарешеченные окна с закругленным верхом выглядели солидными бойницами. В целом здание напоминало цитадель. Центральный вход в музей представлял собой огромное арочное углубление (купол вогнутый) во внутрь здания. На всю ширину 9-ти ступенчатая лестница поднималась с покрытия двора на новый уровень, где в стене купола располагались входные двери (и тоже арочные).

Первоначальное назначение музея было ограничивалось рамками обычного музея просвещения. Однако затем его эквпозиция была переоборудована под специализированный музей археологии. В результате деятельности экспедиций и новых открытий в области материальной культуры музей обогащался новыми ценными экспонатами.

Коллекция археологического музея охватывала период в 8 тысяч лет иранской цивилизации: с 6-го тысячелетия до, так называемой, новой эры – по начало её 20-го века. Лучше всего были представлены

эпохи Ахеменидов и Сасанидов, сравнительно обширными были также экспонаты исламского периода.

В целом же общая экспозиция была негромоздкой, но ёмкой и весьма ценной, убедительно проводила историческую связь культуры иранского народа с древнейшими государствами Двуречья, древней Грецией, арабским халифатом, тюрками, ильханами (чингизидами), афганцами, Индией (особенно с Великими моголами), Китаем и арабским Востоком.

Древнейшими предметами музея являлись изделия из камня и кости, найденные в районе города Керманшаха. По мнению специалистов, они относились к периоду между 10-м и 5-м тысячелетиями до н. э. Весьма интересными среди древнейших находок были расписные керамические и медные изделия из местечек «Суз», «Тапе-йе Хесар Дамгана», «Сиалка» и «холма Бакун», а также коллекция изделий из бронзы: конное снаряжение, оружие и экипировка, обнаруженные в Луристане и относившиеся ко второму-первому тысячелетиям до н. э. Кроме того, в «Шуше» были найдены относившиеся к 3,5-8 тысячелетиям до н.э., так называемые, пиктографические письма с протоэламскими текстами. Все эти экспонаты говорили о высокой технике литья, керамического производства и профессионального ремесла металлообработки. В те же периоды, возможно, получила развитие и письменность.

В разделе «Ахеменидская империя» впечатляющими были: настенный «барельеф Дария Великого», изображенного с его сатрапами; многометровый макет ахеменидского дворца «Тахте-Джемшид» в городке Персеполисе; капители колонны с изящно точенными мифическими каменными быками; крепко сбитое крупное колесо боевой

колесницы; статуя воина из «Суз»; «золотая чаша Ксеркса»; золотые и серебряные плиты, а также другие экспонаты.

Сасанидская эпоха представлялась: фресками и росписью по гипсу, найденными при раскопках дворцов в Дамгане; образцами оружия, бронзовых и серебряных изделий.

Среди произведений мусульманской культуры, занимавших значительную часть площади музея, были: набор архитектурных образцов нарезов по ганчу (алебастру), искусная растительная и геометрическая мозаика цветного стекла; древние пухлые Кораны в тисненых золотом сафьяновых переплетах и с замысловатыми иллюстрациями на краях страниц, написанных в XII веке (всего 4 тома). Ценными экспонатами этого периода являлись «михрабы» (алтари). Самый древний из них был сооружен в 1143 году в Бузане (нынешнем городе Исфахане), и назывался «Михрабом Эмамзаде Каррара» (михраб — это арочное богато оформленное углубление в стене мечети, в направлении которого молятся мусульмане. Он всегда направлен в сторону Мекки — святого города в Саудовской Аравии). Нижняя часть представленных в музее «михрабов» была мраморная (либо из оникса), выше шло глазурованное оформление, покрытое изящной вязью религиозных изречений. Их каллиграфическое написание представляло собой произведение искусства — тонкие, как ноги фламинго, белоснежные стрелы арабского шрифта четко выделялись на густом синем фоне. При этом была соблюдена полная симметрия всех составных частей арки.

Образцом расцвета искусства инкрустации в XIV-XV» веках представлялись мимбар (кафедра) мечети Сурьян (район Баванат в провинции Фарс), возведенный в 1369 году, а также двери с инкрустациями от 1353 и 1442 гг. и гробница от 1319 г.

В горизонтальных витринах посреди залов были выставлены многочисленные золотые монеты и мелкие драгоценные украшения династий Саманидов, Сельджукидов, Ильханов, Сефевидов и Каджаров. Причем, все они входили в единую экспозицию (а ведь, зачастую, музеи других стран помещали их в свои «спецфонды»). Многие изделия из золота, серебра, бронзы, нефрита и других материалов, помимо своей исторической ценности, были очень сильны по значимости для своих эпох и оригинальны по манерам исполнения.

Гулистанский музей

Считался самым старым строением из иранских музеев. Он был создан на основе Гулистанского дворца — резиденции Каджаров. Это сооружение считалось лучшей архитектурной постройкой XIX века. Оно было возведено на рубеже XVIII и XIX веков: с 1796 г. при Ага Мухаммад-хане по 1801 год при Фатх-Али-шахе.

Главной достопримечательностью музея являлся знаменитый «Тахте-тавус» (Трон павлина). Большая часть других экспонатов также относилась к XIX веку, многие из которых были подарены европейскими монархами, а также губернаторами и эмирами различных провинций Персии. Это — фарфоровые, металлические, богато инкрустированные, вазы (в том числе огромные — китайские, расписные и глазурованные), музыкальные часы, сверкавшие тысячами граней и оттенков иранские и зарубежные люстры и светильники, знаменитые персидские ковры из всех ковродельческих районов страны, коллекция редкого старинного оружия: сабли, кинжалы, золоченные щиты, шлемы, кольчуги. Стены этого дворца-музея украсили прекрасные картины известных иранских художников — Мухаммада Гаффари (Камаль-уль-Мулька), Махди Махмуд-хана Малек аль-Шоара, Сапи-уль-Мулька и других.

Антропологический музей

В нем было представлено собрание предметов бытовой культуры иранского народа, полученных в результате тщательного отбора в различных районах страны. Различные научные экспедиции, производя изучение обычаев и традиций населения, собрали образцы костюмов представителей всех народов Ирана, медной, фарфоровой и стеклянной посуды, кальянов, чубуков, каламданов (пеналов), музыкальных инструментов и других предметов обихода.

Музей декоративного искусства

Был открыт в 1961 году, располагал богатой многовековой коллекцией, состоявшей из 1200 предметов декоративного характера. Это – декорированные занавесы, покрывала и скатерти XI-XIV веков; «фарманы» (указы) шахов; образцы каллиграфических почерков в рукописях, «диванах» (сборниках стихов), Коранах; миниатюры – картины персидской школы живописи, писанные акварелью или маслом; инкрустированные кальяны, чаши и оружие.

Музей национального искусства

Был создан в 1930 году в здании «Баге Негарестан», находился вблизи от площади Бахаристан на улице Камаль-уль-Мулька. Задачей музея являлось сохранение традиций национального искусства и его пропаганда. Музей представлял изделия мастерских и цехов Министерства культуры и искусства. Все они были произведениями современного происхождения и состояли из миниатюр и картин на темы поэм и стихов иранских великих поэтов Фирдоуси, Низами, Атгара, Моулави, Хайама; из художественно тканых парчи и бархата, мозаик, изделий из керамики, серебряных и эмалевых предметов, ковров. При этом работы разных школ были выставлены отдельно, и таким образом

посетителям представлялась возможность сравнения стилей и мастерства этих школ.

Оружейная палата офицерского института

Была создана в 1923 г.? демонстрировала различные виды холодного и огнестрельного оружия, изготовлявшегося в Иране в XVII-XХ века: всего около 4-х тысяч экспонатов.

Полицейский музей криминалистики

Был ровестником новой иранской полиции, созданной по указу Реза-шаха Пехлеви. В нем были собраны оружие и средства всех крупных уголовных преступлений и политических вооруженных операций, совершенных в Иране с момента основания данного музея.

В 60-70-е годы XX-го века открыли двери новые музеи Тегерана – это построенные в пределах парка Фарах (который находился на западе города) Музей ковров, а также Музей современного искусства. В последнем, выполнявшем одновременно функцию выставочного зала, помимо произведений искусства современных художников и скульпторов, были сосредоточены экспонаты, относившиеся к архитектуре и декоративному искусству, документальные кинофильмы и фотографии.

В связи с претворением в жизнь провозглашенной шахом стратегической линии развития иранского общества, партией Раствахиз (Возрождение), ставившей целью вывести Иран на уровень высокоразвитых государств мира, одновременно осуществлялась программа по открытию новых музеев, мемориалов, памятников и других соответствующих объектов.

Национальная сокровищница Ирана

Она была открыта только в светлые часы второй половины дня. Располагалась в здании Центрального банка Ирана на улице Фирдоуси напротив торгового квартала «Лалезар» в центре столицы.

Выставка шахских драгоценностей (в 70-е годы прошлого столетия «Национальная сокровищница Ирана» именовалась «Сокровищницей шахских драгоценностей») находилась в подземном помещении под основным зданием банка. Чтобы попасть туда, необходимо было пройти с улицы Фирдоуси во двор, а оттуда – через неброский вход в выставочный зал. Все подходы к нему усиленно охранялись полицейскими и жандармами. Миновав входную дверь, посетители опускались по широкой и довольно крутой лестнице, метров на пять вниз, на небольшую площадку, Слева от нее был гардероб для сумок и портфелей, в центре – стол с администрацией, проходными билетами по 10 туманов на человека, справа – узкая лестница, ведущая еще ниже, перекрывавшаяся железной решеткой. Охранники-жандармы с кольтами на боку внимательно «дырявили» глазами посетителей, большинство которых составляли иностранцы. Только после этого разрешался допуск в еще более нижний этаж. Два небольших пролета лестницы и экскурсанты попадали в узкую залу с киоском литературы, слайдами, буклетами о сокровищнице, миновав которую они сворачивали направо, где была новая более широкая зала. Здесь начинались витрины, где экспозицию составляли парадные костюмы шахини, шаха и наследного принца, которые использовались во время коронавания шаха Мухаммеда Реза Пехлеви и шахини Фарах в 1967 г.

После этой «увертюрной» залы направо начиналась сама сокровищница — большая вытянутая комната, с сильно приглушенным

светом, в которой выставленные экспонаты имели автономную подсветку. Это было сделано для того, чтобы внимание посетителей сосредоточивалось на избранном объекте выставки. Для того, чтобы перевести взгляд на другой экспонат, необходимо было миновать промежуточный между ними полумрак и только тогда выйти на новый освещенный участок. Всего в музее было 37 витрин с драгоценностями. Но, прежде чем перейти к описанию всего их собрания, с нашей точки зрения, представлялось небезинтересным кратко осветить его историю.

По утверждению иранцев, «Сокровищница шахских драгоценностей» – была самой крупной и богатой в мире среди подобных ей. Она, по заявлениям ученых университета Торонто (Канада), произведших, с разрешения иранских властей, в 1965 году обследование и классификацию ее драгоценностей, «содержала в себе произведения пятнадцати веков, начиная с эпохи Сасанидов». Однако накопление сокровищ в государственной казне Ирана (Персии) имело место еще в предшествовавшую эпоху Ахеменидов — при правителях: Кирах, Дариях, Ксерксах и так далее, – когда во дворцы в последовавших друг за другом столицах – Персеполисе и Пасаргады – стекались сокровища ото всех покоренных ими народов. Между прочим, ещё на начальной стадии формирования этой державы Кир II, захватив Экбатаны – мидийскую столицу, увез в Персию сокровища местных царей.

Однако в дальнейшей своей исторической судьбе Персия неоднократно сама испивала чашу поражений и унижений, а её коронные ценности перекочевывали к новым хозяевам, либо распылялись, расхищались, многократно перепродавались, переплавлялись и история теряла их следы. От могущества и богатства ахеменидов остались, как памятники, лишь руины стоколонного

царского дворца и внутрискальных храмов Зороастра в Тахте Джемшиде (Персеполисе), а также каменные остатки различных древних строений и гробница основателя Ахеменидской державы Кира Первого в Пасаргадах.

До современного периода дошли конкретные сведения о несметных богатствах Ирана (на основе ряда материальных остатков), начиная только с периода сасанидских шахов. По рассказу Абу-Рейхана Мухаммад ибн-Ахмеда Бируни, «сасаниды, преследуемые войсками арабского военачальника Хамида ибн-Бармака, передали на хранение правителю горной области Джабал, что находилась между Реем и Табаристаном, самые дорогие самоцветы. Однако они, в конце концов, всё-таки попали в руки этого удачливого полководца». Бируни утверждал, что «арабам достались все сокровища шаха Хосрова. Затем многие из них были переплавлены, а драгоценные камни «развеялись по белу свету, потеряв свои оправы и легенды».

В Европу же сведения о монархических драгоценностях Ирана (Персии) впервые просочились через Древнюю Грецию и Византию, но наиболее достоверная информация, с подтверждениями наличия крупных ценностей, начала поступать с периода правления в Персии Сефевидской династии. Многие данные были получены от путешественников – Энтони Дженкинсона, Жана Батиста Тавернье, Шевалье Шардена, братьев Чарли и Джоржа Минворинг, которые в разное время посещали Персию и в своих мемуарах описали сокровища сефевидских шахов. По их словам, ещё в годы правления шаха Аббаса Первого были предприняты меры к учету и регистрации указанных сокровищ, которые относились к ряду крупнейших коллекций драгоценностей мира того времени.

Когда в начале XVIII века афганские войска захватили Исфаган, тогдашнюю столицу Сефевидов, значительная часть этих ценностей исчезла. Однако впоследствии, в годы завоевательных походов Надир-шаха Афшара в Индию, в персидскую сокровищницу были новые пополнения.

После убийства Надир-шаха Афшара, в результате заговора его окружения, один из его бывших сподвижников – Ахмадхан Абдулла – собрал вокруг себя часть персидского войска, и захватил значительную долю сокровищ бывшего шаха.

Среди драгоценностей Надир-шаха Афшара находился знаменитый бриллиант «Кохи-нур» («Гора света»), который, однако, в дальнейшем покинул эту страну и не вернулся обратно). Весьма интересна история этого драгоценного камня, что несла в своем русле и легенды, и достоверные факты. Камень был обнаружен в Индии, его первоначальный вес составлял 794 карата. Первые же сведения о нем относятся к началу XIV века, когда «Кохи-нур» принадлежал царю Мальвы (регион на севере Индии). В 1306 году делийский султан Алладин Кхили силой захватил Мальву и все царские драгоценности. В 1526 году кабульский эмир Бабур, разбив войска султана Дели Ибрахима Лоди, основал в Индии Могольское государство. Сын Бабура Хумаюн, расширяя пределы новой власти, подчинил себе город Агру, и в ответ на милость, проявленную им к семье гвалиорского раджи Викрамаджита, «получил в дар» бриллианты «Кохи-нур» («Гора света») и «Дарьёи-нур» («Море света»). Когда счастье изменило Хумаюну, и он был вынужден бежать в Персию, «Кохи-нур» оказался в руках персидского шаха. Однако в 1547 году алмаз вернулся в Индию – он был подарен Бурхану из Ахмеднагара. Позже «Кохи-нур» снова попал в Дели. В период правления могольского падишаха Аурангзеба (его

официальное название Аламгир I, 1618-1707 гг.) французский ювелир Тавернье ознакомился с бриллиантом, которому он дал наименование «Великий Могол», и определил его вес в 279 каратов.

В 1739 году Надир-шах Афшар, правитель Персии, совершивший несколько завоевательных походов по расширению границ своего государства, вторгся в Индию и овладел столицей Моголов городом Дели. По легенде, во время переговоров с шахом Мухаммедом находчивый завоеватель, увидев ярко сверкавший алмаз на чалме делийца, предложил ему «в знак дружбы» обменяться головными уборами и таким образом стал обладателем «Кохи-нура». Согласно преданию, Надир-шах тогда воскликнул в восхищении: «Да это же настоящая «Гора света!» (по-персидски «кохи-нур»). С тех пор бриллиант и стал носить это название.

После смерти Надир-шаха «Кохи-нур» был увезен в Афганистан его приближенным сардаром Абдали, ставшим впоследствии Ахмад-шахом, основателем Дурранийской державы пуштунов. Затем по наследству бриллиант достался Шудже-шаху и после его поражения за власть в Афганистане попал в руки правителя северо-западной Индии Ранджит Сингха, носившего титул «Льва Пенджаба». Когда в 1849 году англичане захватили Лахор, «Кохи-нур» перешел в собственность «Ост-индской компании», и, наконец, от неё попал в королевский дворец Великобритании: «Ост-индская компания» преподнесла бриллиант в качестве подарка правившей тогда королеве Виктории. Она в 1862 году заказала новую шлифовку камня, и в результате из 186 каратов осталось только 106 каратов (22 грамма). В XX-ом веке этот алмаз был вставлен в корону королевы Елизаветы, матери правящей королевы Англии Елизаветы II, и стал считаться самой известной драгоценностью лондонского «Тауэра». Между прочим, Пакистан и Индия официально

заявили о своих претензиях на возвращение им «Кохи-нура». В Иране же стали утверждать, что право на бриллиант принадлежит иранскому государству, так как, по историческим сведениям, в своей исторической судьбе камень только единственный раз был добровольно «ПОДАРЕН», и это – персидскому правителю Надир-шаху Афшару.

Не менее интересной и сложной явилась история другого знаменитого бриллианта, прошедшего также свой путь через Персию и известного, в конце концов, под названием «Орлов». Алмаз был найден в Индии в начале XVII века и огранен в «форме высокой розы». Первоначальный вес камня равнялся почти 300 каратам. По распоряжению могольского правителя Шах-Джахана алмаз был перегранен, в этом виде он сохранился до настоящих дней, вес его сократился до 189,6 каратов^{x/}. В дальнейшем бриллиант попал в индуистский храм в городе Серингане, где был оформлен в виде глаза божества. В начале XVIII века французский солдат похитил его. Затем, переходя из рук в руки, алмаз попал в сокровищницу Надир-шаха Афшара. После гибели этого грозного завоевателя, алмаз был снова похищен, путешествовал «под темной завесой неизвестности». Наконец, он был куплен фаворитом императрицы Екатерины II графом Г.Г. Орловым за 400 тысяч рублей у некоего армянского купца. В 1773 г. граф подарил алмаз «Орлов» Екатерине II, и тот вскоре был вправлен в

^{x/} - Что касается размеров драгоценного камня, то, по данным на XX-ое столетие, крупнейший в мире алмаз, так называемый, «Куллинан», весом 3106 каратов, был добыт в 1905 году в шахте Южной Африки. Из него было огранено два крупных и 103 меньших бриллиантов. К примеру, «Куллинан I» (или «Большая Звезда Африки») весил 530,2 каратов, а «Куллинан II» – 317,4 (оба, как и «Кохи-нур», попали в сокровищницу «Гауэра») Причем «Большая Звезда Африки» стал считаться самым дорогим и красивейшим бриллиантом мира. Бриллианты меньших размеров назвали «Куллинан-III» (94,4 карата), «Куллинан-IV» (63,65 карата), еще более мелкие получили общее название «Малые звезды Африки».

её золотой скипетр. Впоследствии этот скипетр вошел в собрание уникальных драгоценностей и ювелирных изделий Алмазного фонда России.

Значительная часть остальных сокровищ Надир-шаха (в том числе знаменитый трон, так называемый, «Тахте-тавус» – «Павлиний трон», весь украшенный драгоценными камнями), после многократных переходов из рук в руки, перешла к Каджарам — сначала к Ага Мухаммад-хану, а затем к Фатхали-шаху. Этот правитель Персии произвел их перепись. Кроме того, по его приказу были созданы: царская корона и также знаменитый трон «Надери». Насреддин-шах продолжал приобретение драгоценностей, среди них следует отметить 48 крупных золотистых алмазов и глобус, покрытый драгоценными камнями.

В 1937 году, по указу Реза-шаха Пехлеви в целях укрепления финансовой состоятельности Национального банка Ирана, большая часть шахских драгоценностей была передана этому главному банку страны. Впоследствии они стали выполнять функцию поддержки национальной валюты и гарантом государственной задолженности банку. Начиная с 1943 года, эта сокровищница была открыта для всеобщего обозрения в одном из хранилищ Национального банка. Однако выделенного помещения для драгоценной коллекции оказалось недостаточно, и поэтому для неё было построено специальное хранилище. Оно начало функционировать с 1961 года

Собрание коронных ценностей Ирана располагало высокохудожественными произведениями ювелирного искусства и многочисленным набором крупных драгоценных камней: бриллиантов, изумрудов, рубинов, бирюзы, сапфиров, а также жемчугов и золота.

Среди них следует отметить, прежде всего, знаменитый бриллиант «Дарьёи-нур» («Море света»), который имеет мировую славу наряду с «Кохи-нуром» («Гора света») и «Орловым», и занимает, пожалуй, первое место среди драгоценных сокровищ Ирана. Два из вышеназванных исторических бриллиантов – «Кохи-нур» и «Дарьёи-нур» – (по причине схожести названий и приблизительности исторического времени их обнаружения) долгое время считали единой парой. Однако выяснилось, что с точки зрения огранки и цвета они оказались совершенно различными.

Что касается известного общественности исторического пути бриллианта «Дарьёи-нура», то после смерти Надир-шаха Афшара он попал к его внуку Шахруху Мирзе, затем, через вторые руки, – к Лутфу Али-хану Зенду. После поражения последнего в борьбе за власть над Персией бриллиант перешел в сокровищницу драгоценностей Каджаров. Насреддин-шах очень гордился этим бриллиантом и иногда прикреплял его на свой головной убор или на грудь. Он даже учредил специальную должность по охране «Дарьёи-нура», и этой важной чести удостаивались представители привилегированной прослойки окружения шаха. От Каджаров бриллиант перешел к династии Пехлеви и в конце концов попал в государственный музей. Вес бриллианта «Дарьёи-нура» на современном этапе составляет 182 карата; он обладает очень редким слегка теплым цветом среди бесцветных алмазов. Проведенное обследование бриллианта канадскими учеными в 1965 году, открыло интересный факт. Дело в том, что еще известный французский ювелир и путешественник XVII века Тавернье в своей книге говорил об алмазе такого же цвета весом в 242 карата, что «видел его на Востоке в 1642 году». Он описал его внешний вид и параметры, и назвал его «Алмаз – большая пластина». На эти данные обратили внимание канадские

ученые, занимавшиеся во второй половине XX-го века изучением иранской сокровищницы, которые пришли к выводу, что «Дарьёи нур» и алмаз «Нур-аль-эйн» по своей основе являюся одного происхождения, да и названия у них были довольно схожими: «Нур-аль-эйн» в переводе с арабского означает «Свет очей». Впоследствии «Алмаз – большая пластина» был разделен на две части, большая из которых получила название «Дарьёи-нур», а меньшая весом в 60 каратов – «Нур-аль-эйн». Последний бриллиант вправлен в центр полукороны третьей жены Мухаммада Реза Пехлеви – шахини Фарах.

«Дарьёи-нур» был выставлен в отдельный витрине в центре зала. Что касается упомянутой полукороны, она рассматривалась в ряду самых ценных экспонатов сокровищницы. Она была изготовлена иранскими и французскими ювелирами в 1958 году. Полукорона – платиновая, украшенная 324 гранеными бриллиантами и необработанными алмазами, верхний ряд ее украшали 7 больших изумрудов величиной от мелкого куриного яйца до голубинового, самый крупный из них был в середине ряда, вторые по бокам от него – поменьше, третьи – еще меньше и крайние – самыми маленькими по размерам.

Среди других экспонатов по искусству работы и насыщенности драгоценными материалами привлекал «Трон Надира». Однако данный трон не имеет никакого отношения к знаменитому Надир-шаху Афшару. Весьма интересна история многих иранских тронов. По сведениям историков, Надир-шах, в результате совершения победоносного похода в Индию в 1739-1740 гг., вывез из могольского государства 10 драгоценных тронов, и в том числе трон, известный как «Солнечный трон» («Тахте Хуршид»). Европейские историки уверяли, что шах так был потрясен изяществом и богатством «Тахте Хуршида», что приказал

создать его точную копию из драгоценностей, которыми располагала его казна. Однако до наших дней ни одна из частей этих двух и остальных тронов, по утверждению историков, не дошла – все они как цельные произведения искусства погибли в конце XVIII века.^{x/}

«Трон Надира», похожий, как утверждали, на, так называемый, «Тахте Тавус» («Павлиний трон»), был создан в годы правления Фатх Али-шаха – об этом говорили надписи на подлокотниках трона. По замыслу Фатх -Али-шаха, «трон Надира» должен был показать блеск и величие шахского двора соотечественникам и иностранным посольствам, с которыми он проводил летний период в своей загородной резиденции под Тегераном. С этой целью трон, будучи высотой в 2 метра, был сделан из 12 разборных частей и украшен 26733 драгоценными камнями.

Между прочим, в 1967 году этот престол был использован во время церемонии коронации шаха Мохаммада Реза Пехлеви. По своей отделке он представлял высокохудожественное произведение. Трон – двухъярусный: второй ярус для сидения с низкими подлокотниками и высокой резной и фигурной спинкой, по краям которой были вделаны изгибающиеся драконообразные существа с головами, напоминавшими утиную; первый ярус также окаймлялся драконом. Вся поверхность престола была тонко инкрустирована драгоценностями в виде геометрических и растительно-животных рисунков — четко просматривались на боковых стенках фазан и кошка, а на передней стенке под ногами — стилизованная пантера, а вокруг них – геометрические орнаменты. На спинке трона располагались самые

^{x/} С данным мнением нельзя согласиться в полном объеме, так как один из тронов, вывезенных Надир-шахом из Индии, в 1746 году был им подарен султану Махмуду в знак своих мирных намерений в отношении Османской империи. В настоящее время этот трон находится в экспозиции стамбульского музея «Тупкапы».

крупные из драгоценных камней, которыми он был украшен, — изумруды величиной с куриное яйцо, рубины, сапфиры, аквамарины, а также много коралловых вкраплений в золотую отделку. Вообще-то мусульмане обычно предпочитают сдержанную гамму цветов в отделке всех ювелирных изделий и архитектурных произведений, т.е. «горячие цвета» уравниваются «холодными»: бирюзой и лазуритом — это особенность южного мусульманского восприятия прекрасного в условиях жаркого климата и обильного солнца. В этом же троне данное условие не было соблюдено. Преобладание яркого золотого и кораллового цветов над остальными имело целью подчеркнуть солнечность шахской власти и личности.

Приблизительно в таком же цветовом соотношении была решена и «Корона Пехлеви», хотя она по цветовой гамме была более уравновешенной и, вероятно, современнее: яркокрасный бархатный колпак был обрамлен искусной и сложной изогнутой арматурой из золота и серебра, на которой держалась вся отделка из драгоценных камней. Корона была удлинена кверху и поэтому создавалось впечатление ее двухярусности — это подчеркивалось и двумя горизонтальными жемчужно-бриллиантовыми линиями с промежуточным расстоянием по высоте между ними в 6-9 см, означавших обручное основание короны». «Корона Пехлеви» была украшена 3380 бриллиантами общим весом в 1144 карата, 5 изумрудами в 199,2 карата, 2 сапфирами в 19 каратов, 368 подобранными по размерам жемчужинами. Общий вес короне составил 2 кг 80 граммов.

В период правления Каджаров в церемониях коронации пользовались, так называемой, «Царской короной», — «Тадже Кияни» («Короной Фатх-Али-шаха»). Эта корона также вошла в экспозицию Сокровищницы.

Реза-шах Пехлеви для собственного коронавания отказался от нее. Поэтому в 1925 году иранские ювелиры под руководством знаменитого кавказского мастера ювелирных дел Сираджедина и ювелира Амира Бухара, приехавшего из России, сделали новую корону, получившую название «Корона Пехлеви». Она использовалась при коронавании и Реза-шаха, и Мохаммад-шаха Пехлеви.

Была ещё третья корона. Она была сделана совсем недавно, в 1967 году и называлась «Корона шахини Фарах». Она была создана мастерами Ван Клифом и Орпелем. Корона выглядела весьма изящной: на черном бархатном фоне в обрамлении платиновой многофигурной симметричной арматуры были вделаны многочисленные, разнообразные по форме, размерам и цвету драгоценные камни и жемчуг. Причем, из жемчуга в основном были использованы крупные зерна грушевидной формы. Таким образом, черный (с зеленоватым отливом) бархатный фон подчеркивающе делал выпуклым передний план отделки короны из драгоценностей, а само соотношение фигур из камней и жемчуга создавало многогранность самой отделки. Для украшения «Короны шахини Фарах» было использовано 469 бриллиантов, 36 крупных изумрудов, 2 сапфира, 34 рубина, 105 жемчужин. Общий вес короны составил 1481 грамм.

Конечно, самые крупные и величественные ювелирные изделия Персии и Ирана всегда связывались с шахами и их семьями; им посвящались лучшие мастерские работы.

В шахской Сокровищнице Ирана было представлено много других произведений ювелирного искусства иранского народа — это глобус из золота в 34 кг и украшенный драгоценными камнями (изумруды обозначали моря и океаны, а рубины – материки) общим весом в 3656 грамм; а также кальяны, шкатулки, сабли и ножны,

отделанные драгоценностями, и множество других изделий. Отдельно были представлены изделия из национального камня – бирюзы. Иранская бирюза, добываемая на руднике недалеко от города Нишапура в Хорасане, считается самой лучшей в мире. Она ровного, чистого и глубокого голубого цвета и по своим данным значительно превосходит афганскую, бадахшанскую и китайскую бирюзу.

Мир искусства

Чувство прекрасного и его воплощение в предметах быта, музыке, литературе, архитектуре и живописи всегда занимало особое место в жизни иранского народа. Ведь почти каждый иранец из обычной вещи бытового назначения стремился сделать украшение, произведение искусства – будь то дверная ручка, вешалка, настенная или потолочная розетка, посуда, настольная лампа, авторучка, мебель, ковер или что-либо другое. Чрезвычайно равнодушными были они к поэзии и музыке. Тяга этого народа к искусству развивалась в условиях изобилия яркого солнца и синего неба, теплых и бархатных ночей, частых и разрушительных землетрясений.

Весьма важным фактором в этом плане было историческое взаимовлияние соседних народов, а также культуры античных государств Средиземноморья, Индии и Китая. Эта совокупность сформировала, в частности, ту своеобразную интернациональную культуру Ближнего и Среднего востока, которую в готовом виде застали современники. Действительно в ней было много общего и вместе с тем специфического в творческом наследии каждого принадлежавшего к ней народа, города или деревни. Эти особенности можно было бы назвать «диалектами совокупного языка» указанной культуры. Хотя в последние

столетия ее деяния контролировались канонами мусульманской религии, однако её корни были гораздо глубже и древнее ислама.

Если рассматривать только Иран, то современный мир располагает следующими сведениями и памятниками его древней культуры. Это – массивные многоколонные каменные дворцы и храмы, экспрессивные барельефы и скульптуры Тахте Джамшида (Персеполиса), Пасаргадов, Экбатан, Бехистунской скалы (что находится между Керманшахом и Хамаданом), другие памятники материальной культуры.

Не менее продолжительной была история иранской музыки. Еще древнегреческий историк Ксенофонт (430-355 гг. до н.э.) в своем романе «Киропедия» сообщал о музыкальных театрализованных представлениях с участием большого числа певиц при дворах ахеменидских царей, о хоровом исполнении персами воинственных зороастрийских гимнов. Уже тогда пользовались популярностью чанг и вин-вертикальная и горизонтальная арфы, а также другие музыкальные инструменты, и поныне распространенные на Востоке. Классическая иранская музыка была известна с сасанидского периода, когда музыканты были одной из самых привилегированных каст общества, пользовавшаяся влиянием на царский двор Ардашира Папакана. Бахрама Гура, Хосрова Парвиза. Известно, что придворный музыкант Хосрова I Барбод сочинил 360 мелодий по одной на каждый день сасанидского года.

В исламскую эпоху иранское эстетическое восприятие наиболее проявилось в поэзии, глазурной и эмалевой живописи, чеканке и гравировке по серебру и меди, в миниатюре, инкрустации по дереву, ковроткачеству и так далее. Вместе с тем дальнейшее развитие получила и музыкальная область. Слава персидских певцов и музыкантов

перешагнула национальные границы. Иранские исполнители приглашались ко дворам халифов, султанов, эмиров и магараджей, а мелодии и песни персов проникали в глубины творчества соседних народов Ближнего Востока, Средней Азии и Индостана. Изделия иранских кустарей пользовались большим спросом и в дальних европейских государствах, особенно в Средиземноморье. В этот период сформировались основные классические формы национального иранского искусства и музыки, ставшие господствующими и в настоящее время.

Совершенствовались также методы и средства строительства монументальных архитектурных сооружений. Теперь это стали купольные или высокобашенные, богато украшенные майоликовой мозаикой, резьбой и росписью по алебастру, дворцы, мечети, гробницы и другие постройки. Если в обычных строениях использовались традиционные подручные материалы, то в современном крупномасштабном и специальном строительстве камень был оттеснен жженным и сырцовым кирпичом, а также и деревом. Часто для художественной облицовки зданий применялся резной кирпич.

Так, каждая века иранской истории вносила свою новую и своеобразную лепту в копилку национального искусства.

Со второй половины XIX века проникновение европейской культуры в Иран начало оказывать определенное деформирующее воздействие на характер местного искусства и производства. Таким образом, уже во второй половине XX-го века мир искусства Ирана и его столицы уже представлял собой пестрый и своеобразный калейдоскоп из тысячелетнего наследия национальных традиций и их доработок, с одной стороны, и «импортных вторжений» жанров и стилей извне – с другой.

Естественно, не всё из иностранных веяний приживалось на богатой традициями иранской земле. Тем не менее, западные новинки искусства значительно повлияли на многие формы культурного предпринимательства столицы Ирана. Причем, между многовеково устоявшимися видами национальной культуры, с одной стороны, и «импортированной продукцией» (зачастую разнузданной, вплоть до смакующих сценок патологического секса и садизма) – с другой, всё более нарастали противоречия. Однако в тегеранских условиях шахского периода между ними наблюдались как противоборство, так и синтез и заимствования.

Дело в том, что решающим фактором, определявшим репертуар столичных объектов искусства и досуга, являлась социальная база: ведь основные рычаги их управления находились в руках частных предпринимателей. Хотя министерство культуры и искусства Ирана осуществляло контроль над этой сферой и использовало предоставленные ему законом прерогативы, главные позиции в формировании программ общественного развлечения оказались вне его компетенции. Хозяева столичных кинотеатров, кабаре, ресторанов и других соответствующих объектов действовали только по правилам рыночных отношений, то есть преследовали только личные коммерческие интересы и такие виды развлечений, которые имели наибольший спрос и соответствующий доход. Задачи воспитания здорового эстетического вкуса населения являлись вторичными. В 70-е годы под влиянием периодических выступлений по каналам СМИ авторитетных иранских искусствоведов и деятелей культуры, а также духовенства о необходимости введения целенаправленных и добропорядочных норм в культурную жизнь страны, Министерство культуры и искусства стало настойчивее предлагать владельцам варьете,

клубов, ресторанов, театров и кинотеатров шире пропагандировать национальные традиции, мелодии, голоса, произведения иранских авторов, и таким образом способствовать их продолжительной жизнеспособности, преемственности и дальнейшему развитию.

Наиболее популярными, и поэтому распространенными, местами культурно-зрелищного досуга тегеранцев в указанный период являлись кабаре и кинотеатры, а также театральные сцены, конечно, в соответствии с их финансовыми возможностями.

Театр

Театр, в его традиционном понимании, не получил широкого распространения в Тегеране 50-70-х годов XX-го века, так как многие певцы, танцоры и чтецы подвизались на ниве варьете. Хотя в столице функционировали восемь драматических театров (из 17 в Иране в целом), из них только Театре шахр (городской театр) и Театр 25 шахривара поддерживали сравнительно высокий уровень профессионального исполнения. Сильной была также и театральная студия, действовавшая при Тегеранском университете. Много надежд театралы связывали с открывшимся в 1975 году Тегеранским малым театром.

Драматические сцены уже не одно десятилетие конкурировали с переменным успехом с системой варьете. В 60-е годы в Тегеране возникло несколько новых театральных трупп (театральные коллективы создавались и ранее, однако они были недолговечными): «25 шахривара», «Пасаргады», «Митра» и другие. Они поставили ряд произведений западной и русской классики, а также современные пьесы – «Антигону» Ж. Ануя, «Вид с моста» А. Миллера», «Грозу» А. С. Островского, «Белые ночи» Ф. М. Достоевского и другие. Из

национальной драматургии были поставлены произведения С. Хедаята «Стервятники» и «Легенда о сотворении мира», Гулям Хусейна Саеди (Гоухаре Мурад) «Варзильцы с дубинками» и «Непокоренные», С. Султанпури «Визирь Хасанак», Б. Бейзаи «Шах-змей» и так далее.

В 1976 году получила широкое признание пьеса Ираджа Имами «Обломок на камне», которая была названа лучшей постановкой тегеранского театрального сезона. Пользовалась постоянным успехом религиозная трагедийная инсценировка «Таазие», повествовавшая о гибели главных святых шиитов – имамов Али, Хусейна и других.

Ведущими иранскими драматургами указанных десятилетий были Гулям Хусейн Саеди, Налбандян, Бахрам Бейзаи, а среди режиссеров – Мухаммад Али Дафари, Изатулла Знтезами, Али Насириян, Дауд Рашиди (трое последних были известны еще как артисты театра и кино), Джафар Вали и ряд других. Тегеранская драматическая сцена выявила также ряд талантливых актеров: Махин Оскуи, Мустафу Оскуи, Хабиба Асли, Вали Ширандами и т. д.

Следует отметить, что в Тегеране действовал один своеобразный театр, который нес в себе традиционные черты многовекового национального сценического искусства – это «Театре Наср» (Театр Наср). Расположен он был на Лалезаре. в сердце старого торгового района, который располагал рядом увеселительных заведений: кафе, кинотеатрами, концертными залами. Здесь не было лоска, изысканности богатых кабаре и ресторанов проспекта Пехлеви, представления по ценам для публики были более дешевыми. В этом районе проводили досуг рабочая молодежь, приезжие крестьяне, жители бедных кварталов южного Тегерана. В кафе простоокрашенные стены были покрыты фоторепродукциями с изображением восточных красавиц, шахов прошлых веков, ангелами и так далее. Киноэкраны Истамбули (кино-

ряда Лалезара) предлагали зрителям простые сюжеты западных и индийских лент. Именно здесь действовал «Театре Наср», репертуар которого, также как и у известных кабаре Тегерана, строился по принципу варьете: в центральном номере программы-спектакле или сценках исполнители лукавых персонажей окрашивали свое лицо сажей и таким образом подчеркивали характер роли в действии на сцене. Драматическая часть репертуара этого театра полностью состояла из произведений национальных драматургов и была посвящена простонародной тематике. Среди мастеров, так называемой «черной игры», были актеры Саади Афшар и Ниматулла Агаси. Кроме этих спектаклей традиционной иранской сцены, в программах «Театре Наср» и других концертных залов «Лалезара» исполнялись также балетные, танцевальные и песенные номера.

В последние годы расширилась сфера сотрудничества между театральными коллективами и государством, Министерство культуры и искусств, а также иранская национальная радиотелевизионная организация в значительной степени увеличили финансовую помощь театрам.

Балет, как самостоятельный вид искусства, начал развиваться в Иране лишь с 50-х годов XX-го века, хотя первые самостоятельные действия в данном направлении предпринимались еще и ранее. Частным образом действовали 1-2 класса обучения танцу. Самым старым из них был класс мадам Карнели на проспекте Баге Сепасалар (Сад Сепасалара). Это было время, когда ученицы приходили к ней в чадре и с закрытым лицом, и только в классе переодевались и занимались упражнениями. Однако стиль проводившихся занятий по существу не выводил учениц на уровень выше любительской подготовки и не соответствовал современным международным требованиям к

профессиональному искусству балетного танца, а также не давал возможности ставить балетные спектакли в целом.

Поэтому деятели культуры Ирана все настойчивее ставили вопрос об организации на государственной основе централизованной квалифицированной школы. Таким образом, на факультете искусств Тегеранского университета с начала 50-х годов был открыт балетный класс. В то же время в столице начала работать балетная труппа «Парс». Тегеранская балетная школа в своем развитии изучала традиции иранских народных танцев, а также использовала достижения зарубежного балета, и в том числе российско-советской школы. Представители иранского балета более сотрудничали с мастерами Лондонского королевского балета (с Миру, Сандой Зулап, Ричардом Брауном, Анн Какс), а также – балетных трупп США (с Уильямом Долларом и Юн Паттерсон).

Между тем, советская балетная школа пользовалась большим авторитетом в Иране. Интересен такой факт, рассказанный режиссером, репетитором и солистом труппы «Парс» Абдуллой Наземи: «Раньше (имелось ввиду начало 50-х годов) на Лалезаре-ноу (улице в Тегеране) находился кинотеатр, показывавший более всего фильмы на классические темы. Здесь я и увидел советский фильм-балет «Ромео и Джульетта» на музыку Сергея Прокофьева. Он оказал на меня такое сильное воздействие, что это явилось отправной точкой в моей профессиональной судьбе. Я пошел в балетный класс факультета искусств». С тех пор Абдулла Наземи уже осуществил постановку более 40 балетных спектаклей по произведениям иранских поэтов и писателей. В их числе были балеты: «Шейх Санъан» на стихи Атара Нишапури, с музыкой Муртазы Ханане и Мустауфи Фарзане; «Поклонение» и «Благочестивый и лгун» по поэмам Саади; «Идет весна» на стихи

Хафеза, с музыкой Мустауфи Касрави и Феридуна Шахбазияна; «Трон Джемшида» с музыкой Аминуллы Хусейна; «Канат» на стихи Дауда Рамзи и другие.

Деятели иранского национального балета стали всё более расширять сферу ознакомления с техникой и новинками балета СССР, используя различные формы сотрудничества в данной области. Как известно, ещё в 40-е годы XX-го века в Иране ставился вопрос об открытии национального театра оперы и балета. Однако строительство его здания затягивалось, и только в 1967 году в Тегеране открыл двери театр «Рудаки» (его еще называли «Рудаки-холл»), расположившийся в самом центре столицы на улице Арфа, находившейся неподалеку от Посольства СССР. Театр выполнял не только оперно-балетную функцию, но и использовался как концертный зал для различных эстрадных представлений-шоу. С начала 70-х годов в Высшей балетной школе Тегерана в мужских и женских классах начали вести работу два советских педагога-репетитора. Советские постановщики – В. Чабукиани и Конюс – содействовали балетной труппе театра «Рудаки» в постановке таких крупных и сложных спектаклей, как «Лебединое озеро» и «Баядера». Эти балеты стали постоянными в репертуаре указанного театра.

В 70-е годы в театре «Рудаки» шли всемирно известные классические оперы: «Кармен» Ж. Бизе, «Дон Жуан» и «Волшебная флейта» В. А. Моцарта, «Риголетто» и «Травиата» Д. Верди, «Севильский цирюльник» Д. Россини, «Турандот» Д. Пуччини; балеты: «Лебединое озеро» П. И. Чайковского, «Раймонда» А. К. Глазунова, «Жизель» А. Адана, «Ромео и Джульетта» С. С. Прокофьева и др.

Из года в год росли число и популярность крупных музыкальных произведений национального происхождения. На сцене «Рудаки» были

поставлены оперы: «Зааль и Рудабе» на основе героической поэмы Фирдоуси «Шах-наме», «Деревенский фестиваль» на современную иранскую тему, «Пардис и Париса», «Шуш». В 70-е годы у столичной публики пользовались успехом балеты иранских композиторов – и это «Симург» Лориса Джекнавариана (он же был автором оперы «Пардис и Париса») и «Шахерезада» Аминуллы Хусейна. Сильным исполнением отличался также балет «Биджан и Манидже», имевший в основе известную тему из «Шахнаме» Фирдоуси. Кроме того, благожелательно были встречены сочинения в данной области композиторов Хушанга Устовара и Ахмада Пажмана.

Ведущими исполнителями оперно-балетного репертуара театра «Рудаки» являлись Мунир Вакили, Али Малкомиян, Эноят Резаи, Судабе Таджбахш, Пери Самар, Туран Никджу, Абдулла Наземи. Джемшид Сагабаши, Сусан Дихим. Кадры для оперно-балетных трупп готовили тегеранские консерватория и высшая балетная школа. До этого в столице функционировали три частные балетные школы.

Часто для постановки спектаклей и исполнения ведущих партий в классическом репертуаре указанного театра приглашались зарубежные режиссеры и актеры из Италии, Франции, США и Англии. Периодически приезжали на гастроли в Тегеран иностранные оперно-балетные труппы и ансамбли. В 1970 году в театре «Рудаки» выступали Ансамбль народного танца СССР под руководством И. Моисеева, а также Берлинский ансамбль танца. В 1975-1976 гг. в Иране гастролировали балетная труппа Большого театра из Москвы и Киевский ансамбль балета на льду, дававшие представления в театре «Рудаки» и в зале спортивного комплекса «Ариамехр». Кроме того, в разное время в Тегеране выступали артистические группы из Ленинградского театра оперы и балета, Московского госцирка, а также

Московский симфонический оркестр, Ленинградская труппа «Хореографические миниатюры», коллективы из Украины, Узбекистана, Азербайджана и Таджикистана. С большим успехом в иранской столице прошли гастролы Рашида Бейбутова, Гоар Гаспарян, Зары Долухановой и других советских знаменитых певцов.

В свою очередь, с гастролями в советских городах выступали Иранский ансамбль музыки, Камерный оркестр Тегеранского радио и телевидения, столичные Оркестр традиционной национальной музыки, популярная певица Марзие и другие.

Кабаре

В середине 70-х годов XX-го века в Тегеране, по данным столичной прессы, насчитывалось четыре тысячи кафе и ресторанов, которые ежедневно посещали до 250 тысяч человек. Это обширная «индустрия» общественного питания и развлечения напряженно работала и в дневные, и в вечерне-ночные часы. Её особенностью являлось то, что иранские предприниматели в погоне за наибольшими прибылями и с целью роста клиентуры, широко привлекали на свою службу многие варианты из эстрадного искусства. Таким образом, последнее оказалось сращенным с коммерцией общественного питания, и ловко эксплуатировалось частным сектором. Кадры для них поставляли балетная, драматическая, вокальная школы, действовавшие под покровительством Министерства культуры и искусства.

Для успешной деятельности данной «индустрии» имелись и объективные обстоятельства, определявшиеся жарким климатом Ирана, где дневной зной держался почти в течение полугода и только вечерами наступали благодатные прохладные часы. Вечера в Тегеране, как известно, – это было время досуга, когда не работали учреждения и

предприятия., а усталые от дневных забот тегеранцы искали отдыха и развлечений. Этой цели, в частности, служила система ресторанов, кабаре и ночных клубов, оснащенных разнообразным художественным |и музыкальным сопровождениям.

Особое место среди них занимали кабаре или иначе варьете. Самыми популярными столичными кабаре в эти годы были: «Бакаро», «Шекуфее ноу» («Свежий бутон»), «Ванак», «Джазире» («Остров»), «Мулен Руж», «Клеопатра», «Майами». Они располагали лучшими концертными труппами и богатыми салонами. Однако вся данная система была уделом обеспеченных горожан и гостей столицы; минимальная цена входного билета в лучшие кабаре равнялась 200-300 туманам, что составляло почти треть месячной зарплаты тегеранского рабочего.

Посещение кабаре, как правило, начиналось с семи-восьми часов вечера. Внутри эти заведения были фешенебельно отделаны и оборудованы, обставлены привлекательной мебелью и предметами декора: в фойе и кабинетах – статуи, а на стенах – картины, либо чеканные чаши, керамика. Посетители размещались за столиками двурусным веером близ полуокруглой сцены, где с десяти часов вечера вплоть до утра проводилось эстрадное представление.

На подмостках сцены кабаре были свои кумиры, искусство которых выходило далеко за стены этих заведений. Иранские газеты, называя двадцать лучших певиц Ирана, охватывали практически ведущих исполнительниц песенного репертуара кабаре и ночных клубов. К ним относили, прежде всего, Хайде, Гутуш, Махесте, Хумейра.

За ночь выступлений на сцене они получали довольно высокие гонорары. В 1976 году они составляли: Хайде – 12,5 тысяч туманов (где-

то около 2 тысяч долларов или 1,25 тыс. рублей по тогдашнему официальному обменному курсу советского рубля), Гугуш – 11 тысяч, Махесте – 10 и Хумейра – 9. Исполняли свои программы эти популярные дивы обычно после полуночи, поэтому их заработок исчислялся за ночь. Сольное выступление продолжалось в течение часа-полутора.

Иранцы любят родные напевы и их кумиры – это национальные традиционные, а также современные песни и мелодии. Практически все они носили лирический характер. Их исполнительницы на эстраде пользовались огромной популярностью в обществе. Их голоса звучали везде: на радио, телевидении, с киноэкранов, пластинок и магнитофонных лент. Для них писали песни лучшие поэты и композиторы страны. В частности, для Хумейры сочиняли известные деятели искусства Ануширван Рухани, Мохандес Хумаюн Харам и Устад Таджвиди. В целом их можно было свести к общему заголовку «Любовь и слезы», поэтому одна из наиболее любимых в народе песен этого содружества называлась «Страдать и любить».

О кумирах сцены слагались легенды, их преследовали многочисленные поклонники, всевозможные слухи и небылицы. Коммерция, поддерживая высокий уровень конъюнктуры на «очаровательных идолах», наводняла общество большой массой красочных и разноплановых плакатов, открыток и фотоальбомов с изображениями популярных мастеров сцены. Газетчики же, спекулируя на той же основе, также делали свой бизнес, публикуя сенсации об интимностях их личной жизни примерно такими заголовками:

- Бехруз Восуги – звезда иранского кино!
- Гугуш и Восуги разбились на автомобиле!
- Гугуш и Бехруз Восуги тайно поженились!

- Хайде хочет покинуть сцену!

А в январе 1977 года газеты «Кейхан» и «Эттелаат» в течение многих дней обрушивали на своих читателей потоки крупных статей с сенсационными заголовками о бракоразводном процессе Гугуш и Бехруза Восуги, в сопровождении обширных комментариев и интервью с этими артистами.

Часто газеты и журналы крупным планом демонстрировали новые прически и модные наряды кумиров сцены. Таким организованным рекламированием поддерживался мобильный темп общественного интереса к звездам кабаре и киноэкрана.

Следует отметить, что ряд этих звезд были весьма высокоодаренными и талантливыми личностями, достойными окружавшей их славы. Хайде своим глубоким голосом несла в народ его традиционные национальные мелодии, она воплощала своим творчеством национальную сокровенность. В Иране её прозвали «вечным голосом».

Гугуш же своим серебристым голосом и изящной манерой исполнения демонстрировала доброту и непосредственность своей натуры, а также горячую любовь к народному творчеству. Иногда в голову приходила мысль, откуда эта маленькая хрупкая женщина приобрела такую чарующую и естественную по звучанию сценичность. Тегеранские газеты называли Гугуш блистательной звездой иранского небосвода искусства.

Особенности голосов других популярных исполнительниц тегеранских кабаре также красочно характеризовались: Махесте – это игра и жизнь. Хумейра – грация голоса, тела и нарядов, Нушафарин – поклонница поп-музыки.

Вот биография творчества, пожалуй, самой популярной из них – Хайде. В 1967 году она впервые выступила по радио с песней «Азаде» («Свободная»). А это слова данной песни:

- Подобно тому, как падают на землю слезы печали, упала и я.
- Как крик ночной птицы освободилась я.
- Меня не волнует страсть, Не бросаю я взгляда на людей.
- Свободна я!!!

Проникновенное исполнение и прекрасный песенный материал «Азаде» понравились иранцам, и Хайде сразу приобрела известность в стране.

В дальнейшем она с огромным успехом выступала на ведущих сценах столичного варьете. Но эта коммерция пения, как заявила Хайде в интервью корреспонденту газеты «Эттелаат», не удовлетворяла её. Она решила изменить характер применения своего голоса, усиленно упражнялась с преподавателем пения в консерватории и готовила новые программы песен как для эстрады, так и для записей на грампластинки.

На сценах тегеранских кабаре среди мужчин-исполнителей пользовались популярностью Дарьюш (или, по словам иранской прессы, первый из первых), Шахрух (особенно успешным было его исполнение песен «Я люблю тебя» и «Чужая»), Ареф, Сетар, Алока Наз, Ирадж. Последний, хотя и выступал с песнями уже двадцать лет, свою известность завоевал в кино. Пластинки с его записями пользовались большим спросом. Весьма популярной была также певческая семья братьев Вафа в составе Джемала, Аббаси и Камала.

Пальму первенства присвоить певицам и певцам было делом довольно сложным, тем более, что появлялись новые голоса и происходила естественная смена поколений исполнителей. Конечно, столичные средства пропаганды, и прежде всего печатная периодика,

рекламировали более всего определенный круг уже признанных звезд, и в первую очередь Хайде, Гугуш и Дарьюша. Однако каждый тегеранец выбирал кумира по зову своего сердца, и зачастую его мнение расходилось с таковым ведущих авторитетов в этой области. К примеру, один знакомый инженер назвал лучшей певицей Ирана Марзию, а крупнейшим певцом – Банона.

Вместе с тем, национальная песня в кабаре встречалась с большими трудностями. В погоне за прибылью хозяева этих заведений требовали новых, коммерчески прибыльных песен. Поэтому музыканты и певцы, не желая терять гонорары, в спешке обрабатывали музыкальные материалы, быстро меняли репертуары, вносили в иранские стихи излишние количества элементов западной музыки, старались писать многословные и длинные песни, хотя их смысловая и мелодическая нагрузка была чрезвычайно ограничена. Зачастую молодые певцы брались за любые песни, даже если они не соответствовали их вокальным данным.

Эти факты вызывали беспокойство у музыкальной общественности. Оно выступало составной частью общего недовольства иранского населения широким проникновением западных шаблонов в иранский культурный сервис. Мастера иранской эстрады все более подавали голоса тревоги. Известная певица Махесте, в частности, заявила, что «существующая заказная система песни вредна для развития иранской культуры. Она загоняет национальную музыку в тупик».

Иранское кино и столичный экран

Из всех видов зрелищных искусств наиболее развитым в Иране во второй половине XX-го века был кинематограф. Прежде всего, это была национальная киноиндустрия, выпускавшая ежегодно на экраны страны до 70 полнометражных художественных фильмов (причем, часть из них экспортировалась в соседние страны). Кроме того, и национальное телевидение также занималось производством фильмов, которые пока представляли собой короткометражные и малозначительные ленты.

Следует отметить, что иранская национальная кинематография берет начало с 20-х годов XX-го века, когда появились первые иранские художественные фильмы, которые были произведены различными недолговечными группами энтузиастов. Первая же постоянная киностудия (ею была «Митра фильм») впервые возникла в 1945 году. Её первым произведением явился художественный фильм режиссера А. Дарьябеги «Жизненный ураган».

С 50-х годов стали функционировать многочисленные кинокомпании – их число достигало 70, – а это означало непродолжительную «жизнеспособность» многих из них в условиях жесткой конкуренции со стороны как иностранной, так и внутренней кинопродукции. В 70-е годы их осталось около десятка: «Парс фильм», «Студия Мулен Руж», «Асре Талаи», «Пирния фильм», «Ариана фильм», «Мисакие», «Рудаки фильм», «Асгар фильм» и другие. В 1975 году прекратили свою деятельность три из них: «Мисакие», «Асре Талаи» и «Ариана фильм». Как определила тегеранская пресса, «они не выдержали конкуренции со стороны «гонконгского карате и спагетти-вестернов», на которые была установлена низкая ввозная пошлина».

Фильмы по искусству и документально-хроникальные выпускали «Гулистан студия», «Студия Министерства искусств и культуры» и

«Студия национального телевидения Ирана. С 1965 года «Студия Министерства искусств и культуры» дополнительно наладила производство мультипликационных фильмов.

За последние двадцать лет шахского режима в Иране сформировалось не одно поколение кинематографистов.

Лучшими постановками считались фильмы режиссеров М. Мохсени, Дарьюша Мухрджуи, Масуда Кимиаи, Самуэля Кашкиаи, Заррин Доста, Рияхи, Амира Надери, Парвиза Саяда.

Иранский кинематограф дал миру ряд высококлассных фильмов – это «Даш Аколь», «Петух», «Корова», «Кейсар», «Малек Хуршид», «Тихая жизнь» и т.д. Многие из них получили первенство на национальных кинофестивалях, а также были премированы на международных конкурсах в Тегеране и за рубежом.

Вот содержание некоторых наиболее выдающихся из них:

Фильм «Даш Аколь» («Бродяга Аколь») был построен по одноименному рассказу Садека Хедаята. В сухих реалистических красках и таком же языке он рассказал о простом одиноком ширазце по имени Даш Акколь. Любовно была раскрыта его внутренняя человеческая доброта – это была доброта, доходившая до самопожертвования, когда на его глазах зло унижало человеческое достоинство. Поэтому и любовь Даш Акола к девушке была несчастной. Дело в том, что он ранее пообещал своему покойному другу хаджи Самаду защищать его жену и дочь, оставленных ему на попечение. Даш Аколь полюбил дочь хаджи Марджан, но жениться на ней означало нарушить кодекс доверия. Переступить через него он не мог. В этом и заключалась его личная трагедия и неприспособленность к жизни в обществе, где было много практицизма и насилия. Даш Аколь погиб от ножа хулигана Кака Рустама, но его трагический конец не был

случайным, а – закономерным. Хотя фильм был выдержан в приглушенных тонах, что соответствовало характеру произведения С. Хедаята, его сила была убедительна и впечатляюща.

В 1976 году на иранские киноэкраны вышел ещё один фильм по повести С. Хедаята – это «Слепая сова» в постановке Киумарса Дарамбахша (главными исполнителями были Парвиз Фанизаде и Нувин Гияси). Фабулу фильма составляло повествование больного воображения иранца-курильщика опиума. Вместе с тем в видения наркомана вкладывался большой философский смысл о тяжелых условиях жизни и о потребности человека в большой любви – в этом заключалась суть несовместимости мечты и реальности, а также причина гибели главного героя произведения.

Высокохудожественным и глубоконациональным являлся фильм режиссера Шапура Гариба «Петух», поставленный «Киностудией театра и танца». Действие фильма происходило в маленьком городке Шуш в провинции Хузестан, и повествовало о трагедии, разыгравшейся в одном из бедных кварталов, где были сильны традиции и религиозные предрассудки. Главный герой Али (в исполнении актера Саида Дала) – юноша, без определенных занятий и устоявшегося характера, содержал при себе петуха и подрабатывал на петушиных боях. Его мать, вдова (исполнительница роли Ирэн Зазиянц) была еще сравнительно молодой, и хотела выйти замуж. Она не знала, кому отдать предпочтение – чайханщику и вдовцу Машеди (исполнитель Дауд Рашиди) или владельцу мясной лавки Аллахияру. В то же время она очень боялась своего вспыльчивого и неуравновешанного сына, подозрительно относившегося к намерению матери. Машеди еще до первого замужества вдовы полюбил её и сохранил это чувство в дальнейшем. Он хотел предложить ей стать его женой. Аллахияр также был

неравнодушен к матери Али и шел к той же цели путем настойчивых приставаний к женщине, используя в то же время наговоры на Машеди. Однажды, получив «доброжелательную» информацию от Аллахира, сын вдовы Али в отместку оскорбил дочь Машеди-чайханщика Сохангуль (исполнительница роли Сапиде), но та в ответ только признается ему в любви. Али, завороженный красотой и чистотой девушки, решил связать свою жизнь с Сохангуль, и не препятствовать женитьбе Машеди. Однако, вернувшись домой, в комнате матери он заметил спрятавшегося за занавеской Аллахира, и в гневе за оскорбление чести дома убил мясника и мать. В финале фильма Али, сопровождаемый стражниками и печальными глазами Сохангуль, был отправлен в тюрьму. В чайхане же в углу сидел потрясенный и душевноубитый случившейся трагедией поседевший Машеди.

Фильм был цветным, широкоформатным, с прекрасной режиссурой и операторской работой. Краски и исполнители фильма точно соответствовали сюжету трагедии и создавали яркую окраску и характер петуха, олицетворением которого явился его хозяин – юноша Али.

Широкой известностью пользовались также фильмы сценариста и режиссера Дарьюша Мухрджуйи. Правда, его первый фильм «Алмаз 33» был неудачным, так как представлял собой откровенное подражание стереотипу «комедия плюс Джеймс Бонд». Но его второй фильм «Корова» (сценарий был написан им в содружестве с Г. Х. Саеди) в 1969 году получил первую премию на международном кинофестивале в Париже и с успехом многократно прошел по экранам иранской столицы и других городов страны. «Корова» был признан лучшим фильмом Ирана тех лет. Две последующие ленты Дарьюша Махрджуйи «Дядя» и «Почтальон» также были тепло встречены зрителями.

Кроме того, к лучшим фильмам 60-х годов иранская критика отнесла ленты «Крик среди ночи» (студии «Мисакие фильм»), «Поверженный талисман» (студии «Парс фильм»), «Сумасшедший добряк» (студии «Арианафильм»). Талантливыми и серьезными лентами тех лет можно считать и фильмы «Тихая жизнь» и «Ожидание» режиссера Амира Надери (поставленных в стиле итальянского неореализма и японского режиссера Акиро Куросава), «Газель» Масуда Кимияи и «Тупик» Парвиза Саяда. Последний фильм был представлен Ираном на 10-м московском международном кинофестивале (1977 года), где за исполнение роли главной героини Мари Апик получила 1-ю премию среди киноактрис.

Вместе с тем следует признать, что среди иранских национальных лент преобладали фильмы нивелированной социологии. То есть в них присутствовали как бедность и богатство, так и добро и зло, но это преподносилось чрезвычайно размягченно, то есть тем самым языком, который извращал суть корней и принципов внутриобщественных взаимоотношений.

К таким фильмам в разной степени относились «Полевой соловей» (1957 г.), «Мазендаранский тигр», «Это рука Кедже» (1975 г.), «До свидания, Тегеран», «Попутчик», «Ночной сторож», «Невежда и танцовщица», «Беспокойный человек» и другие.

К примеру, в первом фильме была показана взаимная любовь бедного крестьянина и дочери помещика, которая встретила социальное препятствие в лице отца девушки, не желавшего породниться с бедняком. Однако, в конце концов, искренность, человечность взаимоотношений главных героев убедила в несправедливости позиции помещика, и он согласился на такое замужество дочери. Во втором фильме был показан деревенский супермен-праведник, в третьем –

главный герой Кедже (в исполнении актера Бик Имана Верди) – жертва несчастливого детства – ставший вором волею неблагоприятных обстоятельств, пожертвовал своей любовью к девушке ради счастья своего друга (исполнитель Манучехр Восуг), отдав ему свою невесту (исполнительница роли Шурангиз Табатабаи), которая сердцем выбрала последнего.

В лентах «До свидания, Тегеран». «Попутчик» и других присутствовала такая же развязка сюжета с вариациями – «любовь бедных и богатых молодых людей и успешное преодоление стоявших перед ними препятствий». Эти фильмы, коммерческие по назначению и характеру, качественные по монтажу и исполнению, в целом уводили зрителя от главных противоречий и злоупотреблений между мирами богатых и бедных.

В национальной кинематографической продукции было много детективных лент (таких, как «Это рука Кедже», «Энергия» и других), а также исторических сюжетов («Принц Эбтеджадж» и др.) и мистических тем («Чужой и туман»), что указывало на стремление продолжить суфийскую традицию, исторически присутствовавшую в национальной литературе и в других формах искусства.

Таким образом, говоря о лейтмотиве иранского кинематографа 50-70-х гг., следует сказать, что он, как и в других восточных странах, нес в себе всю совокупность тем, языков и стилей Востока и Запада, с коррекцией на иранскую специфику и существовавшую тогда верховную власть. В его идеологии прослеживалось два главных направления: коммерческое (приспособленное к развлекательному вкусу местных потребителей) и социальное (конечно, в лояльных к правящему классу пределах). Последнее направление в разной степени затрагивало внутриобщественные социальные вопросы, противоречия и таким

образом воспитывало социальное мышление иранских зрителей в выгодном для правящих кругов страны ракурсе. Характер фильмов вел к изоляции личности и утверждал, что люди взаимопонимают друг друга не на основе социальных интересов, а делятся по темпераменту, возрасту, чистоте натуры и т.д. Однако даже из уголовной хроники иранских газет тех лет отчетливо просматривался факт, что именно тяжелые жизненные условия низших социальных слоев определяли преобладание преступности именно в этой среде. Преступления же имущих классов сводились к спекуляциям, коррупции, казнокрадству, аферам.

Большой популярностью в шахском Иране пользовались кинозвезды и телезвезды. Так, ведущими исполнителями мужских ролей выступали Бехруз Восуги и Манучехр Восуг. Играя образы первых любовников и положительных героев, они являлись кумирами иранской молодежи. Игру высокого класса демонстрировали и другие не менее популярные актеры: Али Фардин, Эзатулла Энтезами, Сепехрния, Вахдат, Али Насириян, Дауд Рашиди, Реза Фазили, Малек Матин.

Знаменитостью иного плана иранского кино являлся Бик Иман Верди, которого прозвали «человеком с тысячью лиц»: он выступал скорее в амплуа лихача и комика. Более всего Верди играл в вестернистских по содержанию лентах, где преуспел и даже вышел на международную арену, сыграв главные роли в итальянском фильме «Электрический стул», а затем в итало-турецком – «Заводила из гвардии».

Из киноактрис большой успех сопутствовал Пури Банай, Шурангиз Табатабаи, Сапиде, Лейле Форухан, Ирэн Зазиянц, Азар Шиве, Тахмине, Фарибе Хатами.

В иранском кино небезуспешно снимались и артисты эстрады. Так, популярная певица варьете Гугуш в паре с Бехрузом Восуги и Эзатуллой Энтезами сыграла заглавные роли в фильмах «Бита» и «Попутчик», а первый среди мужских голосов столичной эстрады Дарьюш исполнил роль главного героя в фильме «Крик среди ночи».

Практически все иллюстрированные иранские журналы, и прежде всего «Эттелаате хафтеги» («Еженедельные известия»), «Техране мосаввар» («Иллюстрированный Тегеран»), «Зане руз» («Женщина сегодняшнего дня»), «Эттелаате бануван» («Известия для женщин»), «Талаш» («Хлопоты»), публиковали крупным планом многокрасочные фотографии кумиров экрана на своих разворотах, печатали обширные статьи о них и интервью с ними. Это одновременно выступало признанием заслуг и рекламой актеров, а также служило путевкой на дальнейшие кино съемки.

Целям кинокультов служили и конкурсы на звание королевы киноэкрана. В феврале 1976 года «Журнал молодых» организовал в столичном кабаре «Бокаро» очередные «смотрины» лучшим актрисам национального кино. Конкурс был помпезно обустроен и соответствовал своему рекламному назначению. Королевой кинозвезд была избрана актриса Сапиде (известная по фильмам «Петух», «Беспокойная», «Без награды» и т.д.).

Позиция зрителей зачастую опровергала мнение журналистов и кинокритиков, Но за последними все равно было закреплено право выступать в СМИ с оценками творчества работников искусства. Поэтому было понятно, что с ними киноматографистам нужно было поддерживать должные контакты и уровень взаимоотношений. От них во многом зависела информация, шедшая в общество. Они во многом

определяли её характер, «строили» успешные карьеры в искусстве или выносили приговоры на забвение.

В Тегеране нередко можно было слышать, что в национальном кино круг деятельных кинозвезд первой величины – весьма ограничен, и поэтому их частое участие в съемках приводило к усталости зрителей от одних и тех же лиц. В данной связи, чтобы продолжительное время удерживаться на «Олимпе славы», иранским артистам было необходимо учитывать и этот фактор. К примеру, одна из популярнейших иранских кинозвезд Шурангиз Табатабаи впервые появилась как новое большое открытие экрана в начале 70-х годов в фильме «Уста Карим». Затем она стала выступать в коммерческих лентах. Снявшись в двенадцати фильмах только в одном 1974 году, она получила прозвище самой работающей актрисы. В 1975 году она сократила свое участие до семи фильмов. Это снижение творческой активности, по словам Ш. Табатабаи, было вызвано её желанием несколько освободить зрителей от частых своих появлений на экране.

Следует отметить, что репертуар столичных кинотеатров состоял из проката преимущественно импортных лент. По данным на середину 70-х годов, на каждые 80 иранских фильмов годового проката приходилось от 350 до 500 – иностранных. Из числа последних 30-40% были производства США, остальные – Гонконга, Италии, Японии, Франции, Индии, а также некоторых арабских и других стран. В 1974 году, к примеру, Иран закупил за границей 423 киноленты: из них 143 – у США, 71 – у Италии.

Первый кинотеатр в Тегеране появился в 1917 году (по некоторым другим данным, в 1904 году). Однако он не просуществовал и года. Следующие два постоянных киностационара начали функционировать только в 1928 и 1931 годы. Во время демонстрации

немых фильмов с титрами, ввиду того, что подавляющая часть зрителей были неграмотными, владелец кинотеатра, находясь посередине зрительного зала, рассказывал им содержание этих фильмов. Вплоть до 50-х годов на экранах страны демонстрировались исключительно иностранные ленты, снабженные персидскими субтитрами. Дубляж на персидский язык начался только с 1948 года и почти до середины следующего десятилетия был довольно ограниченным. Тем не менее число кинотеатров в столице росло: в 1954 году их было уже 40 (в провинциях – 70), а в 1966 году – 80 (в провинциях – 165).

В 70-е годы в Тегеране функционировало около 120 кинотеатров, что составляло почти треть всех кинодемонстрирующих стационаров страны. Более трех четвертей сеансов столичного киноэкрана были заняты под демонстрацию импортных фильмов. Иначе говоря, тегеранский зритель находился под мощным «обстрелом» мировой капиталистической киноиндустрии со всеми идеологическими и морально-этическими последствиями.

Из-за рубежа ввозились преимущественно коммерческие низкопробные ленты с нескончаемыми любовными вариантами, авантюристическими похождениями удачливых простачков и суперменов, со всевозможными красочными и ракурсными демонстрациями женских торсов, подкрашенной тропической лесной или пустынной экзотики, ловких и могучих амазонок. «Это – по меткому замечанию Джеймса Олриджа в статье «Опошление свободы» – сексуальная аберрация, перешедшая все человеческие нормы и суть которой интеллектуальная дезорганизация и духовный тлен».

При всем разнообразии тем продукции зарубежного кинематографа на тегеранском кинорынке, явно можно было определить излюбленные жанры различных стран: боевики и вестерны –

американские, гангстерские – итальянские, эротические – французские, самурайско-каратистские – японские и гонконгские, музыкально-эротические – индийские и т.д.

Сравнительно новой тематикой киноэкрана последнего десятилетия шахского Ирана явились боевики на основе классических видов восточной борьбы. Эти фильмы были преимущественно японского и гонконгского происхождения, где герои и героини в течение полутора часов во имя справедливости расправлялись со своими многочисленными противниками, демонстрируя виртуозные приемы карате, джиу джицу, дзюдо и кунг фу (вид старинной китайской борьбы, напоминавшей по приемам карате). Старались не отстать от них в этом жанре и западные продюсеры, произведя ленты «Война с амазонками», «Остров грешниц», «Он и мафия», «Жертвы страсти», «Карате, всюду карате» и многие другие. Однако главной темой западных фильмов оставалась «окрошка» – набор эротики, приключений и детективов (это фильмы типа «Аризонский кольт» (в персидском варианте «Семь стрелков из Аризоны»)).

В памяти более старшего и среднего поколений еще сохранились впечатления от фильмов 30-40-х годов о похождениях Тарзана – лесного человека в джунглях Африки. В 50-60-е годы ему на смену пришел «агент 007» – Джеймс Бонд, герой книг Яна Флеминга. В 70-е же годы появился новый кумир жанра приключений суперменов – гений кунг фу Брус Ли, и также с многосерийными приключениями (фильмы «Путем дракона», «Дракон входит» и другие). Хотя сценарии с его деяниями зачастую страдали старыми штампами, вместе с тем высокий профессиональный уровень и популярность Брус Ли в мировом спорте сделали фильмы с его участием весьма привлекательными. Интересной была реакция иранских зрителей при демонстрации кинокартин с этим

великим кунгфуистом. Многие из них, инстинктивно или осознанно, видели в лице Брус Ли азиата и борца с униженного Востока. Зрители восторженно аплодировали Брус Ли, когда он расправлялся со своими противниками, особенно с европейцами-итальянскими мафиози или американскими чудо-каратистами.

В 1976 году на тегеранские экраны вышел, казалось бы последний, фильм из этой серии – «Прощай Брус Ли», посвященный трагической гибели этого знаменитого каратиста из Гонконга. Однако и в дальнейшем продолжалась демонстрация различных вариантов деяний Брус Ли.

На доходную тему о Брус Ли ставились и мультфильмы (типа «Мечь дракона» и другие). Одна из иранских киностудий даже выпустила фильм-подражание теме о Брус Ли режиссера Парвиза Сияда «Самад на пути дракона».

В 70-е годы западные киностудии предпринимали попытки возродить эксплуатацию темы Тарзана. Так, в 1976 году в тегеранский прокат был пущен один из таких опусов, созданный ещё в 1943 году компанией «Р. К. Уорлд Пикчерс», с Джоном Вестмюллером в главной роли. Однако в действительности образ Тарзана остался (наряду с другими кумирами экрана) только владыкой прилавков магазинов по продаже ширпотребной книжной продукции. О нем была выпущена серия дешевых книг массовым тиражом.

Следует отметить, что среди большого потока импортных лент из западных стран встречались серьезные постановки с более или менее неплохими и содержательными сценариями и исполнителями – это были многосерийный франко-итальянский фильм «Четыре мушкетера» по роману А. Дюма, англо-американская лента «Моя прекрасная леди», затем «Жанна д'Арк» с Ингрид Бергман в главной роли и т.д.

Советские фильмы сравнительно редко демонстрировались в тегеранских кинотеатрах (в количестве нескольких наименований в год). Однако серьезный зритель высоко оценивал их. Так, один знакомый интеллигент в частной беседе с нами с большим уважением говорил о фильме С. Бондарчука «Сережа». «Я уже три раза смотрел этот фильм», – сказал он. – «Это один из редких достойных фильмов среди макулатуры, заполнившей наши кинотеатры».

Поэтому не случайно это мнение разделяли и иранские кинодеятели, а на четвертом Тегеранском международном кинофестивале, проводившегося с 26 ноября по 8 декабря 1975 года, спецприз завоевал советский фильм «Первый шаг» режиссера Н. Мачеидзе, а исполнитель главной роли Додо Абашидзе получил диплом лауреата.

Засилье коммерческих лент на тегеранских экранах с их дешевыми сценариями эротики, ужасов и детективов, оказывало пагубное воздействие и на национальное кинопроизводство, увлекая многих режиссеров и артистов на путь коммерческого штампа. Совокупное качество иранского кино снижалось, а это, в свою очередь, сокращало контингент зрителей и в конечном итоге било по общему количеству выпускавшихся фильмов. В 1968 году был пик в национальном кинопроизводстве – 100 лент, а к середине 70-х годов оно упало на треть. Идеальный застой в кино вызывал протесты работников культуры столицы. В частности, известный режиссер Гуль Макони в центральной газете «Эттелаат» выступил с критической статьей «Куда девались хорошие режиссеры?» В ней он затрагивал вопрос об отрицательных последствиях господства зарубежных лент в иранском кинопрокате.

Вместе с тем, тегеранская пресса писала: «Развитию качественного кино препятствовали и финансовые трудности, отсутствие должной рекламы, единого регулирующего органа, уход большинства старых опытных и квалифицированных режиссеров и операторов».

В этой связи, в 1976 году председатель президиума общества деятелей кино Ирана Фарух Сафари подал в отставку. Министерство культуры и искусств, со своей стороны, призвало иранских кинопродюсеров и режиссеров создать единый творческий союз, ограничив число производства так называемых дешевых фильмов, для которых были характерны низкий интеллект и соответствующая артистическая ценность,

Кроме того, правящие круги Ирана, стремясь поправить дела и взять идейное руководство в национальном кинематографе в свои руки, при новой политической партии «Растахиз» создали комитеты артистов, режиссеров, операторов, куда вошли ведущие деятели иранского киноискусства. Такие комитеты также объединили работников театра и изобразительного искусства. Однако значительных положительных изменений они не смогли внести в деятельность всех данных отраслей.

Миниатюры и современная живопись

Тегеран является ведущим национальным центром миниатюры и современной живописи. В Иране, как и в других странах Востока, присутствуют два основных направления в живописи: традиционное (национальное) и западное. Эти школы внутри сложны и многообразны. Вместе с тем они не являются замкнутыми и оторванными друг от друга. Между ними перекинуты многообразные связывающие мостики.

Художники сочетают в своем творчестве разные стили, вплоть до полнейшей эклектики.

Прежде, чем говорить о состоянии изобразительного искусства в 60-70-е годы XX-го века, следует сказать, что в течение последних двенадцати веков живопись и скульптура на Ближнем и Среднем Востоке, а также части Индостанского полуострова развивались в условиях беспрекословного господства мусульманской идеологии. Последняя допускала в этих областях наличие только геометрической и цветочной орнаменталистики. а также стилизованных образов птиц и зверей.

Поэтому изображение чувства прекрасного в пределах геометрических, каллиграфических и растительных фигур привело к тому, что мусульманская школа изобразительного искусства главное внимание сосредоточила на совершенствовании пластичности, фантазии и разнообразия указанных форм, а также силы их цветовых сочетаний. За прошедшие века она открыла бесконечный мир орнаменталистики. Таким образом, европейскому рационализму и реализму данная школа противопоставила южную пышность цветового мироощущения, богатство орнаментов и своеобразную «бархатную» восточную романтику. То есть она представила в целом своеобразное цивилизационное мировосприятие, которое в Европе воспринималось как прекрасная экзотика.

Данная специфика сохранилась на мусульманском Востоке и сегодня, хотя современные промышленные методы и требования все более навязывали свои условия деятельности общества, и в том числе в сфере изобразительного искусства.

Иран же в области живописи мусульманского мира – большое исключение. Здесь, кроме дозволенных религией объектов

изображения, существовало наличие представительства человека и животных. Но трактовка обликов одушевленных существ была довольно своеобразной, традиционно обусловленной плоскостной манерой письма, и присутствовала в виде живописных миниатюр. До двадцатого столетия это были преимущественно красочные книжные иллюстрации, привязанные к тексту. Первым таким полностью проиллюстрированным произведением явилась «Всемирная история» Рашид эд-Дина, написанная в XIII веке, то есть после установления монгольской власти в Персии.

Следует отметить, что на формирование и развитие персидской миниатюры оказала сильное воздействие китайская школа живописи. Хотя исторически персидско-китайские культурные связи уходят корнями в глубокую древность, однако только с монгольским нашествием влияние Китая на персидскую живопись стало очевидным. Также как и посуда, миниатюры стали более изящными. С точки зрения мастерства они достигли апогея в Тимуридский и Сефевидский периоды. В первую очередь это коснулось эпического литературного памятника Фирдоуси «Шах-наме», в котором образы Рустама, Зуххака, Дива и других были запечатлены как на отдельных самостоятельных картинках, так и в миниатюрах-иллюстрациях совместно с текстом на страницах этой книги.

Самым выдающимся миниатюристом в истории Персии считается художник Камаледдин Бехзад, живший в 1455-1537 гг. Бехзад родился в Герате. Большую часть своей творческой жизни он провел в этой столице тимуридского государства. Когда в Иране к власти пришла Сефевидская династия, Исмаил-шах в 1512 году перевез его и многих других живописцев из Герата в Тебриз, где те работали по заказам шахского двора в течение более двух десятилетий.

Камаледдин Бехзад создал многочисленные высокохудожественные иллюстрации в стиле миниатюры к таким поэтическим произведениям классиков персидской, азербайджанской и среднеазиатской поэзии, как «Бустан» Саади, «Хамсе» и «Лейли и Меджнун» Амира Хосрова Дехляви, «Соломон и Ибсол» Джами, «Хамсе» Низами Ганджави, «Тимурнаме» Абдуллы Хатифи. Им были написаны портреты исторических правителей Персии и Средней Азии: Тимуридов – султана Хусейна Байкара и Мухаммада Шейбани-хана, Сефевида – шаха Тахмаспа. Сасанида – шаха Бахрама Гура и многих других. Именно Камалетдин Бехзад считается основателем школы классической восточной миниатюры мусульманского мира. Он оказал сильное влияние на многие поколения иранских, среднеазиатских и индостанских живописцев. Наиболее известные его ученики среди персидских живописцев были: Султан Мехаммад Нур, Реза Аббаси. Абдулла Ширази, Шахмухаммад Нишапури, Мираи, Мир Али и другие.

Этим видом искусства особенно увлекались Сефевиды. Именно при них появились на свет наиболее талантливые и популярные классические персидские миниатюры. При дворе шаха Аббаса I работало много мастеров этого жанра. Их руками были украшены стены шахских дворцов в центре Исфахана – столице Сефевидов: в «Чехельсутуне» и «Али-Гапу». Эти росписи сохранились и до настоящих дней. Среди указанных мастеров техникой изображения особо выделялся миниатюрист Реза Аббаси, чье влияние сказывалось на национальной живописи в XVII и XVIII веках.

При следующей династии – Каджарах – культура миниатюры претерпела определенную эволюцию, в связи с заимствованиями из «арсенала» европейской живописи. Однако в тот период новшества в

массе только размыли специфическую прелесть персидских образов классической миниатюры.

С начала XX столетия в Персии началось движение за возрождение былой силы национальной миниатюры. Его возглавил выдающийся художник Хусейн Бехзад, основавший в Тегеране художественную школу миниатюры «Хунаристан». Произведения Хусейна Бехзада (иллюстрации к произведениям иранских поэтов средневековья, портреты Омара Хайяма в 1946 г., выдающегося музыканта XIII века Сафи ад-Дина в 1961 г. и т. д.), а также его последователей продолжили традицию классической миниатюры. При этом они уделяли большое внимание её воздушности, внутреннему движению, не нарушая её традиционных чистых форм. Иначе говоря, они пошли по пути соединения классики иранской миниатюры с эстетическим видением новейшего времени.

В числе таких работ следует отметить: цветную гравюру Махмуда Джавадипура «Персидская миниатюра», изображающую в манере гобеленовой набивки девушку в национальной одежде и козленка; картины Бахрама Аливанди «Праздник» (1966г., смесь миниатюры и витража) и Акбара Таджвиди «Фреска Исфахана» (1959 г., показывающую стремительный взлет человеческой мечты в виде вихря), его же иллюстрации к Омару Хайяму; ряд работ Хасана Гаеми, Садека Табризи и других современных художников. Причем С. Табризи вел поиск в синтезе миниатюры и абстракционистских приемов. Однако в его работах слабо угадывались как современная ясность идеи картины, так и палитра традиционной миниатюры. Вместе с тем, иранский искусствовед Фаресте Имами сравнил именно его со шведским ансамблем «АББА».

Известной художницей-миниатюристом Ирана являлась первая из студенток женской школы искусств Тегерана и одна из лучших учениц «устада Бехзада» – Атия Садики. Художница писала в основном миниатюры на стихи Омара Хайама. Выставки её работ пользовались большим успехом. Она выставлялась в археологическом музее «Иран бастан», в картинной галерее «Махр-шах» и в женском клубе. Хотя Атия Садики преподавала в женском педагогическом техникуме и в военной школе, она продолжала творческие поиски в своих миниатюрах.

Следует сказать, что, наряду с этими художниками-мыслителями, в Тегеране действовала многократно большая армия миниатюристов-ремесленников. Они занимались подражаниями классике миниатюры, «калам-караму», «лубку». И, конечно, их стилизованные изображения охоты на газелей, игр в мяч на лошадях (подобия хоккея на траве), томных чернооких красавиц и юношей в национальных костюмах отличались излишней красотой, но при полном отсутствии глубины мысли. Эти ремесленники полностью ориентировались на рынок, часто специализировались оформлением кафе, кабаре, частных домов и лавок.

Современная живопись также получила определенное развитие в Иране. Ее родоначальником в полной мере можно считать Камаль оль-Мулька, творившего в первой половине XX века. Его работы были размещены в иранском Меджлисе, Гулистанском дворце, а также в экспозиции ряда музеев мира.

В 50-70-е годы в Тегеране лучшие работы художников страны стали сосредотачиваться в галерее «Боргезе» и в архиве Министерства культуры и искусств, которые являлись собирателями и своеобразными музеями современной иранской живописи (причем картины из их фондов нередко демонстрировались также и за рубежом).

На основании собраний этих учреждений вышло несколько альбомов с репродукциями и аналитическими описаниями живописных работ. Так, широко известный художник и генеральный секретарь «Биеннале» в Тегеране Акбар Таджвиди выступал также и как критик по национальному изобразительному искусству. Им был написан ряд крупных книг-обзоров по иранской живописной школе. Аналитические статьи в этой области периодически появлялись в журнале «Талаш» («хлопоты, устремление»), «Хунар ва мардом» («Искусство и народ»), а также в центральных газетах «Эттелаат» («Известия») и «Кейхан» («Вселенная»).

Кроме вышеназванных центров по собиранию национальной живописи, талантливые картины находились также в других галереях и частных собраниях (в галереях «Сейхун» на Шах-авеню и «Гандриз» на Шахреза-авеню). Вместе с тем, иранская творческая интеллигенция считала, что недавно открытый «Музей современного искусства» постепенно должен превратиться в крупнейшего хранителя произведений национальной живописной школы.

При рассмотрении творчества тегеранских художников современного письма, прежде всего, бросались в глаза оригинальные картины ряда местных талантов.

Так, в первую очередь можно отметить Джалиля Зияпура. Сначала он увлекался кубизмом, затем перешел к изображению людей методом фресковой живописи на глазурованной плитке, и таким образом создавал впечатление глубинной пространственности картины. Особенно удачными были его произведения с женскими образами – это «Зайнаб Хатун», образ из персидского фольклора для детей, «Женщина-курдка из Готана» (1960 г.) и «Поэма печали» (1965 г.).

Творчество Джавада Хамиди несло в себе синтез декоративных элементов из арсенала национального искусства и реалистической живописи. Он умело сочетал нужные пропорции и контрасты цветовой гаммы и находил логически обоснованные четкие переходы между первым и остальными планами картины. Это можно было увидеть в его «Композиции» (1965 г.), где проявилась его экспрессивная в целом манера письма.

Абдулла Амери был крупным колористом реалистического направления, творцом исключительной чувствительности и наблюдательности, мастером показа поэзии в обыденных сценах иранской действительности. Таковыми были его картины «Хлебное поле», «Одинокое дерево», «Деревенский родник», «Террасы при лунном свете».

Дерахшеш Заими – его творчество отличалось гармоничной стилизацией и музыкальной интерпретацией природы и людей; он старался проникнуть в мысли и разные состояния души. Об этом можно судить хотя бы по его «Композиции» (1961 г.), где стилизованные и воздушные образы женщины и лошади были показаны среди руин величественных древних построек.

Из других работ художников реалистической манеры письма можно отметить «Туркменскую девушку» (1965 г.) Резы Фараузи, «Цветы» (1966г.) Фарман Фармаяна, «Девушек Каземабада» (1960 г.) Хасана Гаеми.

Довольно сильными в иранской живописи периода 1950-1970 гг. были и такие течения, как: полуабстракционизм, абстракционизм, символизм, кубизм, так называемый сугубо экспрессионизм и другие.

В частности, в полуабстракционизме изображались реальные материальные объекты, однако, не покидая натуру в целом, авторы

вносили элементы абстракции – такие, как символические пейзажи, искусственные цветовые композиции. Среди сторонников этого стиля наиболее ярким был Сохраб Сепехри, художник и поэт. В его творчестве сочетались поэзия и искусство Востока, а также определенный универсализм, который приближал его картины к манерам письма западных школ. В его акварели «Горные пики» (1960 г.) снежные вершины были показаны в сложном мареве облаков, снега и дымки, что создавало ощущение неуловимости жизненности и всемогущества природы – тех же скалистых гор в сопровождении другой стихии.

Из абстракционистов и символистов известными были работы Бехджата Садра «Абстракция» (1961 г.), Камрана Диба «Композиция» (1961 г.), Мир Абд-ор-Реза Дарьябеши «Симфония жизни и смерти» (1966 г.), Масоуме Сейхуна «Композиция» (1966 г.), Хосейна Каземи «Композиции» (две работы, 1961 и 1966 гг.), Мансура Хосейни «Абстракция» (1960 г.), Фарамарз Пиларама «Композиция №22» (1966 г.) и другие.

Абстракционный и стилизованный подход присутствовал также и в скульптуре.

Вместе с тем, круг преданных только своему творчеству художников в Иране состоял в основном из представителей состоятельных семей.

В Тегеране указанных десятилетий функционировало много мастерских художников, работавших «поточно» по заказам: писались портреты, пейзажи, букеты цветов, абстрактные образы и так далее. Это практически были работы также уровня ремесленничества. Как писал известный советский художник реалистического направления Семен Афанасьевич Чуйков: «Ремесленника отличает одно отношение к таким принципиальным понятиям, как «образ», «настроение», «поэзия», ибо не

всякое изображение предмета есть образ, есть искусство – оно разное. Только художник обладает способностью видеть прекрасное в обыденном, создавать из вполне реальных, будничных черт окружающей действительности свой мир красоты, нравственных и философских категорий».

Автору данных очерков случилось посетить несколько таких тегеранских мастерских. Несмотря на богатое разнообразие выполнявшихся тем, живописной техники, на наличие излишества и «жаренности» бликов, и избыточных томностей, а также усиленных подчеркиваний объектов изображения, и непомерности зелени, голубизны и прочих экспрессивных элементов, все эти работы объединяла, как правило, недостаточность силы и глубины анализа, точности акцентов произведений. Поражало еще и другое – в данных картинах содержалось много красоты, чувственности, внешней фантазии; они были откровенно прямолинейными: либо «горячими», либо «прохладными» и «сугубо холодными», хотя в природе и жизни все это выглядело мягче и находилось в пространстве.

Клиентами коммерческих художников являлись аристократические семьи северного Тегерана, они и определяли набор тем и характер письма коммерческой живописи, превращая художников в обычных слуг сервиса зажиточного класса. Нередко такие художники, по договоренности за соответствующую мзду с администрацией гостиниц, устраивали выставки-продажи своих картин в крупных отелях столицы, где зрителями и покупателями становились иностранные туристы, а также состоятельные иранцы из провинций. Продавались их работы и через сувенирно-журнальные лавки при этих отелях.

Просвещение, пресса и наука

Столичная система общественного образования

В 70-е годы XX-го века она представляла собой сложный разветвленный механизм. Материальная и педагогическая обеспеченность общеобразовательных школ определялась районом расположения – зажиточного или сравнительно бедного.

В бедных кварталах школам принадлежали, как правило, старые строения. Они, обладали примитивным оборудованием, а общая квалификация преподавателей и уровень обучения были рассчитаны на соответствующие обездоленные слои.

Что касается школьных учреждений обеспеченных слоев, то они по своему оснащению были контрастом вышеназванной категории учебных заведений. В частности, в качестве примера можно привести то, что пришлось воочию наблюдать рядом с Советским Посольством со стороны улицы Хафеза. Это была одна из средних школ – дабиристан. Внешне это было добротной и строгой кирпичной кладки обширное здание с высокими окнами и каллиграфическим орнаментом на входе. Рядом размещались спортивные площадки, где работали спортсекции и даже проводились легкоатлетические соревнования, либо различные торжественные мероприятия. На её площадках в организованных общественных мероприятиях участвовал ряд близлежащих учебных заведений. Преподавательский состав также был высококвалифицированным.

Данная школа была одной из образцовых и наиболее оснащенных в городе.

Но прежде немного истории.

Просвещение функционировало на территории Персии издревле, еще со времен ранних государственных образований Элама и Мидии, располагавшихся здесь. Об этом свидетельствовали «Авеста» (Свод священных текстов зороастрийской религии), а также другие исторические документы. В ахеменидский период, как утверждали некоторые историки, подготовка национальных кадров приняла в определенной степени системный характер.

С утверждения ислама образование в Персии было сосредоточено в религиозных школах-медресе. Вместе с тем исторический путь персидско-иранского просвещения изобиловал как подъемами, так и падениями и застоями. IX-XIII века, можно сказать, явились периодом взлета мусульманского ренессанса с известными просветительскими центрами в Испании, Сирии и Персии. Персидское просвещение прославилось такими своими медресе (выполнявшими роль средних школ того времени), как «Медресе Низамие», основанное Низам оль-Мольком в Нишапуре (Хорасан), а также такими же учебными заведениями в Исфахане, Рее, Мешхеде, Тебризе, Саве, Балхе и в других городах.

В средние века система образования Персии представляла собой ограниченный круг мектебов (школы начального образования) и медресе, находившихся полностью в ведении мусульманского духовенства. Это было время, когда исламское просвещение оказалось законсервированным: обучение велось в русле догматов традиционных исламских канонов. Так, в Сефевидской, и особенно, в Каджарской Персии изучались преимущественно Коран и другие религиозные документы, а также произведения персидской и

мусульманской литературы. Технические знания и естественные науки же практически не входили в программы обучения. Там, где они имели место, их преподавание и содержание курсов находились на низком уровне.

Несмотря на неоднократные попытки ликвидировать отставание национального просвещения, предпринятые с конца XIX века, когда в Тегеране начали открываться первые светские школы, состояние общественного образования от начальной до высшей школы вплоть до 20-х годов XX-го столетия оставалось чрезвычайно неудовлетворительным. Сама же система во многом была самодельна и по-прежнему находилась под сильным контролем устаревших традиций.

Совершенствовали свои знания иранцы и за пределами Персии: в Каире, Стамбуле, Лахоре, Дели, Хайдарабаде и в других центрах мусульманского образования.

В годы революции за конституцию 1905-1911 гг. в начальных школах Тегерана обучалось около 15 тысяч мальчиков и 2 тысяч девочек, то есть менее 15% и 2% соответственно к общему количеству детей столицы. В то же время по стране в целом неграмотным оставалось свыше 90% населения.

В период правления Реза-шаха Пехлеви развитие национального просвещения приняло в какой-то степени планомерный характер, хотя и было замедленным и малоэффективным. Система обучения в своей основе стала светской. Появились государственные общеобразовательные и профессиональные школы. Министерство просвещения ввело обучение по всей стране на основе единой учебной программы.

Что касается собственно высшего образования, то следует отметить, что, по имеющимся сведениям, еще 1700 лет назад в Хузистане (жняя провинция современного Ирана) близ города Дизфуля функционировало высшее учебное заведение, так называемый, «Университет Джонди Шапура» (некоторые историки приписывали его основание сасанидскому шаху Шапуру

I (241-271 гг. н.э.). Этот вуз на протяжении примерно 500 лет был центром изучения медицины, философии, астрономии, математики и других наук.

С XVIII века, когда Великобритания и Франция начали активную экспансию в районе Индийского океана, часть государственных деятелей Ближнего и Среднего Востока стали осознавать преимущества европейских держав. В начале XIX века, в правление Фатх Али-шаха, когда Персия стала объектом соперничества между наполеоновской Францией и Великобританией, в Европу были посланы персияне для получения высшего образования. В годы правления Насреддин-шаха при инициативном участии его выдающегося визира Амир Кабира в 1847 году в Тегеране появилось первое иранское высшее учебное заведение «Дар-уль-Фунун» (Обитель технических наук и ремесел) – то есть политехнический университет. В его стенах готовились кадры для артиллерии, кавалерии, инфантерии, инженерных войск, а также преподавались медицина, фармакология и иностранные языки: французский, русский и английский. В институте было занято 12 иранских и 26 иностранных преподавателей, а число студентов составляло 270 человек. Учебный цикл состоял из 12 семестров. Вслед за основанием этого провоенного вуза, в 1853 году было создано министерство просвещения. В 1883 году в Тегеране открылось специальное военное училище, а в 1898-1899 годы – политехническая и сельскохозяйственная школы. Всего за 1851 – 1922 годы в Тегеране и Тебризе было основано 7, так называемых, высших школ (типа лицеев и колледжей): политических наук, земледелия, ирано-немецкая промышленная школа, высшее училище медсестер, центральная педагогическая школа, школа права и сельскохозяйственное училище.

В правление Реза-шаха были приняты новые законы по развитию высшего образования: в 1929 году о создании Педагогического института для подготовки преподавательского персонала общеобразовательных школ; в 1934 году об основании Тегеранского государственного университета. Параллельно были открыты средние специальные учебные заведения: технологический техникум, переросший затем в Технологический институт, и другие.

Ко второй половине текущего столетия результаты действенности системы просвещения в Иране, хотя и являлись сравнительно с прошлым более значительными, вместе с тем оставались сравнительно недостаточными для удовлетворения запросов как населения, так и потребностей народного хозяйства. Не только страна в целом, но и столица не обладали сколько-нибудь отлаженной и эффективной системой по подготовке средних и высших технических квалифицированных кадров. Это сказывалось и на характере гуманитарных знаний. Качество подготовки во всех звеньях просвещения находилось на невысоком уровне.

Тегеран вплоть до середины XX столетия оставался практически единственным городом в Иране, где были представлены все уровни обучения от начальной до высшей школы.

Сравнительно более благоприятные социальные условия, близость центральных государственных учреждений, наличие обширного круга зажиточных слоев населения обусловили преимущественное сосредоточение в столице специалистов не только просвещения и науки, но и здравоохранения, и спорта. Таким образом, на фоне провинциальных

центров страны Тегеран оказался гипертрофированно оторвавшимся по уровню развития всех общественно значимых областей, включая и вышеназванные.

В 60—70-е годы растущие доходы от экспорта нефти и необходимость воспитания национальных технических кадров заставили правительство существенно расширить сеть учебных заведений, круг областей народного образования, углубить и обогатить программы школ разных уровней. Именно в эти годы появляется наибольшее количество новых вузов, специализированных колледжей, лицеев и так далее. Уже в 1967 году национальный потенциал начального и среднего образования Ирана составлял: начальных школ – 15 тысяч, средних – 2 тысячи, техникумов и ПТУ – 138, педагогических училищ – 93. В так называемый «Корпус просвещения» по борьбе с неграмотностью входило 6,9 тысяч школ. Число учащихся характеризовалось следующим образом: начальная школа – 2,6 млн. человек, средняя – 674 тысячи, техникумы и ПТУ – 16,3 тысячи, педучилища – 6,7 тысячи, «Корпус просвещения» – 270 тысяч человек. Почти четверть этого контингента приходилась на столичный регион. В целом уровень грамотности по стране составлял 28%, в том числе в городах – 49%. В Тегеране только около половины всех детей могли посещать начальную школу и 15-20% – среднюю. В указанные два десятилетия иранское правительство, поставившее перед страной задачу до конца XX-го века совершить гигантский прыжок на ступень высокоразвитой промышленной державы, понимало, что была необходима, можно сказать, «революционная»

ломка в социальных областях, и поэтому в определенной степени стало более форсированно стимулировать их развитие.

Конечно, Тегеран в первую очередь встал на этот путь, но расширенный комплекс мероприятий в системе просвещения, здравоохранения и спорта был развернут и в провинциях. Таким образом, хотя разрыв в указанных областях между провинциями несколько и сократился, однако это произошло скорее количественно, чем качественно, а Тегеран, попрежнему, сохранил за собой позиции ведущего научно-культурного, медицинского и спортивного центра страны.

Так, к примеру, из общего числа учителей в Иране, равнявшихся 195 тысячам человек, около 40 тысяч преподавали в столице. Причем это был наиболее квалифицированный отряд преподавателей страны. Ввиду нехватки педагогических кадров в сфере общего образования, особенно в последних классах, в Тегеране и других городах работали учителя из западных, а также из арабских стран, Пакистана и Индии.

Далее, ввиду продолжавшегося быстрого роста контингента учащихся, составившего к 1983 году 14 миллионов человек (и нараставшего по 8-10% в год), потребность в преподавательских кадрах, по оценке, достигло, соответственно, полмиллиона единиц.

Что касается роста финансирования просвещения в стране, в целом, и в Тегеране, в частности, то только в 1975 году ассигнования в эту область сравнительно с предыдущим годом выросли почти вдвое, а в 1976 году – ещё на 35%.

Правительство развернуло строительство новых школ, училищ и вузов, увеличивало контингенты приема учащихся в учебные заведения. Так что в 1977 году общее число учащихся общеобразовательных школ достигло 8,5 миллионов человек, в том числе в начальной школе – более 4 млн. челове; количество же начальных школ составило 21 тысячу. Ежегодный выпуск ПТУ и техникумов превысил 2 тыс. человек. В вузах обучалось 190 тысяч студентов. Следует отметить, что еще в 1969 году численность иранских студентов в целом едва достигала 50 тысяч.

Такой скачок был сделан преимущественно в 70-е годы. Благодаря «нефтяному буму», по вышеназванным показателям Иран обогнал Турцию и все страны Ближнего и Среднего Востока.

Примечателен и тот факт, что общая тенденция развития страны обусловила резкое увеличение числа абитуриентов, желавших поступить в иранские вузы – в 1977 году они составили 300 тысяч человек при возможности годичного приема в 50 тысяч.

В те годы в Тегеране насчитывалось две тысячи школ общеобразовательного звена, из которых половина были начальные. В них обучался почти миллион детей. На рубеже 60-70-годов в общеобразовательных школах Ирана начала осуществляться реформа содержания учебного процесса. Новая система обучения проходила в течение ряда лет проверку в Тегеране и в ряде провинциальных школ, а в 1975 году она была одобрена «Высшим Советом просвещения» и принята как обязательная для всех иранских школ. Таким образом, двенадцатилетнее обучение стало делиться на циклы по формуле «5+3+4», то есть: пять первых

классов – это общее начальное образование; следующие три класса – ориентации (гуманитарии, естественники, техники и т. д.); последние четыре года – учеба с ещё более специализированным уклоном, когда наряду с общеобразовательными предметами изучались и соответствующие специальности.

Другое новшество в иранском просвещении охватывало сельскую местность, но к нему имела определенное отношение и иранская столица. В соответствии с 6 и 7-м пунктами, так называемой, «Революции шаха и народа» было предусмотрено создание: во-первых, «корпусов просвещения» из окончивших школу второй ступени (среднюю, с 8 до 12 классов) для использования их в борьбе с неграмотностью в сельских местностях; во-вторых, «корпусов здравоохранения», состоявших из врачей общего профиля и стоматологов, оказывавших безвозмездную медицинскую помощь сельскому населению с середины 60-х годов

Организованные во многих провинциальных центрах «корпуса просвещения» открыли краткосрочные курсы подготовки воспитателей и учителей (из учащихся, солдат, чиновников и т. д.) – всего 15 школ. В 1977 году по линии «корпусов просвещения» обучалось 600 тысяч сельских жителей.

В столичном восточном районе Хисматии-Вахидие на довольно широкой улице за решетчатой оградой хорошо просматривалась компактная группа одноэтажных коттеджей – это был учебный центр головного «корпуса просвещения». Он готовил кадры для работы в Центральном остане (провинции). По словам руководителя учебного центра этого

корпуса госпожи Хатиби, подготовка в нем занимала шесть месяцев. На учебу в центр принимались лица с законченным средним образованием или учащиеся последних классов. По окончании курса, выпускники получали направления в сельскую местность, где жили в деревенских семьях, помогая им в быту, обучая крестьян и их детей современному образу жизни, одновременно содействуя местным учителям, а в ряде случаев и ведя преподавательскую деятельность в сельских школах. За время своего существования тегеранский центр произвел 24 набора и подготовил около 36 тысяч воспитателей и учителей.

Начиная с 1968 года «корпус просвещения» широко принимал в свои ряды девушек, как лучший персонал помощи деревне. Выпускницы центра обучали крестьянских женщин шитью, вязанию, домоводству, кулинарии и другим бытовым специальностям.

В 1974 году в Иране было введено бесплатное начальное образование и бесплатные завтраки школьникам. Первоначально завтраки состояли из галет, фруктовых соков, свежих фруктов, а с апреля 1976 года в наборы бесплатного питания ввели изменения. В соответствии с новым положением, из рациона питания были исключены фрукты. Взамен учащиеся Тегерана и Исфахана стали получать молоко и бисквиты, а учащиеся других городов (которые в те годы составляли 5 миллионов человек) – хлеб, 20 граммов сыра и 50 граммов фиников. По заявлению министра торговли Таслими, постепенно, с увеличением производства бисквитов и молока в Иране, на такое питание должны были перевести все школы страны.

Вузы столицы

В 70-е годы XX-го века Иран располагал 62 высшими учебными заведениями. Среди них функционировало восемь университетов, которые в совокупности обладали пятьюдесятью факультетами. Четыре университета были государственными и столько же – частными. Государственные университеты сосредоточились в крупнейших городах Ирана – Тегеране, Тебризе, Исфахане, Мешхеде, частные – в Ширазе (носил название Пехлеви), Дизфуле (имени Джонди Шапура), Тегеране (Индустриальный университет Ариамехр и Национальный университет Ирана).

На Тегеран приходилось 40 тысяч студентов (сюда иранская статистика включала и учащихся специализированных колледжей, техникумов и училищ). Всего в иранской столице насчитывалось восемь крупных вузов: Тегеранский государственный университет (с 1934 г.), Тегеранский педагогический колледж (с 1928 г.), Технологический колледж (с 1939 г.), Политехнический институт (с 158 г.), Коммунальная школа (с 1958 г.), Национальный университет Ирана (с 1960 г.), Нармакский технологический колледж (с 1962 г.), Индустриальный университет Ариамехр (с 1966 г.).

Теперь несколько подробнее о наиболее крупных вузах Тегерана того времени.

Тегеранский государственный университет

Крупнейшее высшее учебное и научное заведение Ирана раскинуло свои владения обширным правильно очерченным четырехугольником,

окруженным густозелеными насаждениями, в центральной части Тегерана, между проспектом Шаха Резы и бульваром Елизаветты II. Он имел также анклав в западном районе города – в Амирабаде. В момент основания университет располагал шестью факультетами: литературным, теологическим, техническим, медицинским, естественных наук и юридическим. Первый набор студентов в этот вуз составил сто человек. В 70-е годы данный вуз обладал уже 21 учебным факультетом, 4-мя научными и административными институтами, 7-ю исследовательскими центрами, 7-ю курсами, 11-ю больницами на более, чем 3 тысячи коек. Число групп обучения составляло 133, отраслей обучения – 210. Кроме вышеназванных первоначальных факультетов действовали новые факультеты: гидрологический, социальных наук, экономики, гигиены и санитарии, географический, геофизический, культуры и цивилизации Среднего Востока, международных проблем, атомный центр и другие. В 70-е годы при Тегеранском государственном университете образовались параллельные институты: административного управления и торговли, педагогический, лесной, гигиены и санитарии. При нём действовали курсы, готовившие кадры среднего звена по следующим специальностям: фельдшерскому делу, санитарии и гигиене, библиотечному делу, санитарии и гигиене, журналистике, биологии тропических растений.

В 1967/68 учебном году при вузе были открыты вечерние курсы обучения в области наук и искусств, где занимались 400 человек.

В соответствии с данными доклада ректора Тегеранского государственного университета доктора Касема Мотаммади по случаю 44

годовщины открытия университета, в 1977/78 году в стенах этого учебного заведения занималось 18519 студентов, из них 2834 – были дипломниками-выпускниками. При этом среди студентов число девушек составляло 4,2 тысячи. На этот же год дни для приема в университет по линии, так называемой, «Организацией по оценке знаний» было рекомендовано 2783 абитуриента. Профессорско-преподавательский состав насчитывал 2030 человек, в том числе 434 воспитателя. Среди профессоров около 150 были женщины.

В соответствии с соглашениями с зарубежными вузами по обмену студентами и о помощи в подготовке кадров, в Тегеранском государственном университете училось 316 иностранных студентов.

Касаясь научной работы, следует сказать, что только в 1976/77 году Тегеранский государственный университет по заказам государственного и частного секторов выполнил и предложил 394 научных и практических исследований для нужд экономики, и, в частности, для промышленности. Кроме того, он направлял своих специалистов для реализации соответствующих хозяйственных проектов. В указанном году в университете было проведено 290 научных заседания – конгрессов, конференций, симпозиумов, семинаров и т. д., издательством университета было опубликовано 118 наименований книг, 530 научных статей и исследований (в иранских и иностранных научных публикациях), издавалось 28 наименований журналов по различным отраслям знаний.

Таким образом, круг научной и преподавательской деятельности Тегеранского государственного университета был весьма широким и

разнообразным. Следует отметить характерную особенность жизни учебы студентов данного университета: многие из них работали в свободное от занятий время, в том числе в системе вуза, министерстве юстиции, организации по осуществлению аграрной реформы и в других местах.

Около 1,5 тысяч студентов жили в общежитиях университетского городка Амиабада. Там же размещались и иностранные студенты. Кроме того, в городке имелись два специальных общежития для девушек, плавательные бассейны, столовая, два магазина, продававшие студентам продуктовые и промышленные товары по сниженным ценам.

Следует отметить, что фонды университетских библиотек в те годы уже не удовлетворяли потребности учебного процесса, поэтому было начато строительство нового здания Центральной библиотеки с фондом в 1 миллион экземпляров книг.

Университет постоянно расширялся. На территории университетского городка возводилось 13 новых больших зданий, две больницы и стадион на 30 тысяч мест, а на территории больницы Пехлеви – здания отделения физики и химии, стоматологического института.

Национальный университет Ирана

В год основания (1960 г.) он располагал двумя факультетами: финансово-экономическим и банковским, а также архитектурным. В 1961 году был открыт медицинский, а в последующие годы – иностранных языков, науки и стоматологический факультеты. Таким образом, в 70-е годы в этом университете преподавались следующие дисциплины: экономика, политические науки, банковское дело, химия, математика, физика,

биология, история, социальные науки, психология, уголовное право. Программа и методика преподавания были заимствованы на 75% из университетов США, на 15% и 10% – соответственно из Западной Европы и высших школ Ирана. В 70-е годы в Национальном университете Ирана обучалось около 5 тысяч студентов. В составе профессоров находились 36 женщин.

Индустриальный университет Ариамехр

Начал функционировать с 1966 года, несколько позднее был открыт его филиал в Исфагане. Университет готовил кадры для национальной промышленности и состоял из шести факультетов: электро-инженерного, механо-инженерного, химико-инженерного, металлурго-инженерного, научного и промышленного управления. Срок обучения составлял шесть лет. Контингент студентов в последние годы равнялся 2,5-2,7 тысячам человек. В перспективе предусматривалось довести его до 10 тысяч студентов. Как информировало Министерство просвещения Ирана, летом 1977 года правительством было принято решение о переводе данного вуза в город Исфахан и дальнейшем закрытии его в Тегеране. Такое решение объяснялось необходимостью приблизить этот технический вуз к крупным индустриальным объектам, расположенным в Исфахане, Ширазе, Ахвазе, Абадане и в других городах на юге страны. Вместе с тем, вероятно, не последнюю роль в этом сыграло и активное участие студентов – Индустриального университета Ариамехр в антиправительственных демонстрациях 1977-1978 годов, так что власти были вынуждены даже прекратить на некоторое время деятельность этого вуза в столице. Однако

политические столкновения в Тегеране в августе-сентябре 1978 года вынудили правительство отложить реализацию такого своего решения. Более того, стали предприниматься шаги к его расширению.

Следует отметить, что помимо вышеназванных вузов Ирана, национальная статистика включала в систему высшего образования следующие учебные заведения Тегерана: Коммерческий институт, Статистический институт, Институт драматического искусства, Высшую школу телевидения и кино, Музыкальную школу, Школу медсестер, Искусствоведческую школу для девушек, Школу иностранных языков и литературы и некоторые другие учреждения просвещения.

Из специализированных учебных заведений среднего звена в Тегеране имелось 37 техникумов и училищ, из которых 32 были государственными и 5 – частными.

Особенностью иранской высшей школы являлось то, что власти использовали и путь подготовки кадров с высшим образованием за границей, преимущественно в западных странах. Общее число студентов, получавших образование за границей в последние годы составляло 70 тысяч. Около 50 тысяч из них обучались в США, остальные – в ФРГ, Англии, Франции и в других странах. 20% из них, как правило, оставались за рубежом (в западных странах и таким образом становились невозвращенцами).

Столичное студенчество

Прежде всего, в первые десятилетия второй половины XX-го века иранское студенчество по своему образовательному и квалификационному

уровню значительно возросло и было в состоянии как осваивать новые знания современности, так и объективно оценивать политические проблемы мирового сообщества и собственной страны. В связи с увеличением числа выходцев из средних и даже из бедных слоев, а также усилением притока иностранной научной и социальной информации, расширилась сфера политического брожения среди студенческой массы. В 60-70-е годы среди столичного студенчества происходили неоднократно политические выступления, принимавшие антиправительственную окраску. Так, в частности, в начале июня 1975 года в Тегеранском университете имели место демонстрации студентов, приведшие в итоге к столкновениям с полицией. К таким актам прибегали иранцы и за границей. Так, во время визита шаха Мухаммада Реза Пехлеви в США в ноябре 1977 года американская полиция была вынуждена даже пустить в ход бомбы со слезоточивым газом против иранских студентов Вашингтона, предпринявших антишахскую демонстрацию. По сообщению иранских средств информации, «таких элементов (то есть противников режима) было немного – всего 250 человек среди 9 тысяч студентов, приветствовавших приезд шаха». По американским же источникам, «число оппозиционеров было гораздо большим». В дальнейшем студенчество приняло активное участие в иранских антиправительственных волнениях 1978 года.

В этой связи система высшего образования Ирана, и его столицы, в частности, находилась под постоянным наблюдением тайной полиции «САВАК». Имели место частые аресты среди учащейся молодежи, а

иранская официальная пресса называла подвергавшихся гонениям студентов «безродными красными и черными реакционерами».

Пресса Тегерана

Первая газета в Иране появилась в 1837 году. Это было правительственное издание «Текущие события». В начале XX века таких изданий стало уже несколько, но тираж газет был небольшим. Будучи по преимуществу изданиями различных политических партий, они возникали и сходили с общественной «сцены» вместе с их недолговечными политическими организаторами.

Наиболее жизнеспособными в истории иранской прессы оказались официальная газета «Кейхан» и полуофициоз – газета «Эттелаат», появившаяся в период правления Реза-шаха Пехлеви и имевшая тогда тираж 15 тысяч экземпляров. Реализовались данные издания по подписке, а также через сеть газетно-журнальных киосков. Для их продажи широко использовались и подвижные торговцы. Это были мальчишки, которые продавали газеты с небольшой надбавкой на перекрестках проспектов владельцам остановившихся частных автомашин, а также прохожим в пешеходных потоках. При этом юные продавцы громко выкрикивали наиболее сенсационные моменты свежих номеров прессы.

Основу для развития, в соответствии с современными требованиями, тегеранская пресса получила, начиная с 50-х годов. В следующие два десятилетия она превратилась в согласованную и многоотраслевую систему – в ведущий пропагандистско-информационный общественный аппарат. В провинциях это дело пока ещё находилось на сравнительно низком уровне.

В 1976 году в Тегеране издавалось 10 ежедневных газет общим разовым тиражом 700 тысяч экземпляров и более 20 еженедельных и

ежемесячных журналов тиражом 950 тысяч экземпляров. Столичные периодические издания являлись крупнейшими в стране и имели распространение на всей территории Ирана. В провинциях тиражи местной периодики были очень ограниченными и читались только в пределах соответствующих административных областей.

Крупнейшими газетами Ирана являлись: «Кейхан» («Вселенная») – тиражом 300 тысяч экземпляров, «Эттелаат» («Известия») – 200 тыс. экз., «Растахиз» («Возрождение»), издание партии «Растахиз», бывшей ведущей партией, шахского режима, – 100 тыс. экз., «Аяндеган» («Люди будущего») – 40 тыс. экз., «Техран джорнал» («Тегеранский журнал») на английском языке – 10 тыс. экз., «Пейгаме эмруз» («Сегодняшнее послание») – 6 тыс. экз., «Журналь де Техран» («Тегеранский журнал») на французском языке – 6 тыс. экз., «Бурс» («Биржа»), издание Тегеранской торговой палаты, – 6 тысяч экземпляров.

Таким образом, по своим задачам «Кейхан» и «Эттелаат» были общественно-политическими изданиями, «Растахиз» – партийно-политическим, «Бурс» – торгово-экономическим.

Крупнейшими журналами являлись: «Растахизе каргеран» («Возрождение рабочих») – 250 тыс. экз., «Растахизе Руста» («Возрождение крестьян») – 200 тыс. экз., «Зане руз» («Женщина сегодняшнего дня») – 150 тыс. экз., «Эттелаате бануван» («Известия женщин») – 100 тыс. экз., «Тамаша» («Обозрение», общественно-культурный) – 60 тыс. экз., «Эттелаате хафтеги» («Еженедельные известия, общественно-политический») – 50 тыс. экз., «Эттелаате джаванан» («Известия молодежи») – 50 тыс. экз., «Растахизе джаванан» («Возрождение молодых») – 50 тыс. экз., «Ханданиха» («Чтения») – 30 тыс. экз. Несколько меньшие тиражи имели литературно и культурно-

общественные журналы: «Талаш» («Поиск»), «Сохан» («Слово»), «Пейгаме эмруз» («Сегодняшнее послание»), «Гоухар» («Жемчуг») и другие.

Центральная пресса Ирана почти полностью имела аудиторию только на территории этой страны. Она по тиражам значительно уступала западным державам, так как многие западные ведущие газеты и журналы на английском, французском и немецком языках не только обладали сравнительно с Ираном высоким спросом у собственных граждан, но и распространялись среди других стран. К примеру, газеты ряда европейских держав имели следующие тиражи (соответственно каждого номера): «Дейли мирор», «Дейли экспресс» и «Дейли мейл» (Англия) – 4,9; 3,7 и 2,0 млн. экз.; «Франсуар», «Фигаро», «Монд» (Франция) – 1,4; 0,5 и 0,5 млн. экз.; «Унита», «Коррьере делла сера» (Италия) – 0,5 и 0,5 млн. экз.. Примерно такая же картина наблюдалась и по журналам: «Пари матч» (Франция) – 1,5 млн. , «Штерн» и «Квик» (ФРГ) – 2,0 и 1,7 млн., «Ньюс оф уорлд Пипл» (Англия) – 6,1 и 5,4 млн., «Оджи» и «Эпока» (Италия) – 1,0 и 0,4 млн. экземпляров.

Советские же издания в Иране продавались как в магазине советской книги около Посольства СССР, так и на открытых лотках на улице Надери, а также в некоторых других магазинах города.

Книжный рынок Тегерана был сравнительно ограниченным, заполненным преимущественно ширпотребной «народной» тематикой: Агата Кристи, другие детективы, карате, Тарзан, книги и журналы эротического содержания. Эта литература продавалась главным образом на улице Надери. Специализированные магазины издательства «Кейхан» и некоторые другие торговые точки по продаже газетно-книжной продукции

располагали более серьезной литературой: по географии, истории, исламу, языкам, культуре, ботанике и т.д. Но и в них почти всегда присутствовали отделы коммерческо-бульварных изданий.

Научная область на рынке в сколько-нибудь систематизированном и компактном виде отсутствовала. Техническая, экономическая литература, а также книги по естественным наукам в подавляющей массе были иностранного происхождения. Однако, в связи с ускоренным ростом образовательного потенциала Ирана, постепенно развивалась и издательская база научных работ.

В Тегеране тех лет действовали 120 типографий, подавляющая часть которых были мелкими, а число занятых в этой отрасли составляло 3,5 тысячи человек. Типографии печатали газеты, журналы, учебники, книги по литературе, культуре, исламу и истории, рекламу и так далее. Специальных издательств по технической литературе не было.

Наука

Научно-исследовательская деятельность в шахском Иране в своей основе еще носила ограниченный характер. Это являлось отражением общего социально-политического и экономического состояния страны. Однако в 60-70-е годы XX-го века, в связи с нарастанием национального общественного потенциала, в данной области наблюдались значительные подвижки.

Научные исследования в Иране были сосредоточены в университетах, иных вузах, научных институтах при министерствах, а также в других государственных ведомствах и частных изыскательских фирмах.

Первоначально систематический научный поиск велся лишь в отдельных направлениях. Наиболее развитыми были гуманитарные отрасли – литература, языковедение, история. В системе технических и естественных наук наиболее всеобъемлющими являлись исследования в области нефти в Тегеране, Абадане и Ахвазе.

Затем границы национальной науки расширились и шаг за шагом диверсифицировались, охватывая всё новые сферы деятельности иранского общества.

Тегеран был главным научным центром Ирана. Наиболее разнообразные исследования велись в Тегеранском государственном университете – это были гуманитарные (при этом, ряд факультетов издавали соответствующие журналы и бюллетени), геологические, мелиоративные, сельскохозяйственные, экологические, в области ядерных реакций и другие направления. Причем, с середины 50-х годов данный университет получил право присваивать ученые звания и степени. Кроме того, научно-исследовательская деятельность проводилась в Национальном университете Ирана и в Индустриальном университете Ариамехр, а также в ряде специализированных компаний и комитетов, работавших по заданиям министерств. В частности, в фирме «Махаб» велись разработки проектов для Министерства энергетики. Вместе с тем, в «Махаб» анализировались и отбирались местный и иностранный материалы по вопросам мелиорации и

геологии. Далее, при министерстве обороны действовали комитет военной истории и географическое общество, а при министерстве культуры и искусств – главное археологическое управление, управление по делам народного творчества и т. д.

В 1970 году в Тегеране был создан Институт научных исследований и прогнозирования в области просвещения с общим числом сотрудников 300 человек. Институт составлял единую библиографию книг иранских библиотек, а также контролировал составление и издание школьных учебников и т. д. Библиотеки всего Ирана были привязаны к одному из его четырех отделов – библиотековедческому. Другими специализациями отделов указанного института были: 1) по координации между изучаемыми дисциплинами; 2) планирования; 3) иранской документации. Они работали над проблемой организации просвещения на территории всей страны на основе единых материалов и стандартов, а также над оптимальными путями их развития.

Что касается библиотековедческого отдела, то он тесно сотрудничал с библиотекой «Пехлеви», помогал ей составлять каталоги на рукописи и печатные издания.

В 1975/76 году^{x/} в Тегеране всего действовало 380 библиотек с числом книг 1,6 миллиона экземпляров, включая общественную, детскую и специальную. Помимо известных крупных библиотек – «Пехлеви» и «Сепасалара», – немалым фондом располагали и 25 библиотек Тегеранского государственного университета – 540 тысяч книг. Кроме того,

^{x/} - Иранский «солнечный» год имеет границы с 21 марта одного года по 20 марта следующего года

Институт интеллектуального развития детей и молодежи обладал 22 библиотеками на 90 тысяч экземпляров книг, а также 4 культурными центрами, обслуживавшими 190 тысяч человек. В этих центрах предпринимались шаги по расширению их возможностей до 240 тысяч человек.

В 70-е годы проводилась энергичная работа по формированию разветвленной системы прикладных и теоретических исследований. В частности, уже тогда появилась потребность в централизованном руководстве научных работ.

Следует сказать, что вплоть до последнего времени в Иране не было Централизованного учреждения, объединявшего все научные исследования страны, отсутствовала Академия наук. Страна располагала только «Фархангестаном» – академическим институтом, занимавшегося вопросами истории, языка и литературы. К тому же «Фархангестан» также сформировался лишь в 1970 году.

В сентябре 1976 года в Тегеране, наконец, была открыта имперская Академия наук. Шах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви, выступая по случаю этого события, сказал, что «Академия наук важна для научно-технической подготовки нации», а газета «Кейхан» писала: «Одной из задач членов Академии наук является способствовать полному использованию оборудования университетов и других вузов в целях научных исследований. Теоретические и практические исследования необходимы для создания глубокой теоретической базы национальной науки».

В прикладных науках Ирана тех лет особое внимание уделялось проблемам обеспечения ускоренного развития национального потенциала, и прежде всего, в области экономики. Поэтому действовавший в Тегеране Центр международных политических и экономических исследований, по утверждению его руководства, «работал над вопросами создания региональной и межрегиональной согласованности и целостности путем развития скоростной коммуникационной сети, организации подходящих промышленных объектов, расширения ресурсов». Следует отметить, что, несмотря на громкое и многообещающее название указанного учреждения, круг сотрудников для охвата изучавшихся проблем в Центре был весьма ограниченным, а его деятельность в своей основе сводилась к внедрению уже готовых иностранных форм и методов в иранскую действительность. Кроме того, недостатком народного хозяйства, и прежде всего промышленности, шахского Ирана являлась неразвитость глубоких отраслевых специализаций, без которых, даже при наличии крупных капиталовложений, невозможно было обеспечивать эффективную и ритмичную работу сложного организма национальной экономики.

Поэтому наличие нескольких стратегических и централизованных управленческих и планирующих учреждений и институтов в таких условиях пока было не в состоянии обеспечивать эффективно спланированное развитие национального хозяйства. Однако они играли весьма важную роль как организаторы процесса отпочкования и углубления отраслевых и внутриотраслевых специализаций. На практике же пока в Тегеране данный процесс в области технических исследований и

соответствующего планирования находился на начальной стадии. В Тегеране, к концу 70-х годов, общее число научных сотрудников, занятых непосредственно теоретическими и прикладными исследованиями, все еще было невелико и насчитывало всего несколько тысяч человек; из них, по определению иранской прессы, было 600 крупных, то есть активных исследователей. Из числа последних было избрано 19 постоянных членов новорожденной Академии наук.

Иран испытывал большую потребность в иностранных специалистах как непосредственно на объектах народного хозяйства, так и для работы в научных учреждениях. Из 30 тысяч таковых, прибывших в Иран, несколько тысяч функционировали в научных и практических организациях столицы в качестве советников и консультантов. Это были преимущественно выходцы из США, ФРГ, Англии, Франции, Югославии, Венгрии и из других промышленно развитых стран.

Спорт

Физическое воспитание культивировалось в Иране издревле. Как сообщали хроники, еще в эпоху Ахеменидов юные и молодые персы от 5 до 24 лет регулярно обучались стрельбе из лука, метанию копья, участвовали в конных скачках. Каждое утро организовывались забеги групп по 50 человек. Причем на крупных соревнованиях призы победителям в бегах и четырех других видах спорта вручал сам царь.

Физическая тренировка и в дальнейшем культивировалась в стране. Это особенно помогало в подготовке солдат. В сасанидской, сефевидской и

каджарской армиях юношей регулярно обучали комплексам физических упражнений: борьбе, поднятию тяжестей, владению различными метательными снарядами, фехтованию, а также другим соответствующим навыкам.

Однако на протяжении веков из всех видов спорта персы проявляли наибольшую приверженность борьбе и поднятию тяжестей, или иначе, по названию места проведения тренировок и состязаний, «Зурхане» (в переводе с персидского «Дом силы»). Начало деятельности этих «Зурхане» относят к VIII веку – периоду антиомейядского движения в Персии, возглавлявшегося Абу Муслимом. Под руководством этого лидера в Хорасане был создан атлетический клуб для занятий физическими упражнениями. Целью клуба была подготовка выносливых и сильных борцов для армии Абу Муслима. С тех пор местное население неизменно придерживалось данной спортивной традиции.

И на современном этапе «Зурхане» находится в большом почете в Иране: нет города в стране, где не было бы школы «Дома силы».

Крупнейшее «Зурхане» Ирана, так называемое, «зурхане Джафари»^{XI}, находилось в Тегеране на улице Варзеш (Спортивная) напротив Парке шахр (городского парка). Это было старостильное куполообразное массивное здание, которое уже своим внешним видом как бы демонстрировало проявление силы и могущества. Внутри здания стены и потолки помещений были покрыты яркими майоликовыми каллиграфическими и цветочными орнаментами. Выступали пахлеваны (борцы) на круглой арене

^{XI} - Джафари в прошлом был известным атлетом, затем стал бизнесменом, владельцем указанного «Зурхане».

– «гоуд». Они одевались в короткие, обтягивающие бедра и колени, покрытые сложными узорами, штаны.

Занятия в «Зурхане» традиционно использовались и как популярные зрелищные представления. Во все дни недели, кроме пятницы, тегеранцы и гости города могли присутствовать в том или ином «Доме силы»: либо в «Зурхане Джафари», либо в «Зурхане», расположившегося в здании «Национального банка Ирана» на проспекте Фирдоуси.

В первом отделении спортивных занятий атлеты выполняли сложный традиционный комплекс тренировочных упражнений со снарядами (булавами) и без них. Затем проводились парные поединки.

Они действовали в соответствии со специально разработанными для этой борьбы приемами и правилами, и установленным традиционным ритуалом. Руководил всем процессом состязания муршид (одновременно аккомпаниатор и певец), исполнение репертуара которого шло строго по этапам. Каждый из этапов являлся началом того или иного выступления. Настроение ритма церемониалу придавали удары в барабан и монотонное протяжное пение муршида.

Следует отметить, что такая глубоко зарегулированная традиционность поединков в «Зурхане» не привела ее к противоречию с требованиями современных видов борьбы, утвержденных на мировой арене. В последние десятилетия иранская школа «Зурхане» подарила миру немало спортсменов международного класса. К примеру, иранец Имами Хабиби в течение ряда лет был чемпионом мира и Олимпийских игр в вольной борьбе. В 1966 году иранская сборная выиграла мировое командное

первенство по борьбе. И в дальнейшем она сохранилась в качестве одной из сильнейших в мире.

В Иране 60-70-х годов, помимо «Зурхане», широко распространялись такие модные импортные виды борьбы, как карате, дзюдо, джиуджицу и другие. Интерес к ним усиленно подстегивался тем, что киноэкран и книжный рынок были заполнены сюжетами на эти темы. В Тегеране действовало много секций данных ультрасовременных разновидностей борьбы, и прежде всего каратистских.

Наряду с борьбой, в стране традиционно культивировалась и тяжелая атлетика. В 1948 году Иран впервые принял участие в Олимпийских играх, где в основном был представлен борцами и штангистами. С тех пор по этим видам спорта страна выиграла 29 олимпийских медалей. Среди тяжелоатлетов персонально выделялись штангист Салмаси, который выиграл бронзовую медаль на Олимпийских играх в Лондоне в 1948 году, и его коллега Намджу, рекордсмен мира среди штангистов легкого веса, чьи результаты были непревзойденными в 50-е годы.

В Иране развивались и другие виды спорта, главным образом летние.

Так, попрежнему было распространено конное поло – и это тоже традиционно иранский вид спорта – и, вероятно, зародился именно в данной стране. Иранцы утверждают, что в поло играли ещё во времена Дарьюша (Дария Великого).

Конный спорт, и прежде всего скачки, весьма привлекали тегеранцев. На ипподроме в Фарахабаде, что находился в южном пригороде

столицы, регулярно проводились конные соревнования. В скачках принимали участие как иранские, так и иностранные экипажи и наездники, лошади местных пород, а также приобретенные в арабских странах, Австралии, Новой Зеландии и Англии. Лучшими считались туркменские скакуны из Хорасана и лошади арабских пород. На фарахабадском ипподроме за первые места в скачках выплачивались вознаграждения до 100 тысяч туманов. Здесь же действовал тотализатор и разыгрывалась специальная лотерея. Всё это привлекало денежную публику и искателей внезапного обогащения.

В последние десятилетия особенно популярным стал футбол, и число его сторонников росло. В 60-70-е годы иранская национальная сборная по футболу достигла сравнительно больших успехов. Прежде всего, она стала победительницей «Седьмых Азиатских игр» (Олимпиады Азии) в 1974 году и чемпионатов Азии по футболу 1968 и 1972 годов. Она же участвовала в Олимпийских играх 1964, 1972 и 1976 годов. Причем на последней Олимпиаде по существу на равных выступала с лучшими футбольными командами мира. В 1977 году иранская сборная впервые пробилась в финал мирового первенства по футболу. При этом в финальных играх в Аргентине летом года, несмотря на ряд проигрышей, она снова зарекомендовала себя с лучшей стороны, показав, что по классу игры близка к сильнейшим командам мира.

И этот результат был не случаен – ведь Тегеран в указанный период был, может быть, самой футбольной столицей Азии. Тегеранцы были не менее темпераментными болельщиками, чем в Латинской Америке и

Европе. Билеты на матчи здесь были нарасхват, на стадионах яростно звучали, знакомые по другим футбольным центрам, свист, шум, гам; присутствовали усиленные наряды полиции: кордоны, оцепления.

В Иране выступало множество футбольных клубов, оспаривавших первенство на различных квалификационных уровнях. В высшей лиге играли 16 команд, представлявших футбол крупнейших городов страны: Тегерана («Шазбаз», «Хома» и другие), Исфахана («Зоубе охан»), Тебриза («Карханейе машинсази», «Карханейе трактор»), Абадана («Палаешгахе Абадан»), Бендере Пехлеви («Малаван»), Ахваза («Ниру»), Ширази («Персеполис») и другие.

В аристократических кругах Ирана популяризировался теннис. Корт для тенниса имелись во всех спортклубах северного и центрального Тегерана, а также в парках.

Хотя Иран страна жаркого пояса, в ней тем не менее нарастало увлечение лыжным спортом, главным образом слаломом в горах к северу от Тегерана, где располагались три основных лыжных района: Шамшак, Дизин и Абе Али.

Крупнейшие спортклубы находились в столице. В шахский период их всего было 88, где тренировались лучшие спортивные кадры страны. Тегеран располагал 29 стадионами, 40 спортивными залами и 105 бассейнами. Крупнейшим из стадионов был спортивный комплекс «Ариамехр», расположившийся к западу от столицы. Он был построен к Азиатским играм 1974 года, которые проводились в Тегеране, и прежде

всего в этом комплексе. Его стадион считался одним из крупнейших в мире и вмещал до 100 тысяч зрителей.

Следует отметить, что иранское правительство предложило Тегеран в качестве кандидатуры места проведения для Олимпийских игр 1984 года. Однако в результате голосования в международном олимпийском комитете предпочтение было отдано американскому городу Лос-Анджелесу.

После Олимпийских игр 1976 года правительство страны дало указание реорганизовать существующие спортивные организации и объявило о создании Министерства спорта и молодежи для централизованного управления физическим воспитанием населения.

Во многих школах Тегерана культивировались футбол, волейбол, баскетбол, плавание, гимнастика, настольный теннис. Для развития спортивного воспитания школьников использовалась система скаутов. В 70-е годы значительно возросли ассигнования на строительство новых площадок, закупку спортивного инвентаря. Это привело к увеличению контингента спортсменов в иранской столице. Так, в соответствии с правительственными данными, в 1977 году число участников официально проводившихся спортивных соревнований составило: волейбола – 35 тысяч, футбола – 18 тысяч, плавания – 16 тысяч, легкой атлетики – 17 тысяч, настольного тенниса – 45 тысяч, бокса – 1,2 тысяч, лыж – свыше 2 тысяч человек. Причем все более существенным становился процент участия спортсменок относительно к контингенту мужчин: в плавании и волейболе – до 70%, гимнастике – 40%, большом теннисе – 30%, настольном теннисе – 80%.

Конечно, спорт в Тегеране, несмотря на его значительное развитие, пока еще не являлся массовым и общенародным достоянием. Он в своей массе еще оставался уделом обеспеченных слоев населения, и вне его оставались обездоленные жители южных кварталов и других бедных районов тегеранского мегаполиса. Поэтому дети этого «рая» в своих играх зачастую довольствовались узкими полосками дорожек необустроенных переулков и даже тротуаров без покрытия, где увлеченно носились в столбах пыли. Для этих целей использовался любой пустырь и пространство между лачугами.

Экономическая деятельность

Нефтяное счастье Ирана

На рубеже XIX-XX-го столетий на юге Ирана обнаружили большие залежи нефти, а мировое сообщество всё более стало предпочитать жидкие углеводороды в экономике. Однако в первой половине XX-го века Иран всё ещё считался экономически слаборазвитой страной, каких наблюдалось много на азиатском континенте. Несмотря на огромное трудолюбие иранцев, финансовых средств у нее нехватало, чтобы удовлетворительно решать свои многочисленные социальные проблемы, и она десятилетиями прибегала к помощи за границей. Доходы же от экспорта нефти в сочетании с деятельностью иранского предпринимательства в какой-то степени способствовали некоторому росту государственного бюджета в первые десятилетия и обеспечивали некоторое экономическое развитие страны. Следует отметить, что подавляющая масса доходов от разработки иранских

нефтепромыслов, которыми полностью управлял английский капитал, а также от экспорта добываемой нефти присваивалась Англо-иранской нефтяной компанией (АИНК), и поэтому они исчезали за пределами Ирана. Упорная борьба иранской общественности против АИНК в первой половине 50-х годов привела к её ликвидации и замене международным консорциумом в составе американских, английских и французской компаний, а также к некоторому росту доли отчислений Ирану. Однако борьба иранского народа против иностранных собственников его нефтяных богатств продолжилась. К середине 70-х годов, когда международная цена на нефть увеличилась в четыре раза, поступления Ирана от экспорта нефти резко возросли, что позволяло увеличивать внутренние капиталовложения. Но вместе с тем иранцы пришли к выводу, что блага от нефти временные; и пока они есть, нужно создавать диверсифицированную экономику, которая гарантировала бы Ирану государственную хозяйственную самостоятельность. Экономическое развитие страны стало нарастать более высокими темпами. Так, к примеру, импорт Ирана с 1972 по 1976 гг. возрос с 2,5 млрд. до 12,7 млрд. долл.

Иностранные компании всё шире развивали сотрудничество с деловым миром Ирана, предлагая свои машины и оборудование, готовые изделия и продовольствие. Всё больше иностранных грузовых кораблей и танкеров стали пришвартовываться у причалов иранских портов: Бендер-Бушира, Хорремшахра, Бендер-Аббаса и Бендер-Шахпура. Нередко они месяцами ждали разгрузки в неподготовленных к таким объемам грузов гаванях. Так, по данным социальной комиссии Министерства экономики, только в августе 1976 года в южных портах было сосредоточено почти 2 миллиона грузов, переполнивших все наличные складские помещения и прилегавшие к ним территории. Вывоз вглубь страны был затруднен, ввиду неразвитости транспортной инфраструктуры и ограниченности автопарка. Поэтому

иранское правительство даже было вынуждено ежедневно платить по миллиону долларов штрафа за простои кораблей.

Вместе с тем, усилился поток автопоездов из Европы в Иран через территорию Турции. Многотонные, груженные до предела и оплаченные иранскими нефтедолларами, «Бедфорды», «Мерседес-Бенцы», «Вольво» и «Интернационали» следовали тысячи километров через многие государства, оставляя под откосами равнинных и горных дорог искореженные, с вывернутыми наверх шасси «бездыханные» останки части из них. Таков был «жертвенный стол» этих «больших гонок» международного бизнеса в иранском направлении. Подскочившая кривая смертности на этом пути толкнула назвать его «Дорогой смерти».

Даже новый чудо-мост через Босфор – грандиозное сооружение из стали длиной более километра, соединивший Европу и Азию, стал узок для резко возросших транспортных европейских перевозок, и в том числе в Иран. С 1974 по 1976 гг. его пересекли более 50 млн. автомашин. Поэтому турецкое правительство, желая использовать сложившуюся благоприятную для роста собственных доходов конъюнктуру, срочно приняло решение соорудить еще два моста через Босфор и Дарданеллы.

В Иране же представители буквально всего «предпринимательского племени» Запада и Востока слетелась в Тегеран, оккупировали отели, принялись осаждать иранские министерства, оффисы, компании, от которых раздражающе пахло большими деньгами. Наиболее расторопные и настойчивые предприниматели добивались наиболее выгодных контрактов, другие искали иные каналы для запродажи своей продукции. Иранская столица была буквально наводнена фирмачами и бизнесменами всех рангов из разных регионов мира. Они предлагали иранцам от консервированных сосисок и бананов до комплектных предприятий тяжелого машиностроения, атомных электростанций и новейших компьютеров.

Тегеранский регион периода правления шаха Мухаммада Реза Пехлеви был не только административным, но и крупнейшим экономическим центром Ирана. Первые шаги по созданию предприятий современной промышленности в столице были предприняты в начале 30-х годов XX века. «Малый Тегеран» (собственно город) был сравнительно тесным и неудобным для требований расширявшегося современного многоотраслевого промышленного производства. Поэтому объекты строились преимущественно в пределах «Большого Тегерана».^{x/} С 60-х годов он стал превращаться в крупный индустриальный центр и покрываться сетью (главным образом, в западных, восточных и южных пригородах столицы и в городах Центрального остана) промышленных предприятий. В его пределах была сосредоточена почти половина всей обрабатывающей промышленности, а также множество других экономических объектов страны. Между прочим, подобная картина была характерна и для столиц многих развивающихся государств.

Каковы были показатели по основным отраслям и направлениям в столичном регионе?

«Большой Тегеран» производил: 70% продукции общего машиностроения (в том числе 100% автомобилей), 100% электрооборудования, радио и телетоваров, около половины продукции химической промышленности, 35% текстильного производства, 85% пластмасс, парфюмерии, фармацевтики, около половины бумажной и полиграфической продукции, около 90% табачных изделий, почти 100% резиновых изделий, 65% кожевенного производства, 80% производства напитков. Центральный остан также располагал крупными

^{x/} - Кроме Тегерана в него входили города Кередж и Рей с прилегающими землями, то есть охватывал по существу пределы всего Центрального остана (провинции).

предприятиями цементной, кирпичной, конфекционной, пищевой и других отраслей промышленности.

Всего в столице и в прилегающих городах и других населенных пунктах функционировало более пятидесяти тысяч промышленных предприятий и мастерских. Подавляющая масса всех производств были мелкими, К крупным (такowymi иранская статистика считала производства с числом занятых свыше 10 человек в каждом) относились приблизительно 2 тысячи объектов, где работали около 150 тысяч человек. В Тегеранском регионе насчитывалось семь тысяч шеркетов (компаний), занятых в промышленности, торговле и банковских операциях, а также большой контингент неучтенных статистикой частных предпринимательств.

В «Малом Тегеране» господствовал преимущественно другой бизнес – торговый, банковский, страховой, строительный и, так называемого, общественного сервиса, хотя присутствовало также и немало производственных объектов. Однако они, в основном, были мелкомасштабными и функционировали издавна – то есть были «старичками» или «реконструированными».

Промышленные зоны столичного региона

Территориально наиболее развитым в экономическом отношении было западное направление — сорокакилометровый отрезок между Тегераном и Кереджем. Пространство между ними, практически на всем протяжении, было насыщено промышленными объектами. Так, почти все автосборочные заводы Ирана (а их было всего 14) раскинули свои цеха в Кереджском радиусе. Исключение составила только компания «Парс люкс», которая располагалась в пределах собственно «Малого

Тегерана». Общее производство автомобилей всех видов в Иране в 1977 году достигло 180 тысяч единиц.

Крупнейшая из автостроительных компаний «Иран националь» была создана в 1967 году при содействии английской «Руте Групп» и западногерманской «Даймлер Бенц» компаний. Она производила 100 тысяч автомашин в год. Среди них были легковые «Пейкан» (класса российского «Москвича 412»), автобусы «Иран националь» на 48 мест и микроавтобусы такого же наименования на 16 мест, а также различные специализированные варианты на базе указанных моделей. В октябре 1976 года, во время визита президента Жискара де Эстэна, в Тегеране было подписано соглашение об участии Франции в организации на предприятиях указанной компании производства автомобилей «Пежо». В результате претворения в жизнь этого проекта общая производительность компании превысила 150 тысяч автомашин в год.

Соседняя, действовавшая с 1968 года при содействии американских компаний «Дженерал моторс» и «Кайзер-Джип», компания «Иран Джип компани» (затем переименованная в «Дженерал моторс Иран») сначала производила легковые машины первого класса «Шахин» и «Ария» (копии соответственно «Рамблер 200» и «Рамблер-240»), а также джипы типа «Виллис». Затем в первой половине 70-х годов на смену указанным первым двум моделям пришла третья – «Шевролете Иран», именем которой стало называться и предприятие, ее производившее. С марта 1977 года на «Шевролете Иран» приступили к выпуску новых моделей – 8-ми цилиндровых легковых автомобилей класса «люкс» – «Шевролете ново» и «Бьюик эскои ларк».

Другие автомобильные заводы также занимались сборкой машин на базе импортных узлов и частей: это были компании: «Хавар» («Восток») – грузовики «Мерседес Бенс»; «Мораттаб индастриал» – джипы «Лэндроверы»; «Сайкл Джойнит Сток» – легковые «Фиаты»; «Замиад» – грузовики «Вольво»; «Иран Лейланд моторз» – грузовики «Лейланд»; «Худру сазане Иран» – минибусы, грузовики средней грузоподъемности и самосвалы по лицензии «Фиата». Постепенно в этом районе было развернуто производство деталей, узлов и других составных частей к автомобилям: шарикоподшипники, электрооборудование, карбюраторы. Соответственно выросли новые цеха и подсобные предприятия. Так, при содействии и на технологии известных американских компаний «Гудрич» и «Дженерал раббер энд тайр» было организовано производство автопокрышек и восстановление использованных таковых, а западногерманская фирма «Роберт Бош» участвовала в капитале компании «Ираниен отоматив аксесориз индастри», производившей свечи зажигания.

Как заявляли иранские официальные лица, в перспективе предполагалось перевести автомобильное производство в стране полностью на национальную основу.

На западе разместили свои предприятия промышленные общества из других отраслей: это «Ардж» (12-й километр Кереджского шоссе) по производству газовых плит, кулеров, электрокаминов, холодильников, водогреющих колонок (титанов) и т.д.; «Алладин» – печей, электроплит; «Байка» – промышленных кабелей; фабрика «Зех» (в Яфтабаде) – газовых плит и водонагревательных колонок; фабрика а/о «Шадан пур» (в Мехрабаде) – мужской, дамской и детской обуви; п/о

«Сан’ати Парс» (14-й километр Кереджского шоссе) – кондитерских изделий, жевательной резинки «Минд» и медикаментов. Строительство и ввод новых производств в этом районе продолжалось.

Сравнительно развитым промышленным направлением от Тегерана было и южное в сторону города Рея, где располагались два крупнейших в стране нефтеперерабатывающих завода (если не считать Абаданского НПЗ на побережье Персидского залива, работавшего в основном на экспорт). Каждый был мощностью по 5 млн. тонн нефтепродуктов в год. Первый вступил в строй в 1968 году, второй – в 1975 г. В их строительстве и поставке оборудования участвовал консорциум в составе западных компаний: «Мидл ист Флюр» (США), «Тиссен», «Штальюнион», «Маннесман» (ФРГ), «Антрепоз» (Франция) и другие.

Рядом с этими нефтеочистительными гигантами функционировали заводы по производству моторных и смазочных масел компаний «Парс ойл», «Тоулид-е Роуган Рифайнинг» и «Тоулид-е Роуган», построенные также при иностранном участии – американской «Луммус», а также английских фирм и банка «Уорбург энд Компани».

Получая нефть с промыслов южной провинции Хузистана, весь этот нефтеперерабатывающий и нефтехимический комплекс производил различные виды топлива (бензин, газойль, дизтопливо, керосин и т. д.), 30 разновидностей моторных и смазочных масел, другие производные, и обеспечивал своей продукцией транспорт и парк оборудования столицы и всех северных провинций страны. Хотя в Тебризе (в иранском Азербайджане) в 1976 году вступил в строй новый нефтеперерабатывающий завод (но тогда он еще только находился в процессе освоения своих производственных мощностей), а в Мешхеде велось строительство другого НПЗ, значение в данной отрасли заводов

тегеранского региона для иранского севера по-прежнему было велико. Здесь сказывались и такие факторы, как обширность номенклатуры продукции объектов и быстрый рост потребления нефтепродуктов в стране. Между прочим, нефть занимала особое место в энергобалансе Ирана и составляла в нем до 70%, что более, чем на 20% было выше среднемирового уровня, и в том числе США и Общего рынка. По иранскому пятилетнему плану (начиная с 1976 г.) на развитие только нефтехимии было предусмотрено ассигновать 7,5 млрд. долларов — по тому времени это была довольно грандиозная цифра, которая превышала годовой доход страны 10 лет назад.

Через столицу был проложен шедший с юга из месторождения Гадж-Саран к ирано-советской границе, в район Астары, мощный «Трансиранский газопровод». Его общая протяженность составила 1104 км. По нему в СССР ежегодно поступало около 10 млрд. кубометров природного газа. Этот газопровод имел ветки на близлежащие иранские города, и в том числе на Тегеран. Таким образом, столичный предпринимательский потенциал получил важное и дешевое для производства и для бытовых нужд топливо. Около 80 столичных промышленных предприятий к этому времени были переведены на использование природного газа, также началась газификация различных жилых районов центрального Тегерана.

На южном направлении от столицы располагалась большая группа цементных, кирпичных, текстильных заводов и фабрик, а также радиостанции.

Кстати, к востоку от Рея в маленьком городке Ганиабаде на Хорасанском шоссе еще с 30-х годов действовал один из старейших иранских заводов – медеплавильный. Его продукцию использовали не только промышленные объекты, но и многочисленные, работавшие

практически во всех уголках страны, кустарные мастерские: медников и чеканщиков по меди, бронзе и латуни. Только в районе Большого тегеранского базара («Базаре бозорг») их насчитывалось десятки, а в городе всего – свыше сотни. Распространение в Иране объектов, связанных с работами по меди, было обусловлено тем, что страна располагала крупными запасами меди: в Сарнаше (Керманский остан), Энареке (Исфаханский остан), в горах Энгурмехель (к северо-западу от Тегерана), Ахаре (Восточный Азербайджан). Общая добыча медного концентрата достигала 50 тысяч тонн в год. В частности, ежегодно производимые в Ганиабаде 5 тысяч тонн меди, полностью потреблялись внутри Ирана, так как медь, как и нефтепродукты, пользовалась чрезвычайно повышенным спросом в национальном хозяйстве.

На Мазендаранском шоссе, что примыкало к восточной окраине Тегерана и связывало столицу с северо-восточными и восточными районами страны, за кирпичными, а порой и ажурными металлическими, оградами, за рядами ухоженных деревьев и кустарников спрятались невысокие, почти незаметные коробки зданий радио- и телесборочных заводов акционерных обществ «Филлипс Иран», «Рэйдио Электрик Иран» и «Рэйдио Телевижн оф Иран». Только яркие фирменные эмблемы над автоматически управляемыми воротами давали возможность распознать их принадлежность и специализацию. Все предприятия были оснащены в основном оборудованием голландской фирмы «Филлипс» по соглашению, заключенному после посещения шахом в 1959 г. правления данной фирмы в городе Айзенхоп, а также оборудованием от японских компаний «Националь», «Пушиба» и венгерской компании по производству кинескопов. Производили они телевизоры, радиоприемники, различные проигрыватели, электролампы.

Всего объектов данной отрасли в районе иранской столицы было шесть и в них было сосредоточено фактически все производство такой категории товаров страны. В 1977 году в Иране было произведено свыше 300 тыс. телевизоров, а также столько же радиоприемников и магнитофонов.

По соседству с радио и телезаводами по обеим сторонам Мазендаранского шоссе находились предприятия других отраслей: по производству строительных, химических и парфюмерных товаров. Так, на 12-ом километре указанного шоссе стояли корпуса небольшого завода металлических изделий «Азмаеш» («Испытание»), производившего холодильники, кулеры, газовые плиты, электропечи, водонагревательные колонки, кровати.

В районе «Нармак», что фактически уже вошел в пределы собственно мегаполиса, уже не первый десяток лет действовал государственный завод пастеризованного молока, который являлся основным поставщиком молочных продуктов на столичный «стол».

Кстати, о государственном секторе, занимавшем доминирующие позиции в иранской экономике. Его история начиналась с 20-х-30-х годов XX-го века. Однако он получил развитие только с 50-х годов, когда в его собственности находились 34 хозяйственных объекта. За последовавшие два десятилетия количество государственных предприятий и организаций увеличилось до 55, среди которых располагались в Тегеране – это универмаг «Фирдоуси», Тегеранская автобусная компания, некоторые промышленные объекты, научно-производственные институты, электростанции и т.д. Между прочим, Тегеран входил в единую энергосистему группы крупных городов Ирана, в которую были включены также Менджиль, Исфahan, Ахваз, Арак, Сари,

Горган, Решт, Тебриз. Система обслуживалась 8 электростанциями. Пять из них были расположены в Тегеранском регионе и работали только на столицу (это ГЭС Кереджская, Латианская, теплоцентраль в Фарахабаде, а также ряд других тепловых и дизельных станций, действовавших непосредственно в городе и пригородах).

В последние годы электроэнергетический баланс Тегерана был весьма напряженным и в зимние месяцы власти были вынуждены периодически вводить режим экономии электроэнергии. В это время от торговцев требовали отключать светорекламы, меньше освещать торговые салоны и т. д. В летние дни предлагали владельцам магазинов торговать при электроосвещении только до 8 часов вечера.

Промышленные объекты «Малого Тегерана»

Тегеран с рассвета до глубокой ночи гудел словно гигантский, переполненный пчелами, улей, а его улицы зачастую погружались в дурманящую дымку газовых отходов от промышленных предприятий и транспорта. Отсюда его и прозвали, кроме всего прочего, самым отравленным городом Ирана.

В Тегеране была очень развита сеть мелких предприятий, обслуживавших как его внутренний потребительский рынок, так и частично нужды других городов. Это были пекарни и объекты, производившие прохладительные и спиртные напитки, обувь, конфекционные изделия, мебель и другие товары ширпотреба. Только вино-водочных заводов в Тегеране было сорок. Причем из всех спиртных напитков, производившихся здесь, наиболее распространенной была водка. Её ассортимент был весьма разнообразным:

«Смирновская», «Екатериненская», «Столичная», «Хавиёр» («Икровая»), «Бадхиз», а также различные виды «арака» – неочищенной водки.

К числу сравнительно крупных промышленных объектов относились лишь несколько предприятий. Это – прежде всего цеха по ремонту железнодорожной, авиационной и военной техники. В «Малом Тегеране» функционировала самая крупная в стране обувная фабрика общества «Кяфше мелли» («национальная обувь»), выпускавшая все виды обуви: дамские и мужские туфли и сандалии, сапоги, боты и т.д. – всего свыше 10 млн. пар в год. Продукция фабрики с эмблемой, изображавшей «Белого слона», производилась для различных слоев населения, и в том числе для массового потребителя – обувь изготавливалась не только кожаная, но и, главным образом, пластмассовая и резиновая простого кроя. Что касается обуви, рассчитанной на изысканные вкусы состоятельного покупателя, она была высококачественной из кожи или из кожезаменителей, скроенной по французским моделям. Оборудование предприятия было полностью импортным – из Франции, ЧССР и Японии. Фабрика постоянно обновляла свое оснащение, используя новейшие компьютеры. С помощью последних рассчитывалась также заработная плата рабочих и служащих, контролировались производство и внешние операции общества и т.п. Общество «Кяфше мелли» располагало в Иране 300 магазинами, из которых 75 действовали в Тегеране. Кроме того, его продукция экспортировалась: в соседние страны, Европу, и в том числе в Советский Союз, приобретавшего некоторые виды спортивной обуви и резиновых сапог.

На северо-востоке Тегерана на Шамиран-авеню, которому затем было присвоено официальное название Проспект Куруша (Кира), расположилась еще одна, однако меньшая по объему выпуска обуви, чем «Кяфше мелли», фабрика «Кафше Вьен» («Обувь Вены»), выпускавшая также разнообразные модели обуви, включая и спортивную. В Западном районе на улице

Эйзенхауэра было размещено акционерное общество «Сан» («Водонос»), бывшее самым крупным производителем трикотажа в Иране из нейлона, тревиры, а также имевшее производство гипшюра, тюля и прочие видов тканевых изделий. Поблизости, недалеко от Площади Шахъяд Ариамехр (Площадь Шахской памяти Арийской любви) действовал завод по производству безалкогольных напитков: Кока-колы, Пепси-колы, Канады драй, Севен ап и минеральной воды Абе Али. Рядом с ним располагалось производство компании «Пласкокар», занимавшееся выпуском изделий из пластмассы на технические и бытовые нужды. Особенно разнообразной была посуда: столовые, чайные и кофейные сервизы, покрытые миниатюрами на темы произведений средневековых иранских поэтов-классиков. Цены на эти сервизы были очень высокими и не уступали даже фарфоровым. Поэтому в 1975 году во время провозглашенной правительством «Кампании борьбы со спекуляцией» глава «Пласкокара» даже угодил в тюрьму.

Следует отметить высокое качество конфекционной продукции многих тегеранских фабрик, не уступавшее практически мировым стандартам, а сами изделия были разработаны с учетом элементов отечественного и восточного вкусов. Поэтому, зачастую, соседи Ирана предпочитали его конфекционные товары, а не европейские и японские, так как в последних отсутствовали, казалось бы, мелкие, но так импониовавшие восточным народам, элементы.

В 60-е годы XX-го века на Проспекте Шах (который был продолжением в западном направлении Проспекта Надери), а также в юго-восточном районе столицы – Тегеране ноу – начали функционировать компании по производству электробытовых приборов – это были: «Парс электрик» – радиоприемники и телевизоры, «Белер» – телевизоры, «Филко» – домашние холодильники. В 1976 году, ввиду ввода в Тегеране цветного телевидения, «Парс электрик» при

техническом содействии германской фирмы «Грундиг» приступила к выпуску цветных телевизоров «Парс».

По всему городу одиночными объектами, а на юге компактной массой, действовали всевозможные мастерские и мелкие производства: авторемонтные, столярные, кузнечные, слесарные, переплетные, гончарные, металлической посуды, самоваров, фурнитуры, сувениров и т.п. Всего их насчитывалось около 40 тысяч, только авторемонтных было свыше 1200.

Народные ремесла

Народные ремесла и ковро ткачество – особые области иранского традиционного производства, исполняемого на высоком мировом профессиональном и эстетическом уровне.

Кустарные ремесла

Они возникли в глубокой древности и развивались в народных массах на протяжении тысячелетий. Сегодня это национальное творчество Ирана видишь буквально повсюду: в горах, пустынях, садах, на побережье, в городах и удаленных поселках. Оно представлено изделиями домашнего ткачества, вязания, национальной одежды, обуви, ювелирных украшений, медными и керамическими предметами быта. Кашанские, исфаханские, азербайджанские, ширазские, курдские и хорасанские – вот обширная география производства ручных иранских ковров, считающихся лучшими в мире. Идя далее – это неповторимые шамшакские и лурские головные платки, мешхедские, расшитые цветами и узорами, полушубки, хорасанские ювелирные изделия, украшенные нишапурской бирюзой, мазендаранские яркоцветастые длиннопольные юбки и кофты, фарсидские воздушно-тюлевые, или яркие

парчовые одеяния женщин племен, орнаментальное золотое и серебряное шитье Шираза, глазурованные, люстровые изделия из фаянса и меди Исфахана, сосуды из меди, бронзы и серебра с чеканкой и резьбой Тебриза, Исфахана, Тегерана и других городов.

Если говорить о Тегеране 70-х годов XX-го века, то он, как и всегда, представлял собой главную витрину народных ремесел. Их произведения в обширном ассортименте продавались в столичных магазинах, лавках и отелях, выставлялись в галереях, а также широко представлялись на «Базаре бозорг».

Лучшие образцы богатого «арсенала» народного творчества находились в Музее народного искусства. Ознакомление с его экспозицией позволяло увидеть не только богатое разнообразие приложения народного чувства прекрасного в предметах потребления и окружения иранцев, но и отметить повсеместное развитие ремесел на иранской территории.

Вместе с тем Тегеран выступал и как активный участник этого творчества: в столице трудились около 47 тысяч кустарей и ремесленников. В узких и скученных переулках «Базаре бозорг» и прилегавших к нему улицах, в закопченных и тесных мастерских, рождались рукотворные изделия медников, чеканщиков, лудильщиков, инкрустаторов – их изделия были необходимы как в быту, так и в виде предметов роскоши.

Здесь можно было встретить мастерские, где занимались инкрустацией перламутром и слоновой костью шкатулок, рамок для фотографий и картин. Особенно популярны были портреты шиитских святых (причем, даже пророков – Мухаммада и Али). В других мастерских покрывали посуду серебром, ткали на изделиях узоры серебряной нитью, производили травление по металлу, производили медные светильники и тазы.

Вот, к примеру, кувшины, медные или серебряные, – тонкая и сложная узорчатая работа. Состояли они из нескольких спаянных выгнутых и отделанных деталей: опорного основания, округлого или по бокам

сплюснутого корпуса, трехступенчатого горлышка, фигурной ручки, такой же крышки, вытянутого носика с «утиными» губками и из других деталей – все формы и украшения изделий определялись задумками мастера. Наиболее ценились кувшины с плоскими боковыми стенками, на которых вычеканивался тонкий рельефный восточный узор, либо арабской вязью наносились слова и изречения из Корана или из стихов Саади, Хайама, Фирдоуси и других иранских поэтов.

Еще более чеканные узоры встречались на блюдах и подносах. Во всевозможных вариантах чеканки проявлялись вкус, квалификация, уровень мышления, настроение, чувство ритма – в общем, мир и душа ремесленника. Чтобы нанести захватывающий, полный упругости и взлета, узор, вензель, необходимо было большое мастерство, а не просто соблюдение правильных пропорций их частей. Иногда что-то более выпячивалось, некая дуга вылезала за пределы симметрии строгой геометрии, где-то в узорах делались акценты, подчеркивания, утопления – то есть задавалась «мелодия», выраженная средствами чеканки. У одного «правила бал» изящная экспрессия, игра оптимизма, взлет и скорость, твердость и уверенность руки. У другого же за внешней обыденностью линий, не выигрывавших на первый взгляд сравнительно с увлекательными экспрессивными вензелями, просматривалась философская глубина и мастерство иного стиля, и, может быть, более высокого класса, чем у молодого задора предыдущего мастера. И эту особенность мог определить лишь опытный глаз, либо, неосознанно, сердце того покупателя, который инстинктивно следовал по жизненному пути в рамках именно такого характера творчества.

Так что, если взглянуть более широко на ремесленный «ассортимент», то покупателям предлагался не просто товар, но и его настроение, включая и социальное, и душевное.

Чтобы понять национальную специфику диапазона художественного выражения иранского ремесленника, необходимо было войти в историю жизни этого народа, дышать его душой, мышлением, условиями существования. В искусстве чеканки, инкрустации, майолики, в сложных каллиграфических кодах религиозных заклинаний иранцы получали определенный философский ответ своим национальным и личным исканиям. В дополнение к этому утвердившийся в сознании иранцев шиитский мистицизм приносил свою гамму узорных, цветовых и каллиграфических отношений, форму и набор предметов быта и общественного пользования.

Так что изделия ремесленников Ирана представляли собой наследие, потребность и душу его народа.

При этом нельзя упомянуть еще об одном распространенном виде ремесла – инкрустации по дереву. Хотя она преобладала больше в Ширазе и Исфахане, вместе с тем и некоторые тегеранские умельцы не уступали им в этом по мастерству исполнения. Они делали различные деревянные шкатулки, письменные приборы, обильно инкрустированные узорами из маленьких кусочков перламутра, слоновой кости или пластмассы. Иногда делались вкрапления из драгоценных камней, чаще из бирюзы.

Следует отметить, что вышеприведенная характеристика касалась только круга высокохудожественных произведений ремесленного творчества. Основная же масса изделий делалась на основе подражательства и штампов. Подчиненность ремесел коммерции наводняла местный рынок «морем» дешевого штампа. Эта тенденция в условиях острой конкуренции изделий промышленного происхождения угрожала вырождению «высокого кустарного производства». Ремесла хирели, мастера бросали свою профессию. Данное явление вызывало беспокойство у иранской общественности.

В 60-70 годы были созданы школы – «хунаристаны» (типа профессионально-технических училищ), центры по организации производства

или приобретения кустарных изделий. В Тегеране по всем каналам общественной информации стали широко пропагандироваться и рекламироваться лучшие образцы народных мастеров, устраиваться конкурсы ремесленных работ.

Орудия труда ремесленников были простые: молоточки, стамески, зубила и отвертки разных размеров и другие принадлежности ручного труда. Над каждым изделием ремесленники работали долго и кропотливо. Часто использовался детский труд – преимущественно сыновей, а также родственников. Они выполняли в основном простые операции: делали заготовки деталей, иногда спаивали их в единое целое, наносили простые узоры. Однако наиболее квалифицированную часть работы выполняли сами мастера и их взрослые наследники, имевшие многолетний опыт производства ремесленных изделий. Постоянная напряженная работа приводила многих из них на старости к значительной потере зрения и легочным заболеваниям.

Многие ремесленники, встречая трудности в реализации своей продукции, были вынуждены прибегать к помощи перекупщиков. Последние, приобретая те изделия по заниженным ценам, затем продавали их втридорога в люксовых антикварных магазинах северного Тегерана, в частности, в пассаже «Сефевидского базара», что располагался на проспекте Пехлеви, в магазинах антикварных и кустарных изделий на проспекте Куруша (Кира), улице Надери, или в отелях.

Ковры Ирана

Ковровые изделия Среднего Востока, Кавказа и Средней Азии славятся во всем мире. Их производители – Иран, Афганистан, Туркмения, Азербайджан, а также республики Северного Кавказа.

Исторически ковровые изделия обеспечивали быт кочевых племен, а также обустривали жилые помещения жителей деревень и городов. Совершенствуясь из поколения в поколение, это ремесло переросло в массовое народное искусство.

Персидские ворсовые ковры известны в истории с древнейших времен. Как сообщали хроники, арабские завоеватели захватили в покоренной сасанидской столице Ктесифоне великолепный ковер из золотых и серебряных нитей, украшенный многочисленными драгоценными камнями. Центрами ковроткачества в Центральной и Южной Персии были Исфахан, Кашан, Кум, Ахваз, Бам, Захедан. Что касается ковроткачества в северной Персии, здесь в течение ряда веков кочевали многочисленные тюркские племена. Большая их часть затем проследовала в Малую Азию, где основала государство османов, а меньшая – осела в Закавказье, северном Иране и Закаспии: Горгане и Хорасане. В этих племенах имелись свои глубокие традиции ковроткачества и техники узловязания. Наиболее известными и популярными ковровые изделия были из Тебриза, Горгана и Мешхеда. Соседи – персы и тюрки – обмениваясь в процессе взаимного «сожительства» культурными ценностями, перенимали достижения друг друга в производстве ковров, и таким образом впоследствии выработалась по существу единая система ручного производства этих изделий на горизонтальных и вертикальных станках.

Персидское ковроткачество особенно широко стало культивироваться с XVI века. Именно тогда начался организованный экспорт персидских ковров в Европу через Стамбул. Имевшиеся в

экспозиции крупнейших музеев мира персидские ковры прошлых веков стали рассматриваться как одни из ценнейших сокровищ.

И на современном этапе авторитет иранских ковров сохранился на чрезвычайно высоком уровне, как на их родине, так и за границей. Иран остался крупнейшим производителем и поставщиком на международный рынок ковров и других ковровых изделий: в середине 70-х годов XX-го века их производство достигло 1 млн. квадратных метров, а доля в мировом экспорте – 70-80%. Основными покупателями иранских ковров выступали ФРГ, Швейцария, Англия, США и другие западные страны. После 1973 года, когда многократно возросли доходы от нефти, Иран стал сокращать вывоз своих ковровых изделий за границу.

Ручное ковроткачество развито в Иране практически повсеместно. В 70-е годы почти у каждого ковродельческого района была своя специфика продукции: по композициям, рисункам, размерам и формам. Основными центрами ковроткачества являлись Хорасан, Исфахан, Азербайджан, Керман и Курдистан.

Особенно ценились ковры города Кашана за тонкий перламутрово-шелковистый на просвет ворс, менявший цвет и оттенки в зависимости от силы и направления освещения. Он играл едва уловимыми глазом переходами цветовой гаммы. Высоки по искусству исполнения были яркие и сочные отработанными орнаментами, узорами, рисунками и чистыми красками исфаханские, тебризские и керманские ковры. А ведь ковроткачество – это исключительно трудоемкая и кропотливая работа.

Если рассматривать только основу ковра, то в лучших из них в каждом квадратном дециметре количество узлов достигало десяти тысяч.

Ковроткачеством в Иране главным образом занимаются женщины, начиная с детского возраста. В течение месяца упорного труда над ковром высшей категории они в состоянии преодолеть не более 20-25 сантиметров при ширине участка работы до метра. А весь процесс рождения ковра длится месяцами и даже годами. Зачастую, оценивая жизненный путь той или иной женщины, в Иране говорят – сколько она соткала ковров и как они ценились в округе.

Естественно, менее сложные по исполнению и качеству ковры требовали меньших затрат труда.

Однако на этой ниве преуспевали также и мужчины, а ряд из них пользовался славой лучших ковровых мастеров. Так, известный «уstad» (мастер) Рассам Арабаде, живший в Тегеране, соткал ряд уникальных ковров, и в том числе под названием «Шахнаме», состоявший из 870 оттенков, 21 миллиона узлов, каждый связанный четырежды.

Изготовлением ковров в домашних условиях занимался практически весь состав семьи – отбирали и готовили шерстяную (а иногда и шелковую) пряжу для основы, утка и ворса ковра, красили её и только затем наступал главный процесс – ткание ковра. Причем для окраски шерсти применялись только растительные красители, которые не теряли яркости в течение сотен лет. После того, как кончался процесс ткания, ковер многократно промывался, его стригли и освобождали от «партизанствующих» ворсинок.

Единственное новшество, которое ныне коснулось ручного изготовления ковров – это изменения в организации труда. То есть, не исключая домашней формы производства, на, так называемых, ковровых фабриках ковры ткются вручную на вертикальных станках (модификация горизонтальных ручных станков). Здесь, как и в домашних условиях, орудиями изготовления ковров остались традиционные нож, гребень и ножницы. Кроме того, ввиду усложнения рыночных отношений в Иране и за рубежом, а также желая внести рациональность и стимул в систему организации коврового предпринимательства, государственная национальная иранская ковровая компания взяла на себя осуществление полного контроля над этой традиционной отраслью иранского ремесла.

Об огромной трудоемкости ковроткачества говорил ещё и такой примечательный факт. В Исфаханском «Хунаристане» (училище изящных искусств) в течение 1970-1976 годы под руководством мастера Хакики был изготовлен огромный ковер размером 11x11 м (121 квадратных метров). Эскиз этого тканного чуда был разработан миниатюристом-профессором Джавадом Рустамом Ширазе. Тридцать две мастерицы, посменно сидя длинным рядом на скамейке, целыми днями ткали на вертикальном станке ковер-гигант. Каждой из них был дан участок шириною 80-100 см. Общий вес готового ковра составил 600 килограммов, в том числе 400 килограммов шерстяных и 200 килограммов шелковых и других нитей. Для цветовой гаммы ковра было использовано тридцать различных цветов, которые в различных сочетаниях создавали ощущение бесконечности оттенков. По окончании ковер был перевезен по месту своего назначения в Тегеран и украсил приемный зал Меджлиса.

Хотя иранская столица меньше, чем другие районы страны занималась производством ковров, она выступила главным национальным торговым центром, куда стекались ковровые изделия со всех уголков Ирана. В Тегеране

расположены крупнейшие в Иране салоны и маркеты по продаже ковров. Лучшие салоны можно было встретить на проспектах Фирдоуси, Пехлеви, Куруша, Фарах, Надери и других центральных улицах. Недавно в парке Фарах (Фарах Дибба – жена шаха Мухаммада Реза Пехлеви) был открыт специализированный Музей ковров, разместившийся в плоском двухъярусном здании галерейного типа.

Продавались ковры и бродячими торговцами. У них не было своего торгового стационара. Это были главным образом приезжие люди из селений. Они развешивали свои товары (а это бывали не только ковры и паласы, но и другие потребительские вещи: сумочки, платки и т. д.) на заборах, либо расстилали прямо на тротуаре, а вечером в сумерках (если до этого их не прогоняла полиция) собирали свой небольшой ассортимент. Иногда встречались торговцы, которые, перекинув ковры через плечо, предлагали свой товар прямо в уличной суতোлке, медленно продвигаясь среди прохожих, или застывших в ожидании зеленого света у светофоров легковых автомашин.

Самым крупным торговым центром ковров в Тегеране являлся «Базаре бозорг» (Большой базар). Если войти в него через центральный вход, то по главному торговому пассажиру – за рядом лавок стекла и конфекционных товаров – начиналось «царство» ковровой торговли. Здесь была сосредоточена розничная и оптовая продажа ковров. Ими были покрыты все стены и полы лавок – ковры с традиционными орнаментами и ковры-картины, на которых живописно были изображены герои иранских эпосов и поэм: Рустам, Феридун, Див, главные святые ислама Мухаммад и Али, шахи, томные красавицы. В отличие от лавок других товаров, где наблюдалась бойкая суэта торгового бизнеса, здесь жизнь шла неторопливо, степенно и (если не считать вторгавшихся стаяк оживленных иностранных туристов, облеплявших ту или иную лавку, и так на заведенном в их программе тура быстром темпе проносились с галдежом, и исчезали в базарной дали) покупателей было мало

видно. Однако обороты в данном районе намного превосходили другие более суетные ряды базара, потому что товар тут был особенный и чрезвычайно дорогой. Да и покупатель приходил сюда только состоятельный. Оценка ряда ковров достигала стоимости лучших западных марок автомобилей. Цена одного квадратного метра высококачественных ковров составляла от 3 до 5 тысяч туманов (4-7 тысяч долларов). Стороны (покупатели и продавцы) торговались по ценам на ковры подолгу и даже неоднократно: переговаривались, медленно потягивая чай, прощались по нескольку раз, и снова возвращались к предмету предполагаемой сделки. Хозяин лавки, любовно поглаживая ворс развернутых ковровых рулонов, вел умелый и увлекательный рассказ-историю каждого ковра; назывались: количество узлов в каждом сантиметре, качество шерсти, красителей, искусство мастериц-создательниц ковра и прочее.

Переговоры о купле-продаже ковра – это сложный разговорный церемониал, не уступавший, вероятно, по своей тонкости таковым в бытность королевских дворов Запада и Востока XVII-XVIII веков. В ходе беседы продавец и покупатель показывали друг другу, какие они истинные мусульмане, и как чтят добропорядочность и воздержанность. Во многих ковровых лавках висели зеленое треугольное знамя Пророка Мухаммада, портреты особо почитаемого у шиитов святого Али, зятя Пророка. Здесь же были расположены ладанницы, курившиеся фимиамом; гостю предлагались «кальяны» (приборы для курения табака через воду). Часто на стеклянном сосуде «кальяна» были изображены популярные в иранской истории шахи Аббас I либо Насреддин. Ковроторговцы «Большого базара», в своем большинстве консервативные мусульмане, были радетелями национальных традиций. Они строго соблюдали все предписания ислама, ежедневно совершали пятикратный намаз (молитву). Они ранее других гильдий закрывали свои лавки, а в четверг не работали практически со второй

половины дня; в пятницу базар был закрыт. Многие из купцов были очень состоятельными людьми, имели зажиточные дома не только в Тегеране, но и в других городах страны, а также в окрестной столице курортной зоне; они разъезжали на новейших западных и отечественных моделях автомобилей.

Бродячие же торговцы, сбывая долговременный труд своей или соседней семьи, стремились получить весомое вознаграждение за те лишения, которые они испытали в процессе производства этих ковров, которые зачастую представляли собой надежды будущего семейного благополучия. В случае удачи, они возвращались в родное селение и покупали землю и что-либо другое для обычной крестьянской жизни.

Машинное производство ковров так и не привилось в широких масштабах в Иране. В качестве иллюстрации пренебрежения к этому «инородному» способу ковроткачества, на «Большом базаре» в Тегеране фабричные ковры не были допущены в ковровый ряд и продавались в другом районе этого базара среди лавок тканей. В 70-е годы XX-го века машинное производство ковров в Иране едва достигало 100 тысяч метров в год.

Рабочие руки Тегерана

Трудовой ритм жизни города поддерживали и обеспечивали около полумиллиона наемных тружеников. Это были те, кто создавал автомобили «Пейкан» («Копьё») и «Шевролете Иран», электрооборудование, иранские радиоприемники и телевизоры, перерабатывал хузистанскую нефть в бензин для автотранспорта и самолетов «Иран Эйр», а керосин – для бытовых нужд населения, подавал природный газ на хозяйственные объекты и в жилые дома, плавил медь и чугун, водил тепловозы и оранжевые такси, выпускал яркие цветастые хлопчатобумажные, нейлоновые, а из шерсти строгих тонов, ткани и изделия, производил наимоднейшую обувь «Кяфше мели», обслуживал в

замасленных комбинезонах на бензоколонках столичный автопарк, грузил и развозил фуры «Кока-колы», «Пепси-кола» и других прохладительных и спиртных напитков, стучал молотками в кустарных мастерских жестянщиков и медников на улицах Бузарджимехри, Насер Хосроу, Амира Кабира в районе «Большого Базара», обеспечивал столичный стол широким ассортиментом пищевых продуктов, служил в государственных ведомствах и частных офисах, создавал многогранный городской сервис и еще многое другое. Это – те, кто ютился в узких переулках южного Тегерана и в других, удаленных или необустроенных, районах города, а также в окрестных поселках и спутниках столицы – Ганиабаде, Давлатабаде, Нармаке и т.д.

Они первыми начинали трудовые будни Тегерана, с ранними проблесками рассвета отправляясь на работу, где пешком, а где на редком автобусе, – ведь хозяева и начальники могли наложить штраф или уволить – а затем завершали трудовой день, когда ночь накрывала темнотой город.

Во втором по времени утреннем «эшелоне» отправлялись трудиться служащие банков, государственных учреждений, офисов, торговых компаний. Тогда улицы заполнялись тучами автомашин и мотоциклов – то уже ехала более состоятельная категория населения — чиновники, служащие и начальники всех мастей и калибров. Подавляющая масса их направлялась из северного, западного и восточного жилого «веера» столицы в центральную часть города, чтобы вечером совершить обратный путь. В совокупности все эти периоды дня были «часами пик», когда нужно было хорошо знать транспортную ситуацию, чтобы без многочисленных помех и быстрее добраться до своего места работы, а затем – обратно.

Естественно, описание жизни и труда рабочих, мелких служащих, ремесленников, подмастерьев, поденщиков и других низкооплачиваемых слоев столицы в 70-е годы даже в общем плане было задачей практически трудновыполнимой. Ввиду этого представляется целесообразным

ознакомиться только с рядом эпизодов на основе личных впечатлений, выхваченных из коротких мгновений непосредственного соприкосновения с рабочим людом того времени, но вместе с тем характеризующих, хоть краем, условия жизни, работу и портреты тружеников.

В Тегеране внимание случайного наблюдателя, попавшего сюда на весьма ограниченный срок, прежде всего, привлекали строительные рабочие, так как строительные площадки встречались буквально на каждой улице.

Вот, к примеру, район отеля «Интернациональ» – тогда одного из немногих многоэтажных крупных зданий в северо-восточной части Тегерана. Он был расположен на стыке двух проспектов Куруша (царя Кира) и Дарьюш» (царя Дария). С лоджий «Интернационаля» хорошо просматривалась довольно обширная площадь прилегающих кварталов. Это был район тесных улочек, разноплановых частных двух-трехэтажных домов средней руки и с редкой окружающей растительностью, робко выглядывавшей из-за глиняных заборов. Метрах в шестидесяти от отеля за пустырем велось строительство трехэтажного дома. Он имел обычную для данного района зауженную форму. Сначала, в течение нескольких дней, здесь одиноко чернели сваи каркаса, а на них изредка висели медлительные фигуры строителей. Затем перед стройкой появилась крохотная кучка кирпича. К вечеру она исчезла, а утром снова возникла, и так повторялось ежедневно. Вся работа выполнялась вручную. Для подъема кирпича и раствора использовалась веревка, перекинутая через закрепленное на верхнем уровне колесико. Первый от земли свайный пролет, т.е. нижний этаж, постепенно закрывался кирпичом, и таким образом месяца за полтора строители сумели построить лишь первый этаж. Конечно, такие примитивные методы были мало производительными, зато для осуществления строительства дома требовались лишь живая рабочая сила и традиционные стройматериалы, которые обходились без использования сложной и дорогостоящей техники.

Это удешевляло строительство, и пока что соответствовали требованиям частного домостроительства, тем более, что в Тегеране того времени находилось много «свободных» рук, пришедших из провинций и желавших подработать на строительных подрядах.

Ну а в непосредственной близости как выглядели такие строители из деревень? Вот пример с другой соседней новостройкой. У тротуара также лежала куча из кирпича, битого камня, кадушка для замеса цемента, пара деревянных балок – все это выглядело миниатюрно и аккуратно. Солнце давно ушло за горы, и улица медленно погружалась в сумерки. Рабочий день уже закончился, и трое рабочих-строителей, усталые, но довольные сделанным за день, уселись в кружок перед строившимся ими домом, вплотную с уличным тротуаром. На растеленном на земле большом платке лежали куски лаваша, сахара, а в руках п्याлушки; они медленно пили чай – и в этом моменте виделся простонародный досуг по окончании трудового дня. Все трое строителей – Хароз, Маджид и Фатех, родом из горной деревушки Мазендарана (северная прикаспийская провинция), возрастом от 25 до 37 лет, женатые, имели детей, семьи остались дома в горах. Приехали на лето в Тегеран, и подрядились на постройку данного дома на улице Дарьюша (царя Дария). Строение было частным, принадлежало зажиточному торговцу, По его замыслу, на первом этаже предполагалось разместить магазин, а на втором и третьем – жилые комнаты. Строители сказали мне, что их заработки неплохие – каждому по 2,5 тысяч туманов в месяц (около 150 долларов). Причем в то время стоимость американского доллара в мире была раза в полтора выше, чем в настоящее время. Они надеялись осенью закончить работы и вернуться в деревню с неплохими деньгами. О дальнейшей судьбе заработка они сказали так: «Хароз задумал купить мотоцикл, а Маджид и Фатех – одежду и различную утварь для близких».

Следует отметить, что таких строителей-отходников в Тегеране было немало. В городских кварталах часто можно было видеть простецкие, почти кочевнические, коричневые или серые выцветшие и грязные палатки, а также убогую походную утварь: залежалые постельные принадлежности и закопченную вконец посуду, – которые находились рядом с лесами домов. По размаху и деталям этих лесов угадывались будущие довольно просторные апартаменты. Таким образом, уют зажиточных тегеранцев преимущественно создавали руки бедняков из окрестных и дальних деревень.

Как обстояли дела и оплата труда в других сферах городского обслуживания?

Основой питания простонародья был хлеб, которым население Тегерана обеспечивали многочисленные мелкие пекарни. Самым распространенным видом национального хлеба в Иране являлся пшеничный «нан» – это плоские удлинённые лавашо-подобные пресные выпечки шириной в 30-40 сантиметров и длиной до метра. Выпекались они в своеобразных печах – «тандырах», представлявших собою тщательно обмазанную глиной и отшлифованную яму — колодец в земле, два метра глубиной. Нагрев ямы осуществлялся разведением огня на ее дне, либо извне через специально сделанное отверстие-подачу огня в нижнюю часть ямы. Выпечка «нана» – полностью ручная работа, где требовался большой опыт и сноровка пекарей. Самую ответственную функцию в пекарне выполнял работник, сидевший, скрестив ноги, у края ямы — этого огнедышащего горнила. Лицо и руки работника были обвязаны тканью, яма же – также была прикрыта плоской крышкой. Принимая из рук подсобного рабочего лопатку с заготовкой из теста, он быстро открывал крышку и ловко прилепывал тесто к стенкам печи. Всего в яму закладывалось от двух до четырех кусков, в зависимости от их размера. Испеченный «нан» доставался из печи при помощи специального

крюка, так как в первые минуты к хлебу нельзя было притронуться, настолько он был горяч.

Работник у ямы получал наивысшую оплату из всех пекарей, так как его труд в высокотемпературном режиме являлся самым опасным, и от него во многом зависело качество выпечки «нана». В 1976-1978 гг. тегеранские пекари получали в среднем по 30-40 туманов в день или 900-1200 ежемесячно – то есть оплату где-то на уровне 50-75 долларов в месяц, позволявшую, в условиях довольно интенсивно развивавшейся в стране инфляции как-то сносно поддерживать минимальные расходы семей. Для сравнения следует иметь в виду, что килограмм мяса тогда стоил 20-25 туманов, хлеба 1-2 тумана, сахара — 15-20 туманов.

Особенно высокими были ставки за аренду жилья: за комнату без коммунальных удобств – 700-1000 туманов, а за электрифицированную и с водой — уже до 2-2,5 тысяч туманов (100-150 долларов) в месяц.

Таким образом, зарплату пекарей можно было считать низкой и в сравнении с таковой некоторых категорий рабочих промышленности и строительства. Так, в 1976 году планово-бюджетная организация объявила размеры почасовой заработной платы строительных рабочих на государственных объектах: каменщики — 100, чернорабочего — 30, бетонщика 90, плиточника — 100, каменотеса — 100, плотника 90, кузнеца — 75, водопроводчика — 70 туманов. Фактически рабочие промышленных предприятий и водители транспорта получали от 1000 до 2000 туманов в месяц. Хотя, по сообщению властей, за год зарплата в среднем возросла на 37,5% (а это происходило нерегулярно), следует учесть нейтрализующую силу инфляции, темпы которой в последние годы составляла по 10-15%.

Дети многих иранских трудящихся рано вступали на трудовую стезю. Это касалось не только тех, кто быстро уходил из школы и окончательно

связывал свою жизнь с физическим трудом или работой в сферах торговли или общественного сервиса, но и учащейся молодежи в целом.

Вот, к примеру, Якуб – юноша 17 лет, шофер заказных такси. Говорил он мало. В его натуре чувствовалась целеустремленность и добропорядочность. Он хотел честно зарабатывать свой хлеб и идти трудным путем приобретения знаний. Из бесед с ним выяснилось, что он собирался поступить на учебу в Тегеранский университет, а пока в перерыве между школой и ее более высокой ступенью – вузом, временно устроился в компанию заказных такси. Поработав два месяца, решил две недели провести в деревне и затем приступить к сдаче экзаменов в университет.

Таких примеров о тегеранской молодежи можно было привести много.

Что касается менее перспективной детской судьбы, то представился пример в лице уже мальчика.

К востоку от Тегерана, по пути к освященной легендами белоголовой конической горе Демавенд — «иранской Фудзияме», километрах в двенадцати от города, когда пришлось ехать в составе группы советских спецов-ирригаторщиков, в покрышке колеса нашего «Шевроле» обнаружился прокол. Шофер свернул к придорожной автомастерской, около которой уже стоял еще один потерпевший — старенький «Додж» модели «три-четверти». Мастерская – это был одинокий маленький домик на солнцепеке, выкрашенный известью. Вокруг него на земле были многократно отпечатанные масляные разводы, придававшие ей густой черный цвет. Хозяином мастерской был крепко и просто скроенный мужчина лет 32-35. Принадлежности для работы у него были примитивные, но, как показало дело, самые нужные для авторемонта: наковальня, кусачки, молотки, набор болтов и гаек, резиновые куски, утюг, переделанный под горячий пресс, и прочая мелочь.

Но главной достопримечательностью мастерской был сын хозяина, - мальчик 10-11 лет. Чем же он привлек наше внимание? А тем, что просто и

проворно работал. Причем делал свое дело молча и без суеты – профессионально затирал наждаком поврежденные места автокамер, смазывал клеем, лепил заплаты и прижимал их подогретым утюгом к камерам, споро размонтировал очередные покрышки. Безделья себе не позволял: закончив одну, сразу же шел за другой работой. Это был хороший помощник своему родителю, и в глазах последнего мы читали гордость, наложившую отпечаток и на его добродушную отцовскую улыбку.

– Это ваш? — спросил я.

– Мой сын, — ответил хозяин.

– А зовут как?

Отец повернул голову к сыну:

– Он сам скажет.

– Рустам, — смутился мальчик.

Вот он схватил камеру из-под утюга и, проворно накачав насосом, энергично погрузил ее в воду.

– Он учится? — продолжил я разговор с отцом.

– Да, в школе. Сейчас каникулы, вместе зарабатываем, а через месяц немного отдохнет и снова пойдет учиться.

На первый раз заплатка оказалась неудачной – пропускала воздух. Хозяин повторил операцию заклейки, только на третий раз опущенная в воду камера перестала пускать пузыри. Отец и сын совместно быстро вправили камеру и покрышку в обод, прикрутили к оси автомобиля – теперь можно было двигаться в путь.

– Спасибо вам за хорошего сына, – сказали мы на прощание хозяину.

Он был доволен. «Шевроле» выкатился на черную, раскаленную от солнца ленту шоссе и унесся в горы. Но еще долго в сознании стояла картина – крохотный белый домик под палящим солнцем на краю дороги, отец и сын,

делавшие сервис проезжим автомобилям. Трудлюбие сына, гордые глаза отца на фоне однообразной и безжизненной пустыни – таков был богатый смысл этого эпизода.

Конечно, привычка к труду с детства – это хорошее качество. Но когда часто видишь детей на профессиональной работе: в роли подмастерья, торговца кока-колы, подносчика в кафе, мойщика посуды, водноноса, то невольно приходишь к пессимистической мысли, что с юных лет энергия целиком тратится на заработок для семьи (хотя в существовавших тогда социальных условиях это было необходимо), то есть теряется самое лучшее время для учебы, умственного и духовного роста юного организма. В этом пока, в частности, и заключался один из драматических моментов тогдашнего развития иранского общества. Детство, лишённое своего оптимального развития, не могло обеспечить население оптимальной высокой профессиональной квалификацией, снижало таким образом общенациональный коэффициент отдачи труда.

Торговля в столице

У непосвященного и скорого очевидца, как правило, создавалось впечатление, что главная функция деловой жизни иранской столицы – торговля. Конечно, многочисленные магазины и дуканы (лавки) тянулись нескончаемыми рядами почти по всем улицам города. Торговали как в больших многоэтажных универмагах на проспектах Фирдоуси, Надери и Пехлеви, так и в маленьких лавчонках, разбросанных по всем улицам, переулкам и тупичкам этого мегаполиса. Однако у Тегерана было два обширных традиционных торговых комплекса – это, так называемые, «Базаре Бозорг» (Большой базар) и квартал «Лалезар».

«Базаре Бозорг» (Большой базар)

«Базаре бозорг» всегда был важным фактором в жизни Персии и Ирана. Он выступал деловым центром Тегерана на протяжении многих веков и играл важную социально-политическую роль в истории государства. С мнением Большого базара считались шахи и их правительства, потому что данный «город в городе» был «ульем, который мог ужалить».

На Большом базаре были сосредоточены крупнейшие торговцы и ремесленники города, которые были объединены в гильдии и цеха. Для людей данного базара были характерны такие специфические черты, как обостренная социальная чувствительность, определенный консерватизм, приверженность к религиозным традициям. Поэтому важную роль в формировании политических настроений местного люда были, как правило, крупные торговцы и муллы. Они-то временами на почве «защиты интересов торговцев и ремесленников, а также национальных традиций» и направляли острие недовольства «Базаре Бозорг» против неугодных действий властей. Исторически были многочисленные столкновения Большого базара с шахскими властями разных династий, в частности, из-за некоторых нововведений (например, против унификации системы мер и весов в соответствии с мировыми стандартами; против снятия чадры и европеизации одежды и др.). В 20-е годы XX-го века наблюдались особенно сильные противоречия с центральным правительством. Выражая свои претензии, торговцы и ремесленники закрывали базар и садились в «бест» (иранская форма протеста и политической демонстрации, направленной против действий властей) в мечетях на его территории, либо активно демонстрировали

антишахские лозунги за его пределами. Это нередко приводило к вооруженным столкновениям с войсками и полицией.

Во второй половине указанного века, хотя торговля товарами «люкс» перекочевала преимущественно в современные универмаги и универсамы вне Большого базара, то есть в зажиточные районы, его значение как главного и крупнейшего торгового центра Тегерана во многом сохранилось. Казалось бы, что его другая сторона – политическая – была сведена на нет. Однако события 1977-1979 годов опровергли данное вроде бы устоявшееся мнение. Базар неоднократно закрывался, а его хозяева и труженники, солидаризируясь с оппозиционным шиитским духовенством, выступали с антиправительственными протестами. Причинами таких выступлений явились: недовольство растущим подчинением национальной предпринимательской сферы Западу, быстрым разрушением традиционных устоев иранского общества, усиливавшимся диктатом крупного компраторского капитала, осуществлявшего свои коммерческие операции при пособничестве иностранного капитала более конкурентоспособными методами.

«Базаре Бозорг» территориально – это многогранное огромное «чрево» города, состоявшее из сложного клубка лабиринтов-переулков. Это – мир, где можно было найти буквально всё из потребительских товаров: от самого дешёвенького ширпотреба до предметов роскоши. Вместе с тем, внутри него среди множества всевозможных переплетений лавок можно было довольно четко определить территориальную товарную специализацию. На данном базаре имелась своя «цеховая» специализация –

разделение по рядам: текстильный, обувной, посудо-хозяйственный, ковровый, оптовый, конфекционный, ремесленный и другие. В этом «чреве» с рассвета до заката толкались тысячи людей – покупали, упорно торгуясь, глазели, вели долгие беседы, готовясь к будущим сделкам и т.д.. Здесь же пристроились тесные, закопченные и весьма упрощенные по оформлению харчевни и чайханы, питавшие простой, но сытной, пищей, этот огромный «муравейник». Их главное меню состояло, как правило, из 2-3 блюд: плова, бобовой каши, жареной баранины. Непременными напитками здесь являлись чай, подававшийся в пузатых фаянсовых чайниках, а также известные прохладительные напитки – Кока-Кола, Пепси-Кола и несколько видов напитков местного происхождения.

Чтобы обойти все товарные ряды «Базаре бозорг» и вкратце познакомиться с их жизнью, для этого пришлось бы затратить много часов. Так, для примера, приведем только один цеховой ряд медников. Как известно, Иран – страна с традиционно развитым медночеканным производством. На «Базаре бозорг», следуя от его центрального входа в дальний восточный угол и минуя лавки текстильных товаров, можно было выйти в закоулок мастерских медников, чеканщиков по серебру, лудильщиков. Эти же мастерские представляли собой торговые лавки. Изделиями местных мастеров являлись блюда различных рисунков, сюжетов и форм, «кумганы» (кувшины), «кальяны» (курительницы через воду), ладаницы и другая утварь. Все данные предметы были выставлены рядом с местом их происхождения – на табуретках и дверях, стенах, либо были просто сложены стопками на земляном полу. Каждый мастер имел

свой почерк в этих изделиях. В закоулке постоянно стоял шум производства: били разномастные и разноголосые молотки по металлу, зубила выбивали орнамент, бойко гудел огонь в горнах, звенели, отдаваясь многократным эхом в высоких сводах, голоса детей-подмастерьев.

Приглядываясь, медленно проходили покупатели мимо индивидуальных выставок ремесленного труда. Вот, в одной из мастерских их внимание привлекли изящные рельефы чеканки серебряного блюда или орнамента боковой стенки кумгана. Стоило проявить явный интерес к какому-либо изделию, взять его в руки, чтобы ближе рассмотреть, как тут же рядом выросла подросток.

- Что вы хотите купить, господин? – любезно спрашивал он, готовый продемонстрировать самый высокий сервис обслуживания.

- Сначала посмотрим, что есть у вас интересное, – следовал, как правило, такой ответ.

А покупали очень редко – в одном случае из сотен. Поэтому в перерывах между работой сами мастера зачастую собирались у кого-нибудь из соседей и за чаем вели беседу. К покупателю выходили только тогда, когда чувствовалась верная сделка.

«Лалезар» (историческое название – «луг, усеянный тюльпанами»)

«Лалезар» – это большая торговая «паутина», густо застроенная домами по несколько этажей и представляющая собой городской квартал, состоявший из множества переулков. По масштабу своей территории она уступала «Базаре бозорг». «Лалезар» тянулся с севера на юг от проспекта

Шаха Резы до площади Сепак (историческое название – буквальный перевод «войско»; в прошлом здесь размещался военный гарнизон) и с запада на восток – от проспекта Фирдоуси до улицы Лалезар. В этом районе также имелась своя торговая специализация. На площади Сепак располагался самый крупный в Тегеране ряд по продаже магнитофонов, радиоприемников, проигрывателей и соответствующих электрических и транзисторных товаров. В переулке Берлин и на пересекавшей его улице торговали конфекционными изделиями, тканями и посудой. В этих и близлежащих переулках прямо на тротуаре с тележек и огромных круглых металлических подносов велась продажа вареной свеклой, кукурузой, орехами, печеньем – наподобие известного у нас бакинского «курабье», жареными пирожками. Пирожки были особенные – с мясной проперченной начинкой, так что сок, вытекавший из них, имел ярко красный цвет. Делали также пирожки с картофелем, но тоже с перцем. Подносы зачастую были установлены прямо на мангалах для поддержания соответствующей температуры. Встречались здесь и чайханы, где можно было подкрепиться чаем и горячими блюдами, таких как «джуджа кябоб» (шашлык из цыплят), иранским пловом и т.д. Так что посетители данного района, обходя многочисленные лавки «Лалезара», получали возможность не только приобрести нужные товары, но и поесть.

Улица Истамбули, что проходила по северной окраине этой торговой «паутины», представляла собой средоточие ювелирных лавок. Витрины сверкали богатой фантазией и мастерством изготовителей – здесь были массы разнообразных колец, ожерелий, кулонов, бирюзы, золота, бриллиантов, изумрудов, крупнозернистых нитей жемчугов разных цветов и оттенков (белого, розового, черного и других), рубинов, часов «Сейко» и «Ситизен» из Японии, «Гран-при» из Швейцарии.

В Тегеране в те годы было 250 официально зарегистрированных ювелирных объединений, то-есть магазинов и мастерских. Они занимались

главным образом торговлей драгоценными камнями импортной шлифовки. В самом же Иране добывались и полностью обрабатывались бирюза и, в незначительных количествах, некоторые другие драгоценные и полудрагоценные камни. Поэтому, учитывая возможности Ирана, глава, так называемого, «Национального союза драгоценностей, золота и серебра» предлагал создать в Тегеране школу ювелиров-гранильщиков, чтобы превратить Иран в полноценного производителя драгоценностей.

Вместе с тем, даже при ограниченных масштабах ювелирного производства в Иране, следует отметить, что иранцы большие мастера ювелирного дела – им были доступны тонкая и разнообразная филигрань, всевозможная гармония металла и камня. Когда посетитель выражал заинтересованность к изделиям ее хозяина, последний предлагал широкий выбор в ответ на вашу просьбу. Он клал перед покупателем коробки с десятками драгоценных изделий в каждой, так что последнему становилось как-то неудобно уходить, ничего не приобретя. При этом продавцы, проявляя подчеркнутую вежливость, не навязывали своего товара.

Ювелирные изделия мастерских «Лалезара» часто экспонировались на выставках и распродавались на ярмарках за рубежом.

Помимо торговых заведений, на улице Истамбули был расположен ряд кинотеатров, демонстрировавших фильмы, рассчитанные на зрителя среднего и ниже уровня достатка. Эти зрелищные заведения показывали ленты с демонстрацией полуобнаженных женских тел, драк и убийств.

Банки и иностранный капитал

Столица была буквально насыщена банками. Только чисто иранских – государственных и частных – насчитывалось 26. В 1974-1976 годы, в связи с резким увеличением иранских нефтяных доходов и стремлением

иностранных компаний рециклировать их валютное воплощение (то есть возратить) на Запад, в Тегеране, как грибы после дождя, стали возникать многочисленные отделения всех ведущих банков капиталистического мира. Образовалось много смешанных ирано-иностранных кредитных учреждений. Так что общее число банков и кредитных контор иранской столицы достигло 65, и она стала серьезно претендовать на роль «наследницы» Женевы и Бейрута, крупнейших международных банковских центров.

Практически на каждом крупном проспекте центра Тегерана – Керимхана Зенда, Рузвельта, Шаха Резы, Саади, Фирдоуси, бульвара Елизаветы II – на фасадах и крышах зданий сверкали неоновые рекламные заголовки: «Дойче Банк», «Бэнк оф Токио», «Бэнк оф Америка» (отделение банка Сан-Франциско), «Банкерс траст компани оф Нью-Йорк», «Ассошиэйтэд бэнкс оф Юруп («АБЕКОР»)), «Банке национале де Пари», «Банке Ротшильд оф Пари», «Барклайс бэнк интернейшнл Лтд. Оф Лондон», «Чейз Манхеттэн оверсиз корпорэйшн» (США), «Фест нэйшнл бэнк оф Чикаго», «Индастриал бэнк оф Джапан» (Токио), «Свис кредит бэнк» Швейцария), «Иран-бритиш бэнк», «Интернэйшнл бэнк оф Иран энд Джапан» и другие.

На улице Бехешт (к югу от центральной части Тегерана) располагался, выходя окнами на городской парк, один из старейших столичных банков – «Руссо – Иран бэнк» (Русско-иранский банк). Он начал свою деятельность с 1923 года. Это было детище советско-иранского договора 1921 года. Банк осуществлял все финансовые операции, связанные со взаимными хозяйственными связями двух стран, в частности по всем советско-иранским контрактам о техническом и экономическом сотрудничестве. Среди них наиболее крупными были: строительство Исфаханского металлургического завода (мощность которого по достигнутой договоренности сторон должна была составить 6-8 миллионов тонн стали в год), домостроительных комбинатов, зерновых элеваторов, машиностроительного завода в Араке.

В условиях обострения мирового энергетического кризиса крупные и мелкие западные и японские компании, почуяв богатую добычу в виде иранских нефтедолларов, направили в Тегеран массу своих эмиссаров. Более перспективные в получении контрактов на иранском рынке фирмы и компании открыли в Тегеране свои офисы, представительства и филиалы, а их кричащие и светящиеся вывески дополняли рекламный «арсенал» на столичных проспектах. По данным иранской статистики, в 1976 г. в Иране действовало около 250 американских фирм и представительств, 100 – западногерманских, 85 – австралийских, 87 – швейцарских, 80 – французских, 70 – японских и так далее, всего более 1000. Среди них были такие общеизвестные в мировом бизнесе, корпорации и компании как: англо-американские – «Дженерал моторз», «Дженерал электрик», «Форд», «Б. Ф. Гудрич», «Катерпиллер», «Локхид», «Нортроп», «Мобил ойл», «Бритиш стил корпорейшн», «Дорман Дизел», «Данлоп», «Шелл», из ФРГ – «Байер А.Г.», «Даймлер Бенц А. Г.», «Браун А. Г.», «Хехст», «Осрам», «Рейншталь», «Крупп» и другие, французские – «Ситроен», «Пежо», «Компани франсез де петроль», «Антрепоз», «Эльф» и другие, японские – Мицуи, Мицубиши, «Ито», «Коматцу», «Нисошо-Иваи», «Сумимото» и т. д. Почти все они являлись совладельцами иранских компаний, и в том числе в столичном районе, включая объекты собственно города, а также промышленных зон – Кереджа, Рея и Мазендаранского шоссе.

Иностранцы в Тегеране

В столице присутствовала большая масса иностранцев. Это были бизнесмены, туристы, всякого рода специалисты и советники. Среди них немалую долю составляли авантюристы, искатели счастья, ринувшихся в Иран – в возникший в последние десятилетия «Клондайк» на Среднем Востоке. За

1974-1976 годы страну посетило более 1,5 миллиона иностранных туристов, в том числе в 1976 году – свыше 650 тысяч. Если еще присовокупить к ним иностранцев, работавших в Иране по разного рода гражданским и военным контрактам, то общее число приезжих извне было намного больше.

Так, к примеру, ввиду усиления национальных вооруженных сил и тесного сотрудничества с США в данной области, в Иране разместился огромный контингент американских военных советников и специалистов — около 40 тысяч человек. Часть из них была расквартирована в Тегеране. Ожидалось, что в ближайшие годы их число должно было достигнуть 60 тыс. человек.

Кроме того, бурный рост иранской экономики во многом не мог обеспечиваться национальными кадрами. По подсчетам специалистов, для выполнения введенного тогда в действие государственного пятилетнего плана развития экономики Ирану требовалось более 700 тысяч квалифицированных рабочих и специалистов с техническим образованием, а к 80-м годам эта потребность должна была возрасти до 2 млн. чел. Будучи пока не в состоянии покрыть этот дефицит национальными силами, иранское правительство привлекало учителей, врачей, инженеров, консультантов, рабочих и т.д. из Западной Европы, США, Пакистана, Индии, Таиланда и из других стран. Только в 1975 году были выданы лицензии на право работы в Иране 40 тысячам иностранцев.

Многие из них работали на объектах и в учреждениях «Большого Тегерана». Поэтому иранцы часто называли Тегеран «почти Заграницей», а подлинно духовной иранской столицей скорее считали Исфахан или Мешхед.

Иранское правительство, понимая, что импорт квалифицированной силы не являлся приемлемым вариантом для постоянного функционирования страны, поэтому обуславливало пребывание иностранных специалистов в Иране тем, чтобы каждый из них в течение 1-2 лет должен был подготовить по

крайней мере одного иранца, способного заменить его на занимаемой должности.

А пока промышленный потенциал столицы широко пользовался услугами импортированных специалистов и рабочих.

Мультимиллионеры делового мира столицы

Быстрое развитие промышленного и торгового предпринимательства в 60-е – 70-е годы привело к еще большему, чем данное было прежде, обогащению элиты северного Тегерана,

В среде местных предпринимателей появились мультимиллионеры. Из них самые известные – это: Джафар Ахаван – глава фирмы «Дженерал моторз Иран»; семейство Фарманфармаянов, владевшее рядом промышленных предприятий (в том числе автозаводом «Хавар»), ведущих финансовых учреждений и крупным земельным фондом. Так, в частности, представитель этого семейства Али Наги Фарманфармаян возглавлял Банк промышленного кредита в Тегеране. Среди других мультимиллионеров можно было отметить следующих: Али Фулади – директора компании по производству автопокрышек и камер «Иран яса Ко», Мухаммада Тахери – директора-распорядителя компаний «Яздбаф», «Филвер» и «Паластрин» (производство текстиля, электробытовых приборов и пластмассовых изделий), Хабиба Сабета — главу компаний «Дженераль тайр», «Сабет Парсаль», «Фируз», «Занзам», а также владельца акций более 40 частных компаний в Иране и в ирано-английском банке, Ахмада Ладжварди – основателя промышленной группы «Бехшехр», владельца компании «Шахпасанд» (по производству растительного масла), хлопкоочистительных, консервных и мыльных заводов и т. д.

Одновременно все они являлись членами правлений ряда крупных иностранных монополий: «Фольксваген», «Дженерал моторз оверсиз корпорейшн», «Америкэн индастриел девелопмент корпорейшн», «Филко Форд корпорейшн» и других. Все они возглавляли функции по продвижению и реализации товаров этих компаний на иранском рынке и в соседних странах.

Транспорт Тегерана

Автомобильное наводнение

Тегеран – в 70-е годы XX-го века был одним из крупнейших транспортных узлов Ближнего и Среднего Востока. Располагаясь на площади в 640 квадратных километров, он обладал 12-ю тысячами транспортных артерий, которые несли на себе нагрузку в 1,3 миллиона автомобилей, из которых более 1,1 миллиона была приписана непосредственно к столице.

Внутригородской транспорт Тегерана пока представлялся однобоко. Метро, трамвая и троллейбуса не было, а автобусная система обладала 151 маршрутами, на которых курсировали всего 1880 машин. Для тегеранских масштабов такой парк общественного транспорта был весьма недостаточным. К примеру, в Москве, обладавшей в те годы населением в полтора раза большим, чем иранская столица, и широко развитой системой метро, ежедневно следовали по маршрутам 5,6 тысяч автобусов, 20 тысяч троллейбусов и 1130 трамвайных вагонов. Поэтому можно сказать, что на тегеранских улицах тогда практически полностью господствовал автомобильный транспорт, и прежде всего легковой.

Так называемый, «трафик» (то есть автодвижение) напряженно пульсировал почти полные сутки. Регулировщики же «трафика» на основных перекрестках города, высокие, стройные, в подогнанной и аккуратной форменной одежде, с кольцами на поясах, выглядели весьма эффектно. Их

властные жесты управляли движением на переполненных людьми и автомашинами магистралях. Ввиду большого противоречия между растущим потоком автотранспорта и пропускными возможностями дорожных артерий столицы, запаздало подвергавшиеся реконструкциям и перестройкам, передвижение по главным магистралям центра и севера было затруднено, нередко образовывались густые заторы. Наиболее разгруженными автопути были ночью и частично в середине дня.

У столичной дорожной полиции нагрузка была чрезвычайно высокой. Несмотря на увеличение её численности, она не успевала за ростом транспортных проблем.

В «часы пик» на перекрестках скапливалось огромное количество автомашин; зачастую они шли вплотную – «бампер в бампер», подолгу стояли, а двигались буквально по сантиметрам — так, что преодоление расстояния от светофора к светофору требовало весьма крепких нервов и огромного терпения водителей. Вот, к примеру, узел пересечения проспектов Куруша и Дарьюша (Кира и Дария), который, казалось бы, был расположен несколько в стороне от центра, и ближе к северо-востоку Тегерана, так и здесь в пределах 7-9 утра и вечера, можно было насчитать только с одной стороны светофора скопление в количестве 250-300 автомашин. Как правило, они пересекали перекресток на 5-6-й зеленый свет, а на центральных магистралях – Фирдоуси, Хафеза, Пехлеви, Надери, Шаха Реза – и того позже. В ожидании нервно шумели клаксоны, сигналы различных оттенков, мастей и силы, случались удары автомашин одна о другую. Между прочим и из такой напряженной обстановки некоторыми категориями людей тоже извлекалась польза – ими были протирщики стекол, продавцы газет и торговцы малогабаритными автосервисными принадлежностями и сувенирами. Они вклинивались в создавшиеся транспортные пробки на перекрестках и, ловя мгновения удачи, оперативно действовали между машинами. Как только поток приходил в

движение, они ловко уходили на обочину, пряча подвернувшийся доход в карманы. Затем переходили к следующей партии вышедших к перекрестку автомашин, и так далее. «Время пик» – это был период их главных заработков.

Правила дорожного движения в Тегеране были своеобразными. Вот какими были их некоторые особенности: повороты налево и направо водители автомобилей совершали с любого ряда, преимущества прямолинейного движения перед поворотным фактически не существовало. Поэтому частыми были аварийные ситуации, из них больше всего битые стекла, передних и задних бамперов и облицовок. В автопотоках нередко встречались автомашины с помятыми корпусами и разбитыми осветительными приборами. Пешеходы же часто пренебрегали специальными дорожными переходами, переправлялись с одной на другую сторону улиц «пробирающимися» зигзагами наперерез движущемуся потоку автомобилей.

Водители хорошо усвоили установленный дорожной полицией порядок: его строгости и слабости, и как везде на мировом асфальте, ловко нарушали его. Между прочим, о возмездии – в случае задержки полицейскими – они облагались чрезвычайно высокими штрафами – до 500 туманов, а ведь такая сумма равнялась полумесячному заработку тегеранского шофера. Причем, мнение полицейского было абсолютно неоспоримым, в виду больших прерогатив шахских полицейских в Иране. Хотя, с нашей точки зрения, в целом тогдашние иранские дорожные правила были более либеральными, чем советские, однако, когда полицейский выносил свой приговор, то водитель-нарушитель или «нарушитель» не имел права вступать с ним в пререкания, т.к. в таком случае в придачу к штрафу он мог либо получить удар резиновой дубинкой, либо «заработать» еще что-либо похуже.

Следует отметить такой факт, что в те годы в условиях быстрого роста автопарка, в столице все более ощущалась нехватка персонала дорожной полиции. Как заявил летом 1978 года в интервью газете «Кейхан

интернейшнл» советник тегеранского муниципалитета Рафи Тахри, «в дорожной полиции города насчитывалось всего лишь 1200 человек персонала, и это в период, когда только за один 1977 год тегеранцы приобрели более 130 тысяч новых автомашин».

Между прочим, в Иране уже тогда было широко распространено страхование автомобилей, и так как свыше 90% частного автопарка было застраховано, можно судить, что это дело было выгодным и эффективным для всех сторон. На лобовом стекле большинства автомашин были наклеены пластиковые эмблемы страховых компаний: оранжевые, зеленые, красные круги, заполненные вязью арабских букв и номерами счетов.

Довольно интересна была организована система такси – самая развитая из общественных транспортных средств Тегерана. В городе всего функционировало более 25 тысяч единиц этой специализации.

Иранские автотакси были частными, но объединенными в профессиональные союзы по городам, платили государству определенный налог. И только после налоговых расчетов с государственными органами они получали соответствующий номер и разрешение на бело-оранжевую окраску (цвет тогдашнего тегеранского такси) и таксометр. Такси, наряду с автобусами, владели монопольным правом на перевозку пассажиров за плату. Однако, как сообщали иранские газеты, в столице насчитывалось также около 7 тысяч самодельных таксистов, не входивших в какие-либо союзы и не платившие налогов. Поэтому с ними вели борьбу как сами таксисты, так и дорожная служба полиции. Если кто-либо из этих «посторонних» таксистов задерживался полицией во время занятия данным промыслом, то на него накладывался штраф в 500 туманов. Тегеранцы говорили, что сами таксисты следили за тем, чтобы никто посторонний не покушался на их «хлеб насущный», а горожане, знакомые с установившимся порядком, старались пользоваться только оранжевыми «Пейканами», кроме, конечно,

чрезвычайных случаев, а таких, как видно, возникало множество. Причем в столице просили подвезти преимущественно женщины. В вечерние «часы пик» в центре Тегерана они стояли на всех магистралях чуть ли не шпалерами. Часть из них по традиции закрывалась покрывалом-чадрой – платком, покрывавшем голову и спускавшимся до щиколоток, однако лицо оставалось открытым. Из-под чадры, зачастую, выглядывала самая модная европейская одежда. Это в основном был технический персонал различных государственных и частных учреждений, выходцы из малоимущих слоев, которые не располагали средствами для приобретения личного автомобиля (а автобусных линий и автобусов, как уже говорилось выше, в городе было очень мало). В «часы пик» автобусы были переполнены и к тому же для этих громадин – «Лейландов», многие из которых к тому же были двухэтажными – большинство районов столицы были недостижимы. Поэтому, чтобы поскорее успеть в родные стены, женщины из данной категории горожан были вынуждены прибегать к помощи такси.

Кстати, о приспособленности улиц к транспортному движению и о соответствии автопарка Тегерана.

Иран, как известно, в те годы относился к категории развивающихся стран, не обладавших широкой промышленной основой. Данное обстоятельство сказывалось на всем укладе жизни иранцев и их городов, хотя в последние годы в стране наблюдались большие изменения в экономической и общественной сферах.

Столичные улицы в своем большинстве были узкими и не подготовленными для больших транспортных потоков. В 70-е годы усилиями муниципалитета были выпрямлены и расширены основные транспортные магистрали города, построены даже так называемые «хайвэй» (автобаны): Ванак, Журдан, новая (параллельная Кереджскому шоссе) автострада между Тегераном и Кереджем для скоростного (свыше 100 км в час)

бесперекрестного движения. Однако темпы реконструкции и развития дорожно-транспортной инфраструктуры были неудовлетворительными и кризис «трафика» в Тегеране катастрофически быстро нарастал.

А главной причиной являлось то обстоятельство, что до указанных лет транспорт, как и жилищное строительство, остался, за некоторым исключением уделом частного предпринимательства. В погоне за наибольшими прибылями частные фирмы и компании предпочитали коммерческие операции с легковыми автомобилями, чем организацию капиталоемкого для них автобусного или троллейбусного движения (трамвай в Тегеране, имевшем большие перепады высот между различными районами, был трудноосуществим).

Продажа автомобилей оказалась быстрым и высокоприбыльным бизнесом для частников, что обеспечило их господство на транспортном рынке Тегерана. Город опутала сеть частных автосалонов по продаже новых и перепродаже подержанных автомобилей. Они располагались почти в каждом квартале и на оживленных улицах. Возникли также агентства по сдаче в наем и аренду автомобилей; появились такси как обычные, так и долговременного обслуживания на договорной основе, прокатные конторы. За большими стеклянными витринами автосалонов на вас зазывающе смотрели своими сверкающими передками и фарами самые новейшие модели автомобилей. Для того, чтобы издали привлечь внимание людей на крыше продаваемых машин стояли крупные цифры 76 или 77 – что означало годы выпуска моделей. Эти цифры бросались в глаза даже при случайном взгляде из быстро проезжавшего транспорта. Все было продумано для наилучшего рекламирования продаваемого товара.

Предлагались для продажи отечественные и иностранные модели. Самая распространенный автомобиль в Тегеране, как и во всем Иране, была легковая малолитражка «Пейкан» (что в переводе с персидского языка

означало «Острие копья»). Она была сравнительно дешевой и достаточно мощной, чтобы служить долговременно и надежно. Ее популярность в Иране можно сравнить разве что с таковой «Москвича» или «Жигулей» в бывшем СССР и «Фольксвагена» – в ФРГ. Импортные модели такого же класса на тегеранском рынке были значительно дороже. Однако, ввиду большого превышения спроса на автотранспорт над национальным производством и наличия обширного весьма зажиточного круга населения, Иран ввозил много автомашин из-за рубежа. Таким образом, автопарк Тегерана был довольно пестрым – здесь были собраны практически все известные модели мира. В автосалонах застыли в ожидании покупателей величественные американские автолайнеры «Крайслеры», «Шевролеты», «Форды», популярный на рынках мира «Мерседес», а также юркий «Фольксваген» из ФРГ. Кроме того, присутствовали оригинальные по формам «Рено» и «Пежо» из Франции, изящные «Гайоты» и «Датсуны» из Японии и знакомые (по советским «Жигулям») корпуса итальянских «Фиатов». На проспекте Куруша Великого (Кира Великого) в северном Тегеране расположился салон советского внешнеторгового объединения «Автоэкспорт», где в глубине зала на округлых площадках красовались «Жигули» и «Москвичи». Однако в автопотоках Тегерана наши модели встречались редко. «Москвичи» плохо переносили жару и часто «кипели», к тому же соответствующие им по классу иранские легковые «Пейканы» не пускали их на свой родной рынок.

Зато широкое применение автомашины советского производства нашли в иранской армии, и можно сказать, что они составляли большинство военного автопарка страны. Как видно, западные марки по надежности и неприхотливости уступали им. Наши грузовики и тягачи «КАЗ», «КРАЗ», «МАЗ», а также «ГАЗ-69 и 469» можно было увидеть буквально везде, начиная со столицы и кончая пограничными районами.

Довольно популярными в провинциальных городах и в сельской местности за надежность работы и неприхотливости в обслуживании советские мотоциклы Ижевского завода. «ИЖ» и часто встречались у Караван-сараев, придорожных кафе, чайхан, и прежде всего в Хорасане.

Однако в транспортной сутолоке самого Тегерана мелькали главным образом яркие, блестящие хромированными боками, фарами, ободами, щитками, а также другими приставками мотоциклы японских и западных марок – «Ямахи», «Кавасаки», «Судзуки», «Хонды», «Июкогамы», «Харлей-Дэвидсоны». Их главные покупатели искали в этих машинах больше изящества и скорости. На «ИЖ»ах же ездили рабочие, мастеровые, либо мелкие чиновники.

Быстро «плодившееся племя» газодышащих автомобилей (по данным газеты «Этгелаат», до 40-45 тысяч ежемесячно) буквально загроудило улицы Тегерана, что даже форсированное прокладывание специальных «разгрузочных» автомагистралей, тоннелей и эстакад, а также расширение и выпрямление старых путей в городе, оказалось не в состоянии кардинально развязать транспортные узлы столицы. Загазованность города быстро нарастала. Количество только больших общественных платных стоянок достигло 28, и они охватили общую площадь в 140 тысяч квадратных метров.

Стремясь снизить загазованность атмосферы города, с 1976 года начались работы по переоборудованию двигателей автомобилей для работы на природном газе, резко снижавшем выход выхлопных газов. Первые экземпляры таких автомашин уже вышли на улицы Тегерана. Однако, по всей вероятности, эта мера при тех возможностях могла затронуть лишь часть грузового транспорта.

Власти Тегерана, в конце концов, пришли к выводу, что без метро мегаполису не обойтись. Они обратились было за содействием к СССР, однако стороны не смогли договориться, так как у северного соседа к данному

периоду подросли свои города с миллионным населением, требовавшие «метро»вой развязки. Кроме того, Советский Союз оказывал большую помощь в этом другим социалистическим странам. В марте 1976 года в иранской прессе появились сообщения о подписании соглашения с французскими компаниями «РАТП» и «СДФРЕТУ» на строительство в Тегеране четырех линий метро общей протяженностью 63 км. По заявлению тогдашнего мэра столичного муниципалитета Гуляма Резы Никпея, первая линия метро должна была пройти от Аббасабада до «Базаре бозорг», то есть по наиболее густонаселенным и деловым районам города, и связать его юг с преддверием северной части Тегерана.^{X/} Осенью 1976 года была достигнута договоренность на этот предмет и с итальянским премьер-министром А. Моро. Однако, в связи с данным строительством, сразу же возникли проблемы. Хотя Никпей в конце 1976 года утверждал, что первая очередь метро (10 км) должна была начать действовать через три с половиной года, но, в соответствии с мировой практикой метростроения, реализация такого крупного проекта на введение в строй первой линии метрополитена в Тегеране потребовалось бы не менее пяти-шести лет, а тут еще прибавились дополнительные сложности: город не имел единой канализационной и газораспределительной системы.

По данным на середину 1978 года, было запланировано, что первая линия метро войдет в строй в 1982 году, вторая (проспект Дарьюша – район Арияшахр) – в 1988 году, третья (Сайед хандан – Фарахабад хазане) и четвертая (Фарахабад Атабаи –Монумент «Шахъяд») – в 1984 году. Всего был составлен план на строительство семи линий общей протяженностью 145 километров.

Наряду со строительством метро искали и другие пути налаживания бесперебойного и эффективного внутригородского передвижения, В сентябре

^{X/} - Впоследствии обновленный проект увеличил протяженность метролинии, связав Проспект Пехлеви и железнодорожный вокзал.

1975 года государственная комиссия при участии столичного муниципалитета обсуждала транспортные вопросы города. Мэр Тегерана Никпэй потребовал по 500 млн. туманов (около 700 млн. долл.) ежегодно в течение 3-х лет на реализацию проекта. Эти средства, сказал он, были необходимы для строительства мостов, покупки новых метровагонов. Кроме того, по его словам, 12 тысяч улиц требовали переасфальтирования. А так как доходов муниципалитета было недостаточно, он обратился к правительству Ирана. Последнее выразило готовность предоставить нужную сумму мэрии, но только после того, как будет составлен подробный план решения этой проблемы и дано заключение специалистов. По мнению французских экспертов, изучавших указанную проблему, современные улицы Тегерана оказались неспособными пропускать большие потоки автомобилей, но требовали значительной реконструкции. По их же совету, с середины 1977 года практически все автомагистрали центрального Тегерана были переведены на одностороннее движение.

Однако следует сказать, что как бы оптимистически тогда не говорилось о повышении пропускной способности магистралей города, и что-то делалось в этом плане, многонаселенному Тегерану нельзя было обойтись без кардинального решения транспортной проблемы. Поэтому столица чрезвычайно нуждалась в скорейшем переводе большей части людских потоков в метро и на расширенную автобусную систему.

Коммуникации «Большого Тегерана»

На подмогу иранской столице власти бросили также реконструкцию и развитие дорожных коммуникаций на внешних подходах к ней. Дело в том, что через Тегеран проходило большое количество транзитного транспорта. Он дополнительно усугублял дорожный кризис города. Поэтому в окрестностях

мегаполиса с 1977 года была начата прокладка одного из двух автобанов, охватывавших город полукольцом в направлении запад-юг-восток (полное кольцо не получалось, так как город находится у подножья хребта Эльбурс и последний проходил, примыкая непосредственно к его северной окраине).

Первое (внутреннее) полукольцо начиналось у спортивного комплекса «Ариамехр», что находился в 10 км на северо-запад от города., затем пересекало Кереджское шоссе, железную дорогу Тегеран – Тебриз, селение Яфтабад, шоссе Тегеран – Кум и достигало на востоке от города нового радиального автобана «Реза-шах Великий», доходя почти до Мазендаранского шоссе. Его общая протяженность составила 57 километров. В его функцию вошло уменьшение скученности потоков движения внутри города, создание скоростных условий для тяжелого транспорта в окрестностях столицы.

Проект второго (внешнего) полукольца, осуществление которого было намечено после 1978 года. предусматривало путь, приблизительно параллельный первому полукольцу, начиная с города Кереджа, то есть его удаление от Тегерана (собственно города) должно было составить в среднем 40 км.

Вместе с тем, проводилось расширение автобана Тегеран – Кередж с четырех до шести рядов в каждом направлении. В феврале 1976 г. власти столицы, наряду с коммуникационным строительством, пошли еще на введение новых чрезвычайно высоких налогов на частных владельцев автомобилей (исключая таксистов и арендаторов транспорта). Теперь сверх пошлин, взимаемых при выдаче номера, владельцы автомашин стали уплачивать с моделей с 4-мя цилиндрами 3,5 тыс. (370 долл.). с 6-ю цилиндрами – 6 тыс. и с 8-ю цилиндрами – 10 тыс. туманов в год).

По замыслу муниципалитета эта мера должна была резко сократить покупку автомашин экстра-класса и стимулировать распространение малолитражек, и кроме того дать доход муниципалитету в полмиллиарда

туманов в год. Под строгий таможенный и торговый контроль был поставлен и автотранспорт туристов и других гостей Ирана.

Внешние коммуникации столицы

Иранская столица связана многими и разнообразными путями со всеми провинциями страны, а также с границей: 1) автострады и шоссе первого класса с твердым покрытием и соответствующей дорожной службой; 2) ряд автомагистралей, следовавших в Иран с территории соседних государств и проходивших при следовании в Тегеран через другие иранские города, выполняли одновременно и функцию внутренних путей сообщения страны.

К ним в первую очередь относились две транзитные автострады из Европы через Болгарию, а затем Турцию или Ирак, в Иран, Первая из них пересекала турецко-иранскую границу в 1000 километрах на запад от Тегерана близ населенного пункта Базаргана, следовала через города Маку, Маранд, Тебриз, Миане, Зенджан, Казвин, Кередж в Тегеран. Вторая, идя через города Касре-Ширин, Шахабад, Керманшах, Хамадан, Саве, в конце концов, со стороны Кахризака соединялась со столицей. Это по ним мчались из Европы в Тегеран, преодолевая до 10 тысяч километров через десяток стран, 40-ка тонные автогиганты с ценными грузами.

Первая из названных магистралей имела ветвь от города Маранд, которая пересекая советско-иранскую границу в районе Джульфы, соединялась с автодорожной сетью советского Закавказья. Все полотна этих путей стали расширяться для обеспечения беспрепятственного движения увеличенных грузопотоков из Европы в Иран, и прежде всего в столичный регион.

На восток от Тегерана тянулась третья автострада, имевшая выход за границу. Она следовала через города Амоль, Баболь, Шахи, Сари, Бехшехр,

Горган, Боджнурд, Кучан. Мешхед, Торбате Джам, Тойбат, пересекала афганскую границу и через дорожную систему Афганистана выходила в Пакистан и Индию.

В Пакистан из Тегерана вела еще одна дорога, но менее обустроенная. Она имела южно-восточное направление, проходила через города Кум, Кашан, Йезд, Керман, Захедан и далее на Кветту (Пакистан). Через ответвление этого пути можно было попасть в крупный иранский порт на побережье Персидского залива — Бендер-Аббас.

Тегеран был связан автодорогами со всеми основными городами страны. В частности, одной из них (через Кум и Нейзар) он соединялся с Исфаханом и далее с древними иранскими историческими пунктами Пасаргадами, Персеполисом и Ширазом. Она же затем выходила к Персидскому заливу у порта Бушехр, Из Тегерана по дорогам с твердым покрытием можно было попасть и в города юго-западной провинции Хузистан: Ахваз, Абадан (где располагался крупнейший в Азии нефтеперерабатывающий завод мощностью производства 25 млн. тонн нефтепродуктов в год), порт Махшехр и богатые нефтеносные районы — Масджеде Сулейман, Ага-Джари, Гаджсаран и другие.

В 1978 году началось строительство самой протяженной в Иране автострады Тегеран – Кум – Арак – Андимешк – Бендершахпур, на которой было предусмотрено шестирядное движение. Таким образом, столица Ирана получала шоссе к Персидскому заливу с большой пропускной способностью транспорта.

Что касается характеристики транспорта, эксплуатировавшегося на этих путях, то следует отметить, что грузовые перевозки осуществляли разнообразные модели отечественного и импортного происхождения. Междугородные пассажирские же перевозки обслуживали автобусы и

микроавтобусы производства иранских компаний «Националь», «Иран пейма», «Парс Люкс Бас» и «Худру сазане Иран».

В северном направлении от Тегерана автопути служили, прежде всего, для связи с курортными местами для тегеранцев, хотя одновременно обеспечивали и хозяйственные нужды. Это были дороги с твердым покрытием и хорошо оснащенной дорожно-ремонтной службой. Одна из них через Кередж вела в приморский город Чалус, другая – через Таджриш, Шемшак, Неса – опять же в Чалус, третья – через Абе-Али, Амоль в Махмудабад и Бабольсар – в Чалус. Вдоль всего иранского побережья Каспийского моря было проведено шоссе, так что тегеранцы легко могли попасть в любую желаемую точку этой курортной полосы северного Ирана. Все дороги в северном направлении пересекали Эльбурский хребет по нескольким перевалам, для них были пробиты многокилометровые туннели. Зачастую шоссе образовывали такие сложные серпантины, что охват любого из них невооруженным глазом оставлял духозахватывающее ощущение грандиозности творения природы в виде гигантских гор, а человеческий труд лишь слабо «вился» едва заметной ленточкой на мощных выступах вздыблений земной коры.

Вместе с тем зачастую движение по этим дорогам представлялось опасным. В ненастную погоду были возможны оползни, сели. Бывали и землетрясения. В этих краях они случались довольно сильными, достигая порой 8-9 баллов по шкале Рихтера и с соответствующими разрушительными и трагическими результатами для местного населения. Дороги особенно опасными были зимой, когда на Эльбурсе выпадало много снега, а его покров достигал в среднем метровой толщины. В это время случались лавины; зачастую проезжую часть путей необходимо было очищать от обильного снега специальными машинами. И даже при освобожденном от снежных заносов пути требовалась повышенная бдительность водителей автотранспорта.

Тегеранское радио в зимние месяцы ежедневно многократно в своих передачах новостей сообщала сводку о состоянии дорог страны, и в первую очередь о путях к северу от столицы. Радио настойчиво напоминало о необходимости соответствующего технического состояния и оборудования автотранспорта, наличия цепей на колесах, достаточных запасов топлива, обогревательных приборов и съестных припасов. Зачастую сообщалась также информация о закрытии тех или иных участков дорог на несколько часов или сутки из-за сильных снежных буранов, обвалов или тумана.

Скорость автотранспорта на международных автомобильных трассах была высокая: на отдельных участках свыше 100 км в час, но нельзя сказать, что никогда не превышавшая безопасный предел. Средний уровень квалификации водителей был довольно высоким. Вместе с тем на иранских дорогах довольно частыми были аварии. Об этом очень подробно и ежедневно повествовали иранские газеты в специальных разделах уголовной хроники и дорожных происшествий, с приведением крупных фотографий и разбором аврийных случаев.

Главными причинами повышенной аварийности были: высокая интенсивность движения на главных магистралях, множество горных участков с большими наклонами, частыми крутыми поворотами. Водители же часто нарушали правила движения: шли на опасные обгоны в совершенно недозволительных местах, даже на крутых спусках и поворотах, нередко выезжали через сплошную линию навстречу встречному потоку, рискованно маневрировали. К этому следует прибавить какое-то особое бесстрашное отношение и лихость иранцев к опасностям. Один американский пилот – инструктор по поводу этого качества иранцев сказал: «Эти курсанты (иранцы) не выражают никаких эмоций, даже когда им чудом удается избежать столкновения», другой же американец также заявил, что «не хотел бы когда-

нибудь идти в бой вместе с большинством из них». Эти фразы, естественно, были высказаны на основе внешнего поверхностного понимания иранцев.

Тегеран является крупнейшим железнодорожным узлом страны. На его южной окраине на улице Шуш (сюда же упирался своим южным концом проспект Пехлеви) располагался железнодорожный вокзал. От него были протянуты пути по четырем направлениям. Первый шел на восток до города Мешхеда, причем от Гармсара имелась дополнительная ветка в северном направлении к Каспийскому морю и до города Горгана. Второй – на юг до Хоррамшахра, что находился на выходе в Персидский залив, с веткой от Ахваза на Бендер-Шахпур. Третий – на юго-восток по маршруту Тегеран – Кум – Кашан – Йезд – Заранд – Керман (имел ветку на Исфахан). Между Тегераном и Исфаханом курсировали скоростные поезда, двигавшиеся со средней скоростью в 100 километров в час. В 70-е годы проводились работы по доведению железной дороги юго-восточного направления до Захедана, чтобы соединить ее с железнодорожной системой индостанского субконтинента. Кроме того, на Мешхедском направлении изучались возможности о проведении веток: Мешхед – Серахс – Теджен(СССР) и Мешхед – афганская граница – Герат – Пакистан. На западе страны было предусмотрено соединить Хорремшахр с иракским городом Басра. Таким образом, рассчитывалось создать единую железнодорожную систему «Средиземное море – Индия» транзитом через иранскую территорию. Железнодорожное строительство в стране, и в том числе в тегеранском регионе, было предусмотрено расширять, ввиду ускоренного развития иранской экономики. Ее масштабы требовали больших транспортных мощностей, сильно превышавших таковые автопарка и имевшиеся тогда железнодорожные перевозки. Только за первое полугодие 1976 года объем грузов, перевезенных по железным дорогам Ирана почти вдвое превышал таковые за весь предшествовавший год – 3,0 млн. против 1,6 млн. т.

Директор распорядитель государственной организации железных дорог Пакдаман, характеризуя в июле 1976 г. правительственный проект развития железных дорог на ближайшие годы, заявил, что проект ставил целью связать Тегеран с двумя крупнейшими южными портами (имелись в виду Бушехр и Бендер-Аббас через ветку от Кермана), а также Тегеран – с иранским западным пограничным городом Касре-Ширин, чтобы облегчить перевозку грузов, а также пассажирское сообщение между ними. Причинами приоритета строительства в указанных направлениях являлись: во-первых, то, что, из-за недостаточно развитых коммуникаций, в южных портах образовался затор больших партий импортных товаров, а корабли ждали своей разгрузки в течение многих месяцев; во-вторых, по решению турецкой железнодорожной администрации, с апреля на 50%, а в июне 1976 года на 300% были подняты тарифы на транзит грузов по железнодорожной сети Турции, что привело к резкому сокращению соответствовавшего потока иранских грузов. К тому же турецкие железные дороги были недостаточно надежными, с точки зрения оснащенности и пропускной способности. Выход же железных дорог Ирана к портам Персидского залива делал его во многом независимым во внешнеторговых коммуникационных связях.

В самой же иранской столице правительство одобрило план строительства нескольких железнодорожных станций, как товарного, так и пассажирского назначений. Располагаться они должны были в юго-западной и южной частях Тегерана, вероятнее всего в районе площади «Шахъяд Ариамехр», а также в Арамгахе и Касре-Фирузе. Одновременно изучался вопрос о строительстве еще 10 станций (8-ми пассажирских и 2-х товарных). Подвижной состав Ирана составляли тепловозы и вагоны, импортированные из ФРГ и Австрии. В 70-е годы велось строительство вагоностроительного завода в городе Тебризе при содействии Румынии.

Хотя в Тегеране имелось три аэропорта: в Мехрабаде, Калвемурге и Доушантепе, только первый из них действительно коммерчески эксплуатировался, обеспечивая внутреннюю и внешнюю связь столицы. Мехрабадский аэропорт являлся единственными воздушными воротами Тегерана. Он был расположен всего в 15 минутах езды от центра города на запад, минуя по пути площадь с величественным монументом «Шахъяд Ариамехр». Аэропорт был одним из самых современных и крупных на Ближнем и Среднем Востоке. С него осуществлялась воздушная связь иранской государственной авиационной компанией «Хума» (Феникс), называвшейся также «Иран эйр», с шестнадцатью городами страны. Только в Исфахан совершалось еженедельно по 42 рейса, а в Шираз – 46. Из Тегерана тянулись более двадцати международных линий в столицы стран Европы (включая Москву), Нью-Йорк, в страны Персидского залива, Ближнего Востока, в Афганистан, Пакистан и Индию. Кроме того, «Иран эйр» имел соглашения с 86-ю странами и мог обеспечивать полеты в эти страны на самолетах сотрудничавших иностранных компаний.

Оснащенность диспетчерским и локаторным оборудованием Мехрабадского аэропорта находилась на уровне лучших мировых стандартов, а также обеспечивалась разнообразной снегоочистительной техникой, что позволяло аэропорту действовать непрерывно круглый год. Для полетов внутри Ирана и в соседние страны использовались американские «Боинги-727», «ДС-6» и «ДС-3», а на дальних рейсах – «Боинги 707 и 747». В связи с интенсификацией пассажирских авиаперевозок «Иран эйр», иранское правительство заказало партию

аэробусов. К 1982 году их число в Иране должно было достигнуть 10. Общая площадь, занятая подо всеми аэродромными сооружениями, была большая. Кроме гражданской части на ней размещался большой военный аэродром с длинными рядами самолетов «Фантом» и «Ф-15» («Игл»), вертолетами, ангарами и корпусами по ремонту авиационной техники.

Для военных самолетов действовала отдельная взлетно-посадочная полоса, на которой каждый 3-4 минуты с ревом, потрясавшим район аэропорта, взмывали или приземлялись напоминавшие коричневых жуков мощные «Фантомы» и «Иглы». Военнотранспортные самолеты были размещены отдельными группками в разных концах территории порта. Часть из них даже приютилась в гражданской части. Необычным было, что рядом с изящными пассажирскими лайнерами «ТУ-154», «Боингами-707 и 727» практически вплоты соседствовали гиганты «Геркулесы», «ДС» и другие «киты» транспортно-грузовых авиaperевозок.

Кроме того, к зоне Мехрабадского аэропорта относился сектор частной летательной техники. Сравнительно с государственной авиацией, самолеты частников казались миниатюрными и даже внешне «авиамоделльными». Это были одномоторные «мотыльки и бабочки», то есть даже двухтурбинные реактивные воздушные яхты, но тоже уменьшенных размеров.

Уже в 70-е годы чувствовалось, что для такого быстрорастущего города, каким являлся Тегеран, Мехрабадский аэропорт, втиснутый почти в пределы мегаполиса, становился неперспективным. Число рейсов, внутренних и внешних, постоянно росло (только в 1976 г. в Нью-Йорк с 4-х

до 7, в Лондон – с 14 до 19, в Париж – с 7 до 8. в Шираз – с 37 до 46, в Исфахан – с 34 до 42 рейсов в неделю). А расширяться аэропорту было уже некуда, вокруг него появились обустроенные промышленные и жилые районы, расчистка и снос которых не представлялись целесообразными. Кроме того, Иран заключил с Францией контракт на закупку сверхзвуковых пассажирских лайнеров «Конкорд» для эксплуатации на международных линиях «Иран Эйр». Тегеран и так был перегружен в шумовом отношении, а вступление в эксплуатацию «Конкордов» должно было еще более усугубить обстановку.

Поэтому было начато строительство нового международного аэропорта Тегерана общей площадью в 100 квадратных километров, который предполагалось ввести в строй с 1982 г., а Мехрабадский аэропорт – использовать только для внутренних рейсов.

Новый аэропорт запланировали разместить в 40 километрах на юго-запад от города по дороге Тегеран – Саве в районе селения Робат Карим. Предварительные строительные работы были завершены в начале 1977 года. По заявлению иранских властей, он должен был стать одним из самых современных в мире, и оборудован по последнему слову техники. Столицу с аэропортом в Робат Кариме свяжут скоростные автобаны Тегеран – Кум и Тегеран – Саве, кольцевая автодорога Тегерана и линия метро, строительство которых уже велось.

Заключение

Многое кануло в прошлое.

Но историческое, и даже совсем недавнее, наследие народа не исчезает, а продолжает свое функционирование в ИРИ, сохраняя и развивая свои наиболее здоровые, нужные и национально полезные богатства. Благодаря им, иранский народ спасает свою цивилизацию и противостоит внешним негативным воздействиям и угрозам.

Тегеран – Москва, 1977, 2015 гг.

При написании очерково-аналитических зарисовок «ТЕГЕРАН – жизнь накануне» автором использовались как записи его личных наблюдений во время пребывания в Тегеране в 70-е годы XX-го века, так и следующие источники и публикации:

“IRAN”, Published by MINISTRY OF INFORMATION, Tehran-Iran, August 1969, 279pp.

“IRAN IN THE SERVICE OF WORLD PEACE” (On the Occasion of the 2500th Anniversary Celebration of the Founding of the Iranian Empire) by Zaven N. Davidian – Director, International Relations Department, University of Isfahan, Iran, 1971, 323 pp.

The 2500th Anniversary of the Founding of the Persian Empire, An Iran Air Publication (brochure)

“L’ART MODERNE EN IRAN”, Imprimerie du Ministere Iranien de la Culture et des Arts 1967, 74 pp.

راهنمای کامل تهران و حومه «The complete map of TEHRAN and environs», Iran geographic and cartographic Co. LTD, 1975.

“CARTE TOURISTIQUE DE TENERAN”, Tehran, Iran, 1975.

Газеты «КЕЙХАН», «ЭТТЕЛААТ», «БУРС», журналы «ЭТТЕЛААТЕ ХАФТЕГИ» («ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЕ ИЗВЕСТИЯ»), «ТЕХРАНЕ МОСАВВАР» («ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ТЕГЕРАН»), «ЗАНЕ РУЗ» («ЖЕНЩИНА СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ»), «ЭТТЕЛААТЕ БАНУВАН» («ИЗВЕСТИЯ ДЛЯ ЖЕНЩИН») за 1975-1977гг.

А. К. Ненашев «НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ВЕКОВ», М. Изд. «НАУКА», 1974, 128 с.

«ИСТОРИЯ ИРАНА», М., Издательство МГУ, 1977, 488 с.

«ЗАГАДКИ СТАРОЙ ПЕРСИИ» (TERRA HISTORICA), М., «Вече», 2010, 320 с.

И. В. Осанов, С. М. Бурыгин, Н. Н. Непомнящий «ИРАН. Страна-загадка, открывающаяся миру» (исторический путеводитель), М., «Вече», 2010, 320 с.

Журнал «ВОСТОЧНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ», М., Российская государственная библиотека, 2003, №3, с.10-17.

Интернет